

КОНСТАНТИН ДУШЕНКО

ИСТОРИЯ

ЗНАМЕНИТЫХ

ЦИТАТ



ИЗДАТЕЛЬСТВО КОЛИБРИ

Константин Душенко

История знаменитых цитат

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 82-84
ББК 94.8

Душенко К. В.

История знаменитых цитат / К. В. Душенко — «Азбука-Аттикус»,
2018

ISBN 978-5-389-14954-0

Популярные цитаты – одна из важных частей культуры; нередко это формулы нашего мышления. Знать, откуда они появились и что они означали в разное время, – дело вовсе не лишнее. Позволю себе предположить, что даже осведомленный читатель узнает немало нового о том, что он считал хорошо известным. А кроме того, выяснение этого – занятие необычайно увлекательное... К. Душенко

УДК 82-84
ББК 94.8

ISBN 978-5-389-14954-0

© Душенко К. В., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Предисловие	7
Абсолютная власть развращает абсолютно	8
Ангелы на кончике иглы	10
Аппетит приходит во время еды	13
Бальзаковский возраст	15
Бесплатных завтраков не бывает	19
Битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель	21
Бог – в деталях	23
Бог меня простит, это его ремесло!	24
Бог умер	25
Боги уходят	27
Бойся равнодушных	29
Больше света!	31
Браки совершаются на небесах	33
Братья по разуму	35
Будущее невозможно предвидеть, но можно изобрести	37
Будь готов! – Всегда готов!	39
Будьте бдительны!	41
Буря в стакане воды	43
Бывали хуже времена, но не было подлей	46
Бывшее сделать небывшим,	48
В борьбе обрешь ты право свое	50
В окопах нет атеистов	51
В этой гипотезе я не нуждался	53
Велик русский бог	56
Велика Россия, а отступать некуда	59
Великий немой	61
Великое молчащее большинство	63
Взять глыбу мрамора и отсечь от нее все лишнее	65
Вино, женщины и песни	66
Власть лежит на улице	68
Волшебное слово	70
Воруют!	72
Враг моего врага	74
Враг рода человеческого	76
Время – деньги	78
Все выше, выше и выше	80
Все говорят о погоде, но никто ничего с ней не делает	82
Все мы вышли из гоголевской шинели	84
Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем	86
Все позволено	88
Все ушли на фронт	90
Все хорошо, прекрасная маркиза!	92
Вселенная и человеческая глупость	94
Всех не перевешаешь!	96

Вставайте, граф, вас ждут великие дела!	98
Гений – это 1 процент вдохновения и 99 процентов пота	99
Германия превыше всего	101
Гимнастика ума	103
Главное – не победа, а участие	105
Гомо советикус, он же совок	107
Государство – это я	109
Грабь награбленное!	111
Гранит науки	113
Да возвеличится Россия, да стигнут наши имена!	115
Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время	118
Даже у параноика есть враги	120
Дай мне мужество изменить то, что я могу изменить...	122
Двунадесять языков, четырнадцать держав	124
Дети, кухня, церковь	126
Для торжества зла достаточно лишь...	128
Добрым словом и револьвером	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Константин Душенко

История знаменитых цитат

© Душенко К. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

* * *

*Быть может, всемирная история – это история нескольких
метафор.*

Хорхе Луис Борхес. «Сфера Паскаля»

Предисловие

В этой книге читатель найдет 233 рассказа об известных цитатах и крылатых словах. Это прежде всего цитаты, происхождение которых неочевидно, а также цитаты с долгой и интересной историей. На разных этапах этой истории значение цитаты нередко менялось. То же относится к бытованию одной и той же цитаты в различных национальных культурах. Согласно старинному изречению, «если двое говорят одно и то же, то это не одно и то же».

Представленные здесь цитаты и крылатые слова относятся к самым разным областям – истории, литературе, политике, религии, философии, популярной культуре и т. д.

Популярные цитаты – одна из важных частей культуры; нередко это формулы нашего мышления. Знать, откуда они появились и что они означали в разное время, – дело вовсе не лишнее. Позволю себе предположить, что даже осведомленный читатель узнает немало нового о том, что он считал хорошо известным. А кроме того, выяснение этого – занятие необычайно увлекательное; недаром же в английском языке существует понятие «phrase detective» – «следователь происхождения цитат».

Замысел этой книги родился в 2006 году, когда я начал вести рубрику «История знаменитых цитат» в журнале «Читаем вместе». Около сотни помещенных здесь статей были написаны для этой рубрики, хотя для книжного издания многие из них переработаны.

В установлении происхождения ряда англоязычных цитат немалым подспорьем был для меня сайт quoteinvestigator.com.

Кроме того, хочу выразить свою благодарность участникам сетевого форума ЛИНГВО «Охота за цитатами», общение с которыми позволило мне многое уяснить для себя.

*Константин Душенко
Январь 2018*

Абсолютная власть развращает абсолютно

«Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» – «Power corrupts; absolute power corrupts absolutely».

Так обычно цитируется это изречение, хотя у его автора, лорда Актона, оно выглядело несколько иначе: «Power tends to corrupt...» – «Власть имеет свойство (*букв.* тенденцию) развращать...».

Джон Актон (1834–1902) – британский политик-либерал и видный историк. Еще он известен тем, что, будучи католиком, выступал против учения о папской непогрешимости. Его знаменитая цитата содержалась в письме от 3 апреля 1887 года, опубликованном в 1904 году.

Адресат письма, Манделл Крейтон, англиканский священник и профессор Кембриджского университета, опубликовал ряд трудов о елизаветинской Англии и истории папства. Позднее он был рукоположен в епископы, и лишь преждевременная смерть помешала ему стать архиепископом Кентерберийским.

В письме к коллеге-историку Актон ставит проблему моральной оценки исторических деятелей:

Я не могу принять ваш взгляд, что пап и королей следует оценивать иначе, чем прочих людей (...). Власть имеет свойство развращать, а абсолютная власть развращает абсолютно. Великие люди почти всегда дурные люди, даже если они используют только свое влияние, а не власть; и уж тем более, если учесть, что причастность к власти обычно или даже всегда развращает (the tendency or the certainty of corruption by authority). Поэтому нет горшей ереси, чем утверждение, будто высокое положение освящает тех, кто его занимает. (...) Самые великие имена повинны в самых больших преступлениях.

Если бы Актон упомянул здесь Наполеона, можно было бы решить, что он только что прочел IV том «Войны и мира», перевод которого вышел в Англии годом ранее. Именно здесь содержится хрестоматийное рассуждение Толстого о величии:

...Когда действие уже явно противно тому, что все человечество называет добром и даже справедливостью, является у историков спасительное понятие о величии. Величие как будто исключает возможность меры хорошего и дурного. Для великого – нет дурного.

А 26 июня 1899 года Толстой записывает в своем дневнике: «...Власть имеющие развратились, потому что имеют власть...»

Первая часть высказывания Актона, в сущности, представляла собой цитату из речи знаменитого политика Уильяма Питта-старшего. Выступая в Палате лордов 9 января 1770 года, он заявил:

– Власть имеет свойство развращать умы тех, кто ею обладает.

Эта мысль, разумеется, не нова. Уже Плутарх писал:

[Сулла] по справедливости навлек на великую власть обвинение в том, что она не дает человеку сохранить свой прежний нрав, но делает его непостоянным, высокомерным и бесчеловечным.

(«Сулла», 30; перевод В. Смирин)

Изречение Актона породило множество вариаций; вот некоторые из них:

Если власть развращает, то поэзия очищает. (Джон Кеннеди, речь 26 октября 1963 г. в Амхерсте, штат Массачусетс.)

Всякая власть великолепна, а абсолютная власть абсолютно великолепна. (Приписывается английскому критику Кеннету Тайнану.)

Если абсолютная власть развращает абсолютно, то как же быть с Господом Богом? (Ок. 1991 г.; автор неизвестен.)

Абсолютная секретность развращает абсолютно. (Генеральный инспектор ЦРУ Фред Хиц, интервью в «Нью-Йорк таймс» от 30 июля 1995 г.)

Любовь развращает; безграничная любовь развращает безгранично. (Автор неизвестен.)

Далее читатель может попробовать сам.

Ангелы на кончике иглы

«Схоласты дискутировали о том, сколько ангелов уместится на кончике иглы» (или: «... могут танцевать на кончике иглы»). Порою так пишут даже в ученых трудах.

Что же было на самом деле?

В 1823 году вышло в свет очередное, расширенное издание «Литературных курьезов» Исаака Дизраэли, отца знаменитого политика Бенджамина Дизраэли. Одна из глав книги называлась «Quodlibets, или Схоластические дискуссии». Здесь сообщалось, что в пародийном романе «Записки Мартинуса Скриблеруса» (1741) высмеивались темы дискуссий средневековых схоластов: «Могут ли ангелы перемещаться из одной крайней точки в другую, не проходя через середину между ними?», «Верно ли, что ангелы лучше познают вещи утром?», а также: «Сколько ангелов могут танцевать на кончике чрезвычайно тонкой иглы, не толкая друг друга?»

«Записки...» были впервые опубликованы в собрании сочинений Александра Поупа, хотя почти всю книгу написал шотландский врач и писатель Джон Арбетнот (1667–1735). Здесь действительно имелся список схоластических вопросов, взятых из «Суммы теологии» Фомы Аквинского – главного богословского трактата Средневековья. Но вопроса об ангелах на кончике иглы у Скриблеруса не было – тут Дизраэли-старший ошибся.

«Ангелов на кончике иглы» не было и в «Сумме теологии». Фома ставил вопрос иначе: «Могут ли несколько ангелов находиться в одном и том же месте одновременно?» – Нет: «В одном месте может находиться только один ангел».

В «Сумме теологии» решаются и все остальные вопросы об ангелах и демонах (т. е. падших ангелах):

Велика ли численность ангелов? – «Невероятно велика».

Знают ли ангелы наши тайные мысли? – Нет, это ведомо только Богу.

Разговаривают ли ангелы друг с другом? – Да, но не словами, а как бы телепатически, «внутренней речью через посредство понятий ума».

Известно ли прочим ангелам, о чем говорят двое ангелов между собой? – Нет.

Испытывают ли ангелы похотливые пожелания? – Нет.

Скорбит ли ангел-хранитель о бедствиях своего подопечного? – Нет, ибо на все воля Божия.

Был ли высший из падших ангелов (т. е. Сатана) наивысшим из всех? – Вполне вероятно, ведь наивысший ангел имел причины особенно сильно завидовать Богу.

Знакома ли демонам печаль? – Нет. А как же «Печальный демон, дух изгнания»? Ну, это уже романтизм XIX века, совершенно чуждый средневековому образу мыслей.

Особенно любопытен ответ на вопрос о том, могут ли ангелы перемещаться из одной точки в другую, не проходя через среднюю точку между ними. Пространственное движение ангелов, замечает Фома, может быть как непрерывным, так и дискретным:

«Если движение ангела дискретно, то он может переходить из одной точки в другую, не переходя через середину между ними».

Эта мысль нашла понимание у физиков XX века как предвосхищение парадоксов теории элементарных частиц.

Но как же все-таки с ангелами на кончике иглы? Неужели Дизраэли-старший их выдумал?

Не совсем. Фома Аквинский жил в XIII веке. А в XIV веке в Германии появился мистико-богословский диалог «Сестра Катрей» («Сестра Катерина»). Долгое время он ошибочно приписывался величайшему немецкому мистiku Мейстеру Экхарту.

Сестра Катрей, уже обретшая опыт мистического воссоединения с Богом, беседует со своим духовником:

«...Дочь моя, ученые утверждают, что на небесах тысяча ангелов могут стоять на кончике иглы. Теперь разъясни мне, что это значит». (...) «Ученые правы. (...) Душа, вошедшая в Бога, не имеет ни времени, ни пространства, ни чего-либо еще, что можно выразить словами. Но можно сказать и так, что пространство, занятое любой душой, гораздо обширнее, чем небо и земля и все сотворенное Богом. Я скажу больше: Бог мог бы сотворить небо и землю еще обширнее, и все же они, вместе со множеством уже сотворенных им существ, были бы меньше, чем кончик иглы, если сравнить их с душой, воссоединившейся с Богом».

На этот фрагмент указал английский ученый Дж. Макдоналд Росс в 1985 году. С того времени обычно считается, что именно эта мистическая метафора, вместе с рассуждениями Фомы, и послужила источником легенды о дискуссиях ученых-схоластов.

Сама легенда родилась в Англии XVII века под пером протестантских проповедников и публицистов. Однако, считает австралийский ученый Питер Гаррисон («Notes and Queries», 2016, № 1), едва ли ее источником был трактат «Сестра Катрей», не слишком известный и далекий от всякой схоластики. Более вероятно, что в XVII веке «ангелы на кончике иглы» родились самостоятельно – из игры слов английского языка. Обличая католическое богословие, протестанты воспользовались каламбурным сближением выражения «needles point» («кончик иглы» в архаическом написании, вместо современного needles) и «needlesse point» – «бесполезный вопрос» (букв. «пункт», «точка»).

В 1619 году в Лондоне вышло «Комментированное изложение Первого послания к Фессалоникийцам» англиканского священника Уильяма Слейтера (W. Sclater). Здесь высмеивались темы схоластических дискуссий:

...могут ли многие [ангелы] находиться в одном месте одновременно, и сколько [ангелов] может сидеть на кончике иглы (needles point), и шесть сотен столь же бесполезных вопросов (needlesse points).

Еще дальше в игре слов идет Эдуард Уиллан в проповеди «О христианском милосердии», прочитанной 18 марта 1649 года и включенной в сборник «Шесть проповедей» (1651):

...Изучая что-либо, мы должны руководствоваться не любопытством, чтобы лишь спорить, но христианским милосердием, чтобы вносить успокоение.

Когда был задан вопрос, сколько ангелов могут одновременно стоять на кончике иглы, ответом было: на этом вопросе останавливаться бесполезно. Не будем останавливаться на таких бесполезных вопросах...

(В оригинале сплошная игра слов: «...How many Angels might *stand upon a needles point* at once? (...) It was but a *needlesse point to stand upon*. Let not us *stand upon such needlesse points*...»)

В полемическом трактате Уильяма Чиллингуорта «Религия протестантов, верный путь к спасению» (1638) утверждалось, будто католические богословы спорили о том, «может ли миллион ангелов поместиться на кончике иглы».

Танцующие ангелы появились чуть позже – в трудах философов-неоплатоников Кембриджской школы. Неоплатоники, в отличие от Фомы Аквинского (а также от их современника Декарта), полагали, что духовная субстанция имеет пространственную протяженность. Они не считали вопрос об ангелах на кончике иглы бессмысленным: они утверждали лишь,

что он неверно поставлен. Поэтому, полагает Гаррисон, они отказались от игры слов, имевшей целью высмеять католическую схоластику.

Кембриджский профессор Генри Мор всерьез интересовался демонологией и ангелологией. В трактате «Бессмертие души» (1659) он критиковал ученые школы, которые отрицают пространственную протяженность духовных существ и «спорят о том, сколько их в полной экипировке может одновременно танцевать на кончике иглы».

Ральф Кедворт оспаривал точку зрения, что «тысячи этих бестелесных веществ, или духов, могли бы танцевать одновременно на кончике иглы» («Истинная интеллектуальная система вселенной», ч. 1, 1678).

Джозеф Гланвиль из Оксфорда, примыкавший к неоплатоникам, писал: «Тот, кто сказал, что тысяча [ангелов] могут танцевать на кончике иглы, выразился неудачно» («Тщетность догматического мышления», 1661).

В XIX веке фраза об ангелах на кончике иглы стала ходячим речением, а в достоверность диспутов на эту тему уверовал каждый мыслящий человек.

Аппетит приходит во время еды

В I издании «Крылатых слов» Н. С. и М. Г. Ашукиных (1955) об этом изречении сказано лишь, что оно взято из романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», ч. I, гл. 5 (1532). Важное уточнение появилось в издании 1996 года – в разделе «Дополнения», созданном на основе картотеки Ашукиных:

«...Выражение принадлежит французскому епископу Жерому де Анже (?—1538), известному своими полемическими выступлениями против протестантов и употребившему его в своем сочинении “О причинах” (1515)».

Эта версия была принята в позднейших русских справочниках. И совершенно напрасно.

В самом романе читаем: «“Аппетит приходит во время еды”, сказал Анже Манский; жажда проходит во время питья» (перевод Н. Любимова).

Философ-схоласт Жером де Анже, епископ города Ман, был видным профессором Парижского университета, где, среди прочего, исполнял роль цензора. В старых комментариях к Рабле трактат «О причинах» указан как источник знаменитого выражения. Однако в критическом издании «Гаргантюа и Пантагрюэля» 1970 года отмечается, что ссылка Рабле на Анже Манского носит иронический характер.

Так оно и есть. Трактат «О причинах», как и все тогдашние ученые сочинения, написан на латыни. В разделе I, 1, 5 автор рассуждает о стремлении материи к форме, следуя Аристотелю – главному авторитету поздней схоластики. Язык изложения до крайности темен и изобилует тавтологическими оборотами, такими как «*appetit actu appetendi*», *букв.*: «стремится действием стремления».

Рабле не упустил случая спародировать эту формулу, обыграв сходство латинского «*appetitus*» (стремление, влечение) и французского «*appetit*» (аппетит). Так появилось изречение «*L'appetit vient en mangeant*» – «Аппетит приходит во время еды».

Феноменальная эрудиция Рабле известна; и все же удивительно, что он читал даже подобного рода трактаты. Кстати сказать, оборот «*appetit actu appetendi*» де Анже позаимствовал из более ранних схоластических трудов. Он встречается уже в «Вопросах для диспутов» профессора Сорбонны Годфруа де Фонтена («*Quodlibeta*» (1289), VI, 2).

Хотя изречение пародирует ученый язык, его содержание вполне серьезно. Та же мысль в другом оформлении встречается у Овидия:

...В нем пища любая
К новой лишь пище влечет.

(«Метаморфозы», VIII; перевод С. Шервинского)

В книге Флёри де Беллингена «Этимология, или Объяснение французских пословиц» (1656) изречение Рабле приписано переводчику и педагогу Жаку Амьё (1513–1593). В 1557 году он стал воспитателем принцев – будущих королей Карла IX и Генриха III. Согласно де Беллингену, когда Генрих III вступил на трон, он выполнил просьбу Амьё, дав ему в управление выгодное аббатство. Когда же освободилась еще более выгодная должность епископа Осера, Амьё попросил ее для себя. Король напомнил, что прежде Амьё довольствовался аббатством. Тот ответил:

– Ваше Величество, аппетит приходит во время еды.

Эта легенда получила широкую известность, хотя истины в ней ни на грош. Амьё стал епископом в 1570 году при Карле IX (а не Генрихе III), почти 40 лет спустя после выхода в свет романа Рабле.

В 1842 году Леру де Линси опубликовал «Книгу французских пословиц». Здесь изречение «Аппетит приходит во время еды» приведено как пословица XV века. Своих источников де Линси не указал; можно вполне уверенно утверждать, что здесь он ошибся. Тем не менее эта версия нередко встречается в комментариях к Рабле.

В справочнике Михельсона «Русская мысль и речь» (1903–1904) изречение Рабле дано с переводом: «Аппетит является во время еды», а в качестве его русского эквивалента приведено выражение: «Чем больше есть, то больше хочется».

Подобные выражения появились в русской печати со второй половины XIX века:

«... Чем больше лежишься [на водах], тем больше хочется лечиться» («Петербургские заметки» в журн. «Отечественные записки», 1854, июль);

«Что больше куришь, то больше хочется» (Н. Лейкин, «Веселые рассказы», 1874);

«Чем больше жрет, тем больше утроба просит... (...) чем больше пьет, тем больше хочется» (Н. Златовратский, «Устой», 1884).

По-видимому, все эти обороты восходят к роману Чарльза Диккенса «Холодный дом» (1853), гл. 20, где приведен «парадокс»: «Чем больше пьешь, тем больше хочется пить». Перевод этой главы появился в «Отечественных записках» в марте 1854 года и в «Современнике» в мае того же года.

В «Книге французских пословиц» де Линси приведено также «обратное» изречение: «En mangeant l'on perd l'appetit» – «Аппетит проходит (*букв.* теряется) во время еды». Оно, конечно, возникло из фразы самого же Рабле «Жажда проходит во время питья».

У нас эту мудрость изобрели вторично Ильф и Петров. Глава 4 «Одноэтажной Америки» (1936) называется «Аппетит уходит во время еды»; в ней рассказывается о нью-йоркском кафетерии с системой самообслуживания, что для советского человека было в новинку.

Наконец, свою версию предложил Станислав Ежи Лец: «Аппетит приходит во время еды, но не уходит во время голода» («Непричесанные мысли, записанные в блокнотах и на салфетках...», 1996).

Бальзаковский возраст

По Рунету блуждает викторинный вопрос с подвохом: «Что такое бальзаковский возраст?» Ответ неожиданный: «Тридцать лет», – поскольку, дескать, выражение связано с романом Бальзака «Тридцатилетняя женщина».

Действительно, в справочнике Ашукиных «Крылатые слова» (1955) этот роман указан как источник выражения. Однако здесь же отмечено, что речь идет о «возрасте 30–40 лет». Я бы добавил: «и более позднем». Может быть, поначалу «бальзаковский возраст» был меньше? Попробуем разобраться.

Роман «Тридцатилетняя женщина» (1842) составлен из новелл, которые публиковались с 1830 года. Третья новелла, опубликованная в 1832 году, называлась «В тридцать лет»; в следующем году она вышла в России отдельным изданием под заглавием «Женщина в тридцать лет».

Но уже в 1836 году писатель и критик Жюль Жанен заявил об открытии Бальзаком – нет, не тридцатилетней женщины, а «женщины от тридцати до сорока лет, и даже старше!».

Женщина тридцати-сорока лет слыла в прошлом неподвластной страстям, а следовательно, не существовала ни для романа, ни для драмы; сегодня же, благодаря этим триумфальным открытиям, сорокалетняя женщина царит в романе и драме полноправно и единолично. (...) Сорокалетняя женщина вытеснила из литературы шестнадцатилетнюю барышню.

(Рецензия на водевиль Ж. Ансело и П. Фуше «Соперница» в газ. «Journal des debats» от 28 ноября 1836 г.; вторая цитата – в переводе Веры Мильчиной)

С самого начала женщина, «открытая» Бальзаком, виделась в России, как и во Франции, преимущественно сорокалетней. В повести Владимира Соллогуба «История двух калош» (1839) читаем: «В сорок лет, что ни говори Бальзак, женщина в неприятном положении».

В повести Сергея Победоносцева «Милочка» (1845) упоминалась «отцветшая бальзаковская сорокалетняя красавица». (Выражение «сорокалетняя красавица» стоит запомнить – мы его встретим ниже.)

Тогда же рецензент «Отечественных записок» повторил слова Жюль Жанена, назвав Бальзака «литературным Христофором Колумбом», который «открыл сорокалетнюю женщину»:

Дайте Бальзаку сорокалетнюю женщину, бледную, желтую, хилую, болезненную, пусть даже она будет с горбом или хромот, – ничего! она вмиг явится очаровательным созданием: романист-парадоксист оденет ее с изящным вкусом (...); вы ослеплены, очарованы, пред вами не женщина зрелого возраста, желтая и безобразная, – перед вами ангел, волшебница, сама Венера.

(«Новый роман Бальзака», «Отечественные записки», 1845, № 1)

В таком случае при чем здесь «Тридцатилетняя женщина»?

Прежде всего напомним, что определение «тридцатилетняя» тогдашний читатель понимал как галантное обозначение женщины в возрасте за тридцать, а пожалуй, и далеко за тридцать. Критик парижского «Артистического журнала» язвительно замечал:

Ни для кого не тайна, что женщина переходит от двадцати девяти лет до шестидесяти без промежутков и что тридцатилетняя женщина существует только в фантастическом воображении г-на де Бальзака.
(«*Journal des artistes*», 1838, № 1, рецензия на водевиль Ж. Б. Розье «В тридцать лет, или Рассудительная женщина»)

На исходе XIX века о том же говорил Оскар Уайльд: «Ей все еще тридцать пять с тех самых пор, как ей исполнилось сорок» («Как важно быть серьезным», 1895).

Паспортов тогда не было, и дамы легко сбавляли себе возраст. 32-летняя Эвелина Ганская на первой встрече с Бальзаком выдавала себя за 27-летнюю, т. е. 30-летней она стала лишь в 35. В маркизе д'Эглемон, героине новеллы «В тридцать лет» (1832), осведомленные парижане находили сходство с графиней де Берни, возлюбленной молодого Бальзака, а ей в начале их романа было даже не сорок, а сорок пять, и она уже успела стать бабушкой.

Едва ли не центральное место занимает в этой новелле сравнение девушки со зрелой женщиной, причем безусловно в пользу последней:

Тридцатилетняя женщина идет на все, а девушка из девичьего страха вынуждена перед всем отступать.

В эту пору она уже обладает необходимым тактом, умеет затронуть чувствительные струны мужского сердца и прислушаться к их звучанию.

Женщины знают тогда цену любви и дорожат ею, боясь утратить ее; в ту пору душу их еще красит уходящая молодость, и любовь их делается все сильнее от страха перед будущим.
(Перевод А. Худадовой)

Гораздо менее известно, что в том же 1832 году Бальзак воспел и сорокалетнюю женщину – в новелле «Поручение» из цикла «Сцены из частной жизни». Герои новеллы переживают «то время, когда кажутся всего обаятельней женщины известного возраста, иными словами, женщины между тридцатью пятью и сорока годами»; «встречается немало сорокалетних женщин более молодых, чем иные двадцатилетние»; «мы признались друг другу: он – в том, что госпоже такой-то тридцать восемь лет, а я, со своей стороны, в том, что страстно люблю сорокалетнюю» (перевод М. Столярова).

Неудивительно, что с 1830-х годов Бальзак – любимый автор не только французских, но и русских дам. В повести Михаила Загоскина «Три жениха» (1835) упоминаются только что доставленные из Парижа в некий губернский город «две французские книги в синей красивой обертке: это были “Сцены из приватной жизни”, сочинение г. Бальзака» (заметим: те самые «Сцены...», в которые включена новелла «Поручение»). Прибывшая из Москвы дама восторженно восклицает: «Но Бальзак!.. Ах, Бальзак!! В Москве нет ни одной порядочной женщины, которая не знала бы его наизусть».

В 1838 году вышла в свет повесть «Сорокалетняя женщина» Шарля де Бернара, друга и ученика Бальзака. В том же году эта повесть – под измененным заглавием «Сорокалетняя красавица» – появилась в «Библиотеке для чтения», самом популярном тогдашнем русском журнале. Повесть де Бернара еще более утвердила представление о «бальзаковской женщине» как сорокалетней.

А в следующем, 1839 году, вышел роман Бальзака «Беатриса». Одной из главных героинь романа была сорокалетняя мадемуазель де Туш, «списанная» с Жорж Санд. Бальзак превозносит ее до небес:

Юности свойственно лакомиться зрелыми плодами, а ими богата щедрая осень женщин (...).

...Их преданность безгранична; они слушают вас, они любят вас, наконец, они хватаются за любовь, как приговоренный к смерти цепляется за какой-нибудь пустяк, связывающий его с жизнью; (...) словом, абсолютную любовь можно узнать только через них.

(Перевод Н. Жаркова)

Само выражение «бальзаковский возраст» чисто русское: оно неизвестно в других языках, включая французский.

Появилось оно не сразу, а лишь в последние десятилетия XIX века, например, в юмореске Чехова «От нечего делать» (1886): «Ах ты, бесстыдница! Впрочем, что ж? Бальзаковский возраст! Ничего не поделаешь с этим возрастом!»; «Бальзаковская барыня и психопатка». Героине юморески 33 года, и ее причисление к «бальзаковским барыням» – отчасти следствие сильнейшего раздражения ее мужа, заставшего жену целующейся с молодым человеком.

Примерно к тому же времени относится эпизод из воспоминаний Марии Павловны Чеховой. Левитан неожиданно объяснился ей в любви; она рассказала об этом брату. Тот ответил: «Ему нужны женщины бальзаковского возраста, а не такие, как ты». Это выражение было тогда новым. «Мне стыдно было сознаться, – вспоминает Мария Павловна, – что я не знаю, что такое “женщина бальзаковского возраста”, и в сущности я и не поняла смысла фразы Антона Павловича».

Такой женщиной была, как известно, художница Софья Кувшинникова – прототип чеховской «Попрыгуньи». Их роман с Левитаном начался, когда ей было сорок, а Левитану – двадцать восемь.

В романе Лескова «Некуда» (1864) говорилось о «страстных женщинах бальзаковской поры» («пора» здесь синоним «возраста»), а в очерке Некрасова «Петербургские углы» (1845) – о женщине «бальзаковской молодости».

У Салтыкова-Шедрина, так же как у Некрасова и Лескова, «бальзаковская женщина» дается в сугубо ироническом контексте:

«– Сорок годков изволили получить! Самая, значит, пора!

Я делаю чуть заметный знак нетерпения.

– По Бальзаку, это именно настоящая пора любви. Удивительно, говорят, как у этих сорокалетних баб оно знойно выходит...»

«Я, твоя бедная мать, эта сорокалетняя женщина, *cette femme de Balzac, comme dit le Butor!* [бальзаковская женщина, как говорит Бутор]». («Благонамеренные речи», гл. «Еще переписка», 1874.)

Никакого сколько-нибудь известного Бютора не существовало, как не существовало во Франции выражения «*femme de Balzac*».

Прообраз оборота «бальзаковский возраст» мы находим уже в 1837 году в журнале «Библиотека для чтения» (т. 21, обзор «Французский театр в Париже»). Рецензируя одноактную комедию «Дамы-благотворительницы» Феликса Арвера, обозреватель журнала недоумевал, зачем понадобилось автору сделать своих героинь «женщинами в зрелых и даже перезрелых летах; женщинами, которые перешли уже *бальзаковскую грань женской молодости* – роковую грань, за которою уже не цветут никакие розы, и только витают морщины» (курсив мой. – К.Д.).

Сорокалетняя влюбленная женщина встречалась в литературе и раньше. В XVIII веке Генри Филдинг писал о ней почти теми же словами, что и Бальзак:

...Благоразумная страсть, которую женщина в этом возрасте чувствует к мужчине, во всех отношениях разнится от пустой детской любви девочки к мальчику, которая часто обращена только на внешность и на вещи ничтожные и преходящие...

(«Том Джонс» (1749), кн. I. гл. 11; перевод А. Франковского)

Разница только в том, что у Филдинга это чистый сарказм, а вовсе не панегирик.

Леон Гозлан в мемуарном очерке «У Бальзака» (1853) заметил, что Бальзаку удалось «неопределенно продолжить в них [женщинах] возраст возможности любить и особенно быть любимыми» (цитирую по переводу в «Библиотеке для чтения», 1854, № 2).

Об этой бессмертной заслуге французского романиста говорит и русская дама в повести Владимира Зотова «Между Петербургом и Москвою» (1853):

Со смертью Бальзака кончились в литературе все апотеозы сорокалетних красавиц. [Опять-таки отметим этот оборот, повторяющий заглавие русского перевода повести Бернара. – К.Д.] Только его гений мог сделать интересною женщину этих лет. Неблагодарные женщины, мы и не подумали воздвигнуть ему памятник в награду за один из самых смелых подвигов, о которых когда-нибудь упоминалось в истории!

А ведь, если подумать, действительно подвиг.

Бесплатных завтраков не бывает

Все повторяют эту фразу, но мало кто знает, что за нею стоит. Прежде всего: что такое «бесплатный завтрак», или, точнее, «бесплатный обед», «бесплатная закуска» (free lunch)?

«Бесплатная закуска» была хорошо знакома современникам Марка Твена и Джека Лондона. В тогдашней Америке существовало огромное множество баров (на Западе их называли салунами); иногда в городке с населением в 3 тысячи человек насчитывалось десятка три баров. Для привлечения клиентуры многие бары стали предлагать «бесплатный обед» тому, кто заплатит за кружку пива или рюмку спиртного:

СДЕЛАЙ ГЛОТОК ЗА 15 ЦЕНТОВ И СЪЕШЬ ОБЕД, КОТОРЫЙ В РЕСТОРАНЕ СТОИТ 1 ДОЛЛАР

И – самое удивительное – это было почти правдой. «Бесплатная закуска» обычно стоила существенно больше самого напитка; очень часто она была вполне полноценным обедом. Расчет был на то, что большинство посетителей выпьет не одну, а гораздо больше кружек или же рюмок.

Однако люд победнее пользовался этой системой, чтобы подкормиться за счет заведения. В 1870-е годы в Нью-Орлеане тысячи мужчин жили только за счет «бесплатной закуски». Редьярд Киплинг, посетив в 1891 году Сан-Франциско, с удивлением сообщал, что в здешних салунах, заплатив за один напиток, можно было наесться досыта. В трудную зиму 1894 года чикагские бары накормили больше голодных людей, чем все религиозные, благотворительные и муниципальные организации, вместе взятые; в них ежедневно питалось 60 тыс. человек.

Увы, всему хорошему рано или поздно приходит конец. В 1920 году в США воцарился сухой закон. Законодатели хотели как лучше, а получили хорошо организованную преступность. Нелегально пьющее население переключилось с пива на спиртное покрепче. И «бесплатные завтраки» кончились.

А в 1930-е годы появилась фраза «Бесплатных завтраков не бывает». Самый ранний случай ее цитирования обнаружил Фред Шапиро, американский исследователь истории цитат. 27 июня 1938 года в техасской газете «El Paso Herald-Post» была опубликована, без имени автора, сказочная притча «Экономика в восьми словах».

Здесь рассказывалось, что в богатом и процветающем королевстве вдруг наступила бедность и народ голодал среди изобилия. Король созвал самых мудрых советников и велел им изложить экономическую науку «коротко и ясно». Год спустя ему принесли 87 томов по 600 страниц каждый. Разгневанный король велел казнить авторов многотомника и повторил свое требование. Экономисты стали писать все короче и короче, но все же недостаточно коротко. Наконец, последний оставшийся в живых эксперт сказал:

– Ваше Величество, я в восьми словах изложу вам всю мудрость, которую я за многие годы извлек из всех трудов всех экономистов, которые когда-либо занимались этой наукой в вашей державе. Вот эти слова: «There ain't no such thing as free lunch».

По-русски слов вдвое меньше: «Бесплатных завтраков не бывает», так что заглавие притчи следовало бы перевести как «Экономика в четырех словах».

Притча имела в виду положение в США в годы Великой депрессии и была направлена против экономической политики Франклина Рузвельта, при котором роль государства в экономике резко возросла. В одной из перепечаток притчи был указан ее автор – Уолтер Морроу (1894–1949), издатель «El Paso Herald-Post» и ряда других газет.

В 1942 году в январском номере журнала «The Atlantic Monthly» появилась статья вице-президента США Генри Уоллеса «Главные основания мира». Здесь излагался грандиозный план послевоенного переустройства. Свободная мировая торговля, стабилизация цен на сырье и содействие индустриализации отсталых стран должны были, по мысли Уоллеса, обеспечить минимальные стандарты питания, одежды и жилья для всего человечества. «Если мы можем позволить себе тратить огромные суммы, чтобы выиграть войну, мы можем потратить сколько бы ни потребовалось, чтобы выиграть мир».

Эти идеи далеко не всем пришлись по душе. Уоллес и без того имел репутацию «левого» и чуть ли не социалиста. Известный вашингтонский обозреватель Пол Маллон немедленно раскритиковал этот план в статье, опубликованной в ряде газет: «Господин Уоллес забывает о том, что “бесплатных” завтраков не было никогда. (...) За бесплатный завтрак всегда кто-то платит».

В октябре 1943 года о том же говорилось в передовице калифорнийской газеты «The Long Beach Independent»: «Говорят, что бесплатных завтраков не бывает. Но вы слушаете “Беседы у камелька” [Ф. Рузвельта], и голос из Вашингтона вам растолкует, как получить что-то из ничего».

Это выражение получило значение лозунга в книге экономического публициста Бартона Крейна «Искушенный инвестор» (1959). В 1975 году известный экономист-неолиберал Милтон Фридман опубликовал книгу «Бесплатных завтраков не бывает», после чего этот лозунг стали связывать с его именем.

Девятью годами раньше, в 1966 году, вышел в свет роман Роберта Хайнлайна «Луна – суровая хозяйка». В СССР он переведен не был; перевод Александра Щербакова («Луна жестко стелет») удалось издать только в 1993 году. Отсюда русский читатель узнал загадочное слово «элдээнбэ» – сокращение от «Ленчей даром не бывает».

Впрочем, «элдээнбэ» у нас не прижилось. Чаще встречается «дарзанебы» из более позднего перевода Нины Штуцер и Владимира Ковалевского:

– ДАРЗАНЕБЫ. Это значит – «дармовой закуски не бывает». Ее и в самом деле не бывает, – я показал на плакатик «Дармовая закуска», висевший на стене напротив, – иначе эта выпивка стоила бы вдвое дешевле. (...) Так или иначе, но платить надо за все, что получаешь.

Книгу Хайнлайна именуют «пособием для революционеров». Так оно вроде бы и есть, ведь в романе со всеми деталями описано восстание лунных поселенцев против земной тирании. Но одно дело сюжет, другое – идея. Если это и революция, то вовсе не та, о которой говорили большевики. С их точки зрения, это чистейшая контрреволюция.

Большевики (и социалисты старого закала) хотели упразднить частную собственность и рыночные отношения. А на суровой Луне Хайнлайна все решает именно рынок, да еще здравый смысл. Рынок здесь главное орудие демократии; в сущности, единственное ее орудие. Государство упраздняется, вместе с полицией, армией, законами и прочими централизованными институтами. И никакого социального обеспечения: каждый сам заботится о себе.

Эта утопия либерального анархизма близка сердцу многих американцев, мечтающих обойтись вообще без правительства. За пределами США она мало кому понятна.

Битву при Садовой выиграл пруссский школьный учитель

У нас это изречение обычно приписывалось Бисмарку. Это нередкий случай, когда высказывание не слишком известного лица приписывается знаменитости.

Не слишком известным лицом был Оскар Пешель (1826–1875), географ и антрополог, с 1871 года – профессор Лейпцигского университета, а по чину – тайный советник. С 1854 года он редактировал научно-общественный еженедельник «Das Ausland» («Заграница»).

В то время главным вопросом германской политики был вопрос о том, удастся ли Пруссии объединить германские государства вокруг себя, оттеснив Австрию на второй план. 17 июня 1866 года началась австро-прусская война, а 7 июля австрийцы были разгромлены наголову в битве при Садове (или Садовой) в Чехии.

Десять дней спустя, 17 июля, в еженедельнике «Das Ausland» появилась статья Пешеля «Уроки новейшей военной истории». Пешель писал:

... Народное образование может решить исход войны. (...) Если пруссаки разбили австрийцев, то это победа прусского школьного учителя над австрийским.

Математика – точильный камень ума, и в этом смысле вполне можно сказать, что на первом этапе чешской кампании прусский школьный учитель победил австрийского.

Век спустя советский журналист-международник Мэлор Стуруа приписал это изречение уже не Бисмарку, а Марксу: «Маркс любил повторять, что битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель» («Время: по Гринвичу и по существу», 1969).

Между тем нелюбовь основоположников марксизма к Пруссии хорошо известна. Маркс о прусском школьном учителе не говорил ничего; за него высказался Энгельс:

... Капитализм вряд ли оказывает больше уважения равному праву большинства на счастье, чем оказывало рабство или крепостничество. И разве лучше обстоит дело с духовными средствами, обеспечивающими счастье, со средствами получения образования? Разве сам «школьный учитель, победивший при Садове», – не мифическая личность?
(«Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», 1888)

Энгельс спорил против очевидности: германская система школьного образования на тот момент была одной из лучших (если не лучшей) в мире.

В 1856 году вышла в свет книга французского писателя и политика Шарля Монталамбера «О политическом будущем Англии». Согласно Монталамберу, герцог Веллингтон, осматривая крикетные площадки Итонского колледжа, сказал:

– Битва при Ватерлоо была выиграна здесь.

В 1889 году эта фраза была переведена с французского на английский в дополненном виде:

– Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона.

Так она цитируется и поныне.

Полвека спустя Джордж Оруэлл заметил:

Битва при Ватерлоо, возможно, и *была* выиграна на спортивных площадках Итона, но начальные сражения последующих войн были там же

проиграны. Одной из определяющих черт английской жизни в последние три четверти века был упадок способностей правящего класса.
(Эссе «Англия, твоя Англия» (1941); перевод В. Гольшьева)

Бог – в деталях

«Бог – в деталях», но также: «Дьявол в деталях». Оба выражения кажутся очень старыми. Когда же они появились и кто тут был раньше – Бог или дьявол?

Раньше был Бог, хотя «раньше» не значит «очень давно». Выражение «Бог – в деталях» создано в XX веке. В печати оно появилось не позднее 1937 года, со ссылкой на немецкого историка и теоретика искусства Аби Варбурга.

Аби Варбург (по рождению Абрахам Мориц) (1866–1929) большую часть своей жизни посвятил изучению итальянского Возрождения. Почти через 30 лет после смерти Варбурга его ближайшая сотрудница Гертруда Бинг процитировала слова, которые однажды он написал о себе на своем любимом итальянском языке: «Ebreo di sangue, Amburghese di cuore, d'anima Fiorentino» – «По крови еврей, сердцем – гамбуржец, душой – флорентиец».

С 1925 года Варбург вел в Гамбургском университете семинар по итальянскому искусству. Здесь господствовал междисциплинарный подход, предполагавший изучение современных художнику обрядов, символов, языка, философии и даже естественных наук. По сообщению Эрнста Гомбриха, ученика Варбурга, девизом семинара было изречение:

Der liebe Gott steckt im Detail.

(Бог таится в деталях.)

Более известен французский вариант: «Le bon Dieu est dans les détails» – «Бог – в деталях». Немецкий искусствовед Эрвин Панофски безосновательно приписал эти слова Гюставу Флоберу (в книге «Смысл и толкование изобразительного искусства», 1955).

В 1922 году, за три года до первого семинара Варбурга, было опубликовано стихотворение Бориса Пастернака «Давай ронять слова...», написанное в 1917 году. Заканчивалось оно строками:

Ты спросишь, кто велит?
– Всесильный бог деталей,
Всесильный бог любви,
Ягайлов и Ядвиг.

Не знаю, решена ль
Загадка зги заgrabной,
Но жизнь, как тишина
Осенняя, – подробно.

Разумеется, пастернаковский «бог деталей» не то же самое, что «Бог в деталях» Варбурга.

Отдаленным прообразом девиза Варбурга можно, пожалуй, считать высказывание Плиния Старшего: «Природа вещей ни в чем не выражается так полно, как в самом малом (... nusquam magis quam in minimis, tota est)» («Естественная история», XI, 2, 4).

Так обстоит дело с «Богом в деталях»; а что можно сказать насчет дьявола? Выражение «Дьявол (таится) в деталях» (нем. «Der Teufel steckt im Detail») получило широкое распространение с 1960-х годов.

Изречение «Бог – в деталях» чаще всего встречается в работах по истории и теории искусства, когда хотят подчеркнуть важность изучения всей совокупности фактов. Значение формулы «Дьявол в деталях» иное: нечто, на первый взгляд хорошее, может оказаться не столь уж хорошим при более тщательном рассмотрении.

Область применения второй сентенции шире, поэтому именно она стала основной.

Бог меня простит, это его ремесло!

В 1845 году Генриха Гейне разбил паралич верхней части тела. В мае 1848 года Гейне, живший в Париже, вышел на свою последнюю прогулку и с трудом добрался до Лувра. Оставшиеся восемь лет жизни он провел в «матрасной могиле».

15 февраля 1856 года он спросил своего врача, доктора Груби: «Скажите мне чистую правду: дело идет к концу, не так ли?» Тот промолчал. «Благодарю вас», – сказал Гейне.

17 февраля, между четырьмя и пятью часами дня, он трижды прошептал:

– Писать...

Сиделка, Катрин Бурлуа, не поняла его, но ответила «Да». Тогда он сказал громче:

– Бумагу... карандаш...

Это и были его последние слова, по свидетельству Катрин.

Однако в легенду вошли совсем другие слова. Согласно воспоминаниям Альфреда Мейснера, опубликованным почти сразу же после смерти Гейне, в ночь перед смертью поэта в комнату к нему ворвался некий знакомый, чтобы увидеть его в последний раз. Войдя, он сразу же задал умирающему вопрос, каковы его отношения с Богом. Гейне, улыбаясь, ответил:

– Будьте спокойны! Dieu me pardonnera, c'est son métier! (Бог меня простит, это его ремесло! *франц.*)

Этот рассказ и поныне принимается на веру, а между тем он почти наверняка вымышлен. К умирающему поэту ночью запросто врывается неведомо кто (ведь имени Мейснер не назвал), с ходу берет на себя роль исповедника и остается не замеченным никем – даже сиделкой, оставившей подробный рассказ о кончине поэта.

Правдоподобнее выглядит версия, которую братья Гонкур записали в своем «Дневнике» 23 февраля 1863 года со слов филолога Фредерика Бодри, друга Гейне. Жена Гейне, ревностная католичка, молилась Богу за его душу. Гейне утешил ее:

– Не сомневайся, моя дорогая, Он меня простит; это Его ремесло!

Впоследствии христианские моралисты стали приписывать эти слова Вольтеру.

Неизвестно, читал ли Чаплин биографию Гейне, но в его черной комедии «Мсье Верду» (1947) есть очень похожий диалог. Мсье Верду, обаятельный многоженец и серийный убийца, кончает жизнь на гильотине. Перед казнью священник произносит:

– Да смилуется Господь над вашей душой.

– А почему бы и нет? – отвечает Верду. – В конце концов, она принадлежит ему.

В автобиографии Чаплин вспоминал:

«Я послал сценарий на цензуру в управление Бриана. Вскоре я получил извещение о том, что на картину в целом наложен запрет. Управление Бриана – это отделение Легиона благопристойности, цензурная инстанция, которую на свою голову организовала “Моушн пикчэр ассо-сиэйшн”».

Режиссер явился в Управление Бриана, где один из сотрудников стал разбирать сценарий строка за строкой.

«– А эта строка, – неумолимо продолжал он: – „Пусть господь смилуется над вашей душой“, а Верду подхватывает: „А почему бы и нет? В конце концов, она принадлежит ему!“

– Что же вас тут беспокоит? – спросил я.

– Реплика „А почему бы и нет?“ – кратко повторил он. – Так не разговаривают со священником!»

Сценарий Чаплину все же удалось отстоять. А после его смерти реплику его персонажа стали цитировать как последние слова самого Чаплина.

Бог умер

Первым умершим богом в европейской культуре был древнегреческий бог Пан – покровитель стад и пастухов, а позднее – олицетворение всей дикой природы.

У нас легенда о его смерти известна по тургеневскому стихотворению в прозе «Нимфы» (1882). Стихотворение начинается с того, что греческий корабль плывет по Эгейскому морю.

...И вдруг, в высоте, над головою кормчего, кто-то явственно произнес:

– Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громким голосом: «Умер Великий Пан!»

Кормчий удивился... испугался. Но когда корабль побежал мимо острова, он послушался, он воззвал:

– Умер Великий Пан!

И тотчас же, в ответ на его клик, по всему протяжению берега (а остров был необитаем) раздались громкие рыдания, стоны, протяжные, жалостные возгласы:

– Умер! Умер Великий Пан!

В таком виде этот возглас и вошел в русскую культуру.

Это предание известно из трактата Плутарха «Об упадке оракулов», гл. 17. У Плутарха в первом случае – не прямая речь, а косвенная («возвести, что великий Пан умер»), во втором – повторение тех же слов в прямой речи («Великий Пан умер»), а третий возглас Тургенев добавил от себя.

Согласно Плутарху, об этом удивительном случае сообщили императору Тиберию, и созданные им мудрецы объяснили, что Пан, рожденный от смертной женщины, не обладал бессмертием богов. Тиберий правил в 14–37 гг. н. э.; раннехристианские апологеты полагали, что смерть Пана случилась в момент появления на свет Иисуса Христа и знаменовала конец язычества.

В 1882 году Фридрих Ницше возвестил уже о смерти христианского Бога. В главе 125 его книги «Веселая наука» рассказывалось о человеке, который в полдень зажег фонарь и выбежал на рынок с криком: «Я ищу Бога! Я ищу Бога!» А потом стал спрашивать, обращаясь к толпе:

– ...Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаящих Бога?
Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и Боги истлевают!
Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами – кто смое с нас эту кровь? (...) Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его?

Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога?
(Перевод К. Свасьяна)

«Смерть Бога» здесь метафора обезбоженного мира и конца христианства, которое, по Ницше, нужно преодолеть, чтобы идти дальше, к «переоценке ценностей».

Метафора Ницше породила огромную литературу, рассматривать которую здесь не место. Но стоит упомянуть, что формула «Бог умер» встречалась уже на рубеже XIII–XIV веков, причем в довольно близком контексте.

Речь идет о сборнике поучительных рассказов на латыни «Римские деяния» (рубеж XIII–XIV вв.) – одной из самых читаемых книг Средневековья. В главе 144 «Деяний», озаглавленной «О нынешнем состоянии мира», говорилось:

Бог умер, потому что все царство [земное] наполнилось грешниками.

...Сегодня мы считаем Его как бы мертвым и не думаем о Страшном суде, об аде, о вечном проклятии или о Царстве Божием.

Эти слова написаны будто вчера.

Около 1967 года в США появилась настенная надпись – кратчайший диалог между Ницше и Богом:

БОГ УМЕР

– *Ницше*

НИЦШЕ УМЕР

– *Бог*

А позднее еще одна:

Бог жив и здоров и трудится над менее честолюбивыми проектами.

Боги уходят

В 66 году н. э. иудеи восстали против Рима. Поводом к восстанию стало разграбление Иерусалимского храма, когда тот отказался платить налог, установленный прокуратором Иудеи. В марте 70 года римляне во главе с будущим императором Титом Флавием подошли к Иерусалиму и после пятимесячной осады взяли священный город штурмом.

Согласно Тациту, осаде сопутствовали удивительные знамения:

На небесах бились враждующие рати, багровым пламенем пылали мечи, огонь низвергался из туч и кольцом охватывал храм. Внезапно двери храма распахнулись, нечеловеческой силы голос возгласил: «Боги уходят (*лат. Excedere deos*)», – и слышались удаляющиеся шаги.
(«История», V, 13; перевод Г. Кнабе)

Согласно же еврейскому историку Иосифу Флавию, в праздник Пятидесятницы, «когда жрецы ночью вошли во Внутренний Храм, чтобы совершить обычную службу, до них, как они рассказывают, сначала донеслись движение и топот, а затем слитные голоса: “Давайте уйдем отсюда в другое место”» («Иудейская война», VI, 5, 3; перевод с древнегреческого М. Финкельберг).

Иосиф Флавий писал раньше Тацита и был очевидцем осады Иерусалима; но все же есть основания полагать, что Тацит изложил легенду точнее. Эта легенда могла возникнуть лишь в римском лагере: у римлян издавна существовало поверье, что боги-покровители города покидают его, после того как он завоеван врагами или незадолго до этого. В «Энеиде» Вергилия (песнь II) во время штурма Трои Эней убеждает своих соратников, что исход сражения предрешен:

Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла.

(Перевод С. Ошерова)

Для иудея, а стало быть, монотеиста Иосифа Флавия слова «Боги уходят» были неприемлемы, и он, вероятно, подкорректировал рассказ, услышанный им от римлян.

«Все боги убегают» из Трои в финале баллады Шиллера «Кассандра» (1802):

Alle Götter fliehn davon.

В XIX веке фраза «Боги уходят» чаще всего цитировалась по-французски: «Les dieux s'en vont». Это цитата из романа-эпопеи Рене де Шатобриана «Мученики, или Торжество христианской веры» (1809).

Один из героев эпопеи, христианин Эвдор, под влиянием страсти к языческой жрице становится отступником, но затем возвращается ко Христу и гибнет ужасной смертью на арене римского цирка. Его гибель сопровождают знамения, возвещающие победу христианства над греко-римской религией:

...Все статуи идолов низверглись, и, как некогда в Иерусалиме, слышался голос: «Боги уходят».

В 1832 году Виктор Гюго писал:

Общественное здание прошлого держалось на трех опорах: священник, король, палач. Давно уже прозвучал голос: «Боги уходят!» Недавно другой

голос провозгласил: «Короли уходят!» Пора, чтобы третий голос произнес:
«Палач уходит!»

(Предисловие ко II изданию повести «Последний день приговоренного к смерти»)

Обычно цитируется только этот фрагмент, хотя у Гюго далее следует: «Тем, кто сожалеет о богах, можно ответить: Бог остается».

Вскоре появилось другое значение этой формулы: «Великие люди уходят». «Les dieux s'en vont. Гёте умер», – говорит Гейне в «Романтической школе» (1833).

В «Письмах к прекрасным женщинам Парижа и провинции», написанных в 1840 году группой авторов, включая Бальзака, читаем:

Бог Анфантен уходит в Алжир с археологической миссией, бог Шатель уходит в [департамент] Ланды с сельскохозяйственной миссией. Боги уходят, как говорили римляне эпохи упадка. Новые боги уходят, зато вы, мадемуазель, являетесь к нам со всей грацией древних божеств.

(Письмо IV)

«Новыми богами» здесь иронически названы сен-симонист Проспер Анфантен и религиозный реформатор Франсуа Шатель, глава основанной им Французской католической церкви.

«Боги уходят, Д'Аннунцио остается» – так в 1908 году озаглавил свой сборник статей на французском языке отец футуризма, итальянец Томмазо Маринетти. Под «ушедшими богами» имелись в виду Джузеппе Верди, умерший в 1901 году, и поэт Джозуэ Кардуччи, нобелевский лауреат, умерший в 1907 году.

В комическом ключе обыграна фраза «Боги уходят» в оперетте Оффенбаха «Прекрасная Елена» (1864, либретто Анри Мельяка и Людовика Галеви). На площади перед храмом Юпитера беседуют верховный жрец Калхас и жрец Филоком:

КАЛХАС. Жалкие жертвы, право... две горлицы, амфора с молоком, три небольших сыра, горсточка фруктов и груды цветов. Все эти гирлянды для нас чистый убыток. Да, прошло время множества коров и овец... это были настоящие жертвы. Боги уходят! Боги уходят!

ФИЛОКОМ. Не все, господин мой! Взгляните-ка на Венеру...

КАЛХАС. Ну да, она еще борется, не отрицаю, она еще борется... В «Вестнике Цитеры» я видел точную цифру пожертвований за последний месяц... впечатляет!

Бойся равнодушных

В 1925 году Бруно Ясенский, польский поэт и прозаик радикально левого толка, уехал вместе с женой в Париж. Четыре года спустя его выслали за коммунистическую пропаганду, а конкретно – за революционно-утопический роман «Я жгу Париж». Ясенский стал гражданином СССР, редактором журнала «Интернациональная литература» и членом правления Союза писателей. В тридцать седьмом он был арестован и год спустя расстрелян.

Кроме польского, Ясенский писал на французском и, уже в СССР, на русском. Из-за ареста его последний роман «Заговор равнодушных» остался неоконченным. Однако жена сохранила рукопись, и в 1956 году «Заговор...» был напечатан в «Новом мире».

Роману предпослан эпиграф:

Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить.
Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать.
Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их
молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство.
Роберт Эберхардт. «Царь Питекантроп Последний»

Роберт Эберхардт – имя одного из главных персонажей романа, немецкого интеллектуала-антифашиста, по специальности антрополога; «Царь Питекантроп Последний» – название его неопубликованной книги. Эпиграф к роману сразу же стал у нас ходячей цитатой.

С ним перекликается изречение, обычно приписываемое Джону Кеннеди:

Самые жаркие места в аду отведены тем, кто в моменты великих
нравственных кризисов сохраняет нейтралитет.

Кеннеди действительно цитировал эти слова в двух своих речах – в феврале 1956 года и 16 сентября 1959 года, оба раза со ссылкой на Данте.

Ранняя версия этого изречения появилась в книге Теодора Рузвельта «Америка и Мировая война» (1915): «Данте отвел особое бесславное место в аду для тех низких душою ангелов, которые не решились стать ни на сторону добра, ни на сторону зла».

А свою окончательную форму эта сентенция (с подписью: «Данте») получила в сборнике мыслей и афоризмов «Что есть истина», опубликованном во Флориде в 1944 году. Автором сборника был Генри Пауэлл Спринг (1891–1950).

Теодор Рузвельт был гораздо ближе к тексту Данте, чем Спринг и Кеннеди. В начале третьей песни поэмы «Божественная комедия. Ад» описывается преддверие ада:

Там вздохи, плач и иступленный крик
Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.

Вергилий объясняет автору поэмы:

...То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.

И с ними ангелов дурная стая,
Что, не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая.

Их свергло небо, не терпя пятна;
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина.

(Перевод М. Лозинского)

В свою очередь, Данте развивал мысль, выраженную в стихах Откровения апостола Иоанна, т. е. Апокалипсиса:

Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч!
Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст
Моих.

Нейтральных в борьбе между Богом и дьяволом Данте помещает у входа в преисподнюю, а вовсе не в «самых жарких местах». Зато начиная с XVII века о «самых жарких местах в аду» говорили протестантские проповедники как в Англии, так и в США. Эти места отводились либо нераскаявшимся грешникам, либо безбожникам, либо (уже в XIX веке) лицемерам.

В России, да и в других странах, изречение о «самых жарких местах в аду» вошло в обиход как цитата из речи Кеннеди. Но по крайней мере однажды оно встретилося у нас гораздо раньше.

В конце 1929 года в Коммунистической академии провели многодневное обсуждение ошибок литературоведа В. Ф. Переверзева. Как обычно, дискуссия свелась к наклеиванию на обсуждаемого политических ярлыков. Руководил этим мероприятием С. Е. Щукин, бывший чекист и военный работник, окончивший Институт красной профессуры. В своем заключительном слове он обрушился на коллег, обличавших Переверзева недостаточно рьяно:

– Я хочу прежде всего остановиться на той категории возражавших, или, вернее, на той категории участвовавших в данной дискуссии, которой, по словам Данте, уготованы в аду самые горячие места, заметьте, не тепленькие, а именно самые горячие места. Это – категория людей, которых Данте именует ни холодными, ни горячими, а тепленькими.

(Согласно стенограмме, опубликованной в 1930 г. под загл. «Против механистического литературоведения».)

Как видим, в конце этого пассажа красный профессор вместо Данте процитировал апостола Иоанна.

Больше света!

В 1987 году в СССР вышел документально-публицистический фильм «...Больше света!». Здесь советские люди впервые увидели множество строжайше запрещенных ранее кинокадров, включая Льва Троцкого на Красной площади и разрушение храма Христа Спасителя.

Поколение, заставшее перестройку, помнит, что лозунг «Больше света!» был у нас лозунгом гласности. На историческом январском пленуме ЦК 1987 года Горбачев заявил:

– Нам, как никогда, нужно сейчас побольше света, чтобы партия и народ знали все, чтобы у нас не было темных углов, где бы опять завелась плесень (...). Поэтому – побольше света!

Этот лозунг подавался как ленинский, со ссылкой на письмо вождя в редакцию «Искры» в ноябре 1903 года: «*Побольше света*, пусть партия знает *всё*».

В своих мемуарах «Жизнь и реформа» Горбачев жаловался, что этот лозунг «не подходил номенклатуре, всем, кто причастен к власти. Наоборот, “поменьше света” – вот их принцип и тайное желание». Попутно он признается, что, будучи в Веймаре, он узнал, что «Больше света!» – отнюдь не изобретение Ленина, а предсмертные слова Иоганна Вольфганга Гёте.

Однако с последними словами великого немца полной ясности нет.

16 марта 1832 года 82-летний Гёте простудился. Жить ему оставалось шесть дней. Кончина поэта «по рассказам его друзей» описана в книжке К. Мюллера, законченной полтора месяца спустя после смерти поэта.

В ночь на 22 марта Гёте сказал своему переписчику: «Это не продлится больше, чем несколько дней». Тот не понял, что имелось в виду – скорая смерть или скорое выздоровление. Утром Гёте перенесли в кресле из спальни в рабочий кабинет. Одни его замечания были вполне осмысленны, другие указывали на помутнение разума. Заметив на полу листок бумаги, он спросил, почему здесь валяется переписка Шиллера. Затем обратился к своему слуге Фридриху:

– Отворите же и вторую ставню, чтобы впустить больше света!

Чуть позже, в статье Карла Фогеля, врача Гёте, эта фраза была сокращена до восклицания:

– Больше света!

Этот возглас и был сочтен заветом, который Гёте оставил потомкам. Очень часто он приводится в еще более экспрессивной форме:

– Света! Больше света!

Позднее обнаружились свидетельства современников, утверждавших, что последние сознательные слова Гёте были обращены к его невестке Отилии, которая заботливо ухаживала за ним:

– Подойди-ка, дочурка, и дай мне свою милую лапку.

Наконец, в 1965 году был опубликован рассказ слуги Гёте Фридриха Крауса – того самого, кто должен был «впустить больше света». Из этого рассказа следовало, что Краус такой просьбы не слышал: «Действительно, он под конец назвал мое имя, но не для того, чтобы я открыл ставню, а потому, что ему понадобился ночной горшок, и он сумел взять его сам и держал поближе к себе, пока не скончался».

Этот рассказ вполне согласуется с отчетами медиков. Стоит добавить, что свет из окна резал умирающему глаза, так что он прикрывал их рукой, а потом – зеленым козырьком, надетым на лоб.

Одно время всерьез обсуждалась гипотеза, что Гёте вместо «*Mehr Licht!*» («Больше света!») пробормотал на родном для него франкфуртском диалекте «*Mer lischt...*», то есть «Лежать... [неудобно]», но не закончил фразу. Умирающий Гёте, однако, не лежал, а сидел в кресле, не говоря уж о том, что «Больше света!» – не первоначальная, а подправленная версия.

Иногда еще утверждается (едва ли вполне серьезно), что будто бы с дикцией у старого Гёте было неважно и на самом деле он пробормотал в забыты: «Mehr nicht» – «Больше нет...»

Как бы то ни было, но призыв «Больше света!» вошел во все европейские языки, и всюду под «светом» понимается свет разума, знаний, культуры.

Браки совершаются на небесах

В «Войне и мире», в минуту решительного объяснения князя Андрея с отцом Наташи, Наташу тревожит только одно:

– Мама, это не стыдно, что он вдовец?

– Полно, Наташа. Молись Богу. *Les mariages se font dans les cieux*. (Браки совершаются на небесах.)

Так оно в конце концов и выходит. Только оказывается, что на небесах совершился не этот брак, а другой.

Кто же первым сказал «*Les mariages se font dans les cieux*»?

Одной из первых – королева Маргарита Наваррская (1492–1549), в новелле «О двух любовниках» из сборника «Гептамерон». И тут же добавила: «...но это не относится к бракам по принуждению», – тогда они были делом обычным.

В 1572 году принцесса Маргарита Валуа сочеталась браком с Генрихом де Бурбоном, будущим королем Генрихом IV. Жених и невеста были совершенно равнодушны друг к другу, а их свадьба закончилась Варфоломеевской ночью. Лет десять спустя королева Марго написала своему любовнику маркизу де Шанвалону: «Пусть мне не говорят, что браки совершаются на небесах – небеса не способны на столь ужасную несправедливость». («Мемуары и письма Маргариты де Валуа», 1842.)

В Англии и Франции изречение «Браки совершаются на небесах» уже в XVI веке было дополнено словами: «...а исполняются на земле». (Вариант нашего современника Геннадия Малкина: «...а исполняются по месту жительства».) Формула «Браки совершаются на небесах, а исполняются на земле» даже вошла в сборник юридических норм, изданный во Франции в 1608 году.

Вероятно, в XVI веке появилась итальянская рифмованная пословица «*Nozze, e magistrato dal ciel è destinato*» – «Жена и судья предназначены свыше» (*букв.* «Бракосочетание и судья предназначены небесами»).

У Даля можно найти пословицу «Смерть да жена – Богом суждена» («Пословицы русского народа», 1861).

Еще раньше ту же рифмованную пословицу привел, по-польски и по-словацки, чех Франтишек Челаковский, поборник идеи «славянской взаимности»: «*Śmierć i żona od Boga przeznaczona*»; «*Smrt' a žena od Boha souzena*» («Мудрость славянского народа в пословицах», 1852).

Мудрость о браке и небесах гораздо старше и Маргариты Валуа, и Маргариты Наваррской. Мы находим ее в Мидраше – еврейском толковании Библии. Первый трактат Мидраша «Берешит рабба» (толкование книги Бытия) был составлен, вероятно, в V веке н. э. В нем говорится: «Не бывает бракосочетания человека, кроме как по воле Небес» («Берешит рабба», 68:3; перевод А. Лихтенштейна). Сказано это о встрече Ревекки с Исааком, предназначенным ей в мужа.

Здесь же приводилась занимательная история о раввине Иосе бен Халафта, жившем в середине II в. н. э. Некая римская матрона спросила его:

– Что Господь делает после того, как сотворил мир?

– Сочетает пары, – ответил рабби.

– И это его занятие? Да это и я бы могла.

– Тебе это кажется легким, а вот для Бога это не легче, чем раздвинуть воды Красного моря.

Матрона ушла домой, поставила в ряд тысячу слуг и тысячу служанок и сказала:

– Такой-то женится на такой-то, а такая-то выйдет замуж за такого-то.

Наутро все они явились избитые и израненные – не сошлись, так сказать, характерами («Берешит рабба», 68:4).

Согласно трактату «Берешит рабба», «в трех разных местах Святого Писания сказано, что небеса предназначают женщину мужчине». В Притчах: «Дом и имение – наследство от родителей, а разумная жена – от Господа». В Бытии, о браке Исаака с Ревеккой: «От Господа пришло это дело». В Книге Судей, о браке Самсона с «женщиной из Фимнафы»: «это от Господа».

Австрийская писательница Мария Эбнер фон Эшенбах заметила: «Браки совершаются на небесах, но там не заботятся, чтобы они были удачны» («Афоризмы», 1880).

И точно: Исаак жил с Ревеккой долго и счастливо, а семейную жизнь Самсона иначе как катастрофой не назовешь. Мог ли Всевышний так ошибиться?

Тут-то и выясняется, что небеса, устраивая браки, имеют в виду свои собственные цели, которые с нашими совпадают отнюдь не всегда. Исаак должен был стать родоначальником еврейского народа, а Самсон – покарать филистимлян. Поэтому небеса и дали ему жену-филистимлянку, сумевшую за неделю поссорить со своими сородичами героя-богатыря.

Братья по разуму

«Братья по разуму» – не интернациональный оборот. Это почетное звание представители внеземных цивилизаций получили только в нашей стране.

С 1945 года Иван Ефремов, по специальности палеонтолог, стал публиковать научно-приключенческие рассказы. В 1947 году в журнале «Знание – сила» появилась его первая повесть «Звездные корабли» (так здесь названы звезды, странствующие по Вселенной).

В повести со всей серьезностью ставилась «проблема контакта» с внеземными цивилизациями. Профессор-палеонтолог Шатров убежден, что в Солнечной системе у человека нет «собратьев по мысли», однако они существуют в других планетных системах, причем разумное существо неизбежно окажется гуманоидом.

Герберт Уэллс, создавший классические романы о «проблеме контакта» («Война миров», «Первые люди на Луне»), держался иного мнения. В статье «Марсианский разум» (1896) он писал: «...Легко предположить, что марсиане будут существенно отличаться от землян и своим внешним обликом, и функционально, и по внешнему поведению; причем отличие может простираться за границы всего, что только подсказывает наше воображение» (перевод Вл. Гакова). А в опубликованной год спустя «Войне миров» холодный разум марсиан оказывается вовсе не братским.

В повести Ефремова гипотеза Шатрова подтверждается: обнаруженный череп «звездного пришельца» в своих главных чертах близок к человеческому. Но куда же поместить пришельца в классификации разумных существ? Шатров рассуждает:

– ...Нельзя называть его человеком, если соблюдать научную терминологию. Это человек по мысли, по технике, общественности, но ведь он выработался на иной анатомической основе.

И тут выясняется, что на танталовом диске, обнаруженном рядом с черепом, запечатлен портрет космического пришельца:

Из глубины совершенно прозрачного слоя, увеличенное неведомым оптическим ухищрением до своих естественных размеров, на них взглянуло странное, но несомненно человеческое лицо. (...)

Великое братство по духу и мысли с людьми Земли безотчетно сказывалось в облике гостя нашей планеты. (...)

...Обитатели различных «звездных кораблей» поймут друг друга, когда будет побеждено разделяющее миры пространство, когда состоится наконец встреча мысли, разбросанной на далеких планетных островках во Вселенной.

Итак, в 1947 году появляются формулы «собратья по мысли», «человек по мысли», «великое братство по духу и мысли», а также предсказание встречи Разумов, разбросанных по Вселенной.

Шесть лет спустя пришло время «оттепели» и новых коммунистических утопий, непременно связанных с темой освоения космоса; первой из них стало «Магелланово Облако» С. Лема (1955). С января 1957 года все в том же журнале «Знание – сила» начал печататься роман Ефремова «Туманность Андромеды», действие которого отнесено в далекое будущее. Оказывается, что высшие космические цивилизации с незапамятных времен объединились в «Великое Кольцо». Это содружество шлет землянам послание:

Привет вам, братья, вступившие в нашу семью! Разделенные пространством и временем, мы соединились разумом в кольце великой силы.

В журнальном варианте романа упоминалось также о «планете с братьями не только по духу, но и по телу». «Братьев по разуму» тут еще не было. Но в отдельном издании «Туманно-

сти Андромеды», вышедшем из печати в декабре 1958 года, автор заменил последнее слово: «...с *братьями* не только по духу, но и *по разуму*» (курсив мой. – К.Д.).

«Братья по разуму» сразу же вошли в литературу. В № 1 журнала «Техника – молодежи» за 1958 год (еще до отдельного издания «Туманности Андромеды») был опубликован небольшой рассказ братьев Стругацких «Извне», написанный, можно сказать, на полях ефремовских «Звездных кораблей». В 1959 году Стругацкие переработали рассказ в повесть. Здесь уже говорилось: «...их машины столкнулись с братьями по Разуму».

«Братья по разуму» не случайно появились именно в СССР. В 60-е наука была у нас не просто наукой, но нравственной ценностью. Вера в безграничный научно-технический прогресс сочеталась с верой в неизбежный нравственный прогресс. А так как цивилизации, вышедшие на контакт, достигли высокого технологического уровня, они и в нравственном плане должны быть на высоте.

Они не «чужие» любому другому Разуму, способному на контакт, но его «собратья по духу и мысли», говоря словами Ивана Ефремова.

Будущее невозможно предвидеть, но можно изобрести

Повесть Стругацких «Гадкие лебеди», написанная в 1967 году, не прошла цензуру. Пять лет спустя она была издана в ФРГ, а в СССР – только при Горбачеве. Есть в ней такой диалог:

- ...Один умный человек сказал, что будущее нельзя предвидеть, но можно изобрести.
- Другой умный человек сказал, – заметил Виктор, – что будущего нет вообще, есть только настоящее.
- Я не люблю классической философии, – сказал Павор. – (...) Будущее – это тщательно обезвреженное настоящее.

На три реплики приходится три сентенции. Третья принадлежит авторам повести, вторая определенного автора не имеет, а первая взята из книги Денниса Габора.

Деннис (Денеш) Габор (1900–1979) родился в Венгрии в еврейской семье. С 1921 года он учился и работал в Германии, а после прихода к власти нацистов эмигрировал в Англию. Здесь он изобрел голографию, за что в 1971 году получил Нобелевскую премию. В книге «Изобретение будущего» (1963) Габор писал:

Мы по-прежнему остаемся хозяевами своей судьбы. Рациональное мышление, даже на пару с какими угодно компьютерами, не может предсказать будущее. Все, что мы можем сделать, – это наметить пространство возможностей, в которых будущее обнаруживает себя в настоящем и которое окажется иным уже завтра, когда одна из этих возможностей осуществится. Технологические и социальные изобретения все время раздвигают пространство возможностей; ныне оно несравненно шире, чем до промышленной революции, – будь то к худу или к добру.

Будущее невозможно предвидеть, но можно изобрести. Именно способность изобретать сделала человеческое общество тем, что оно есть теперь.

Писатель и журналист Найджел Колдер в рецензии на книгу Габора процитировал его изречение в другой форме: «Лучший способ предсказать будущее – изобрести его» («New Scientist», 28 марта 1963 г.).

В «Гадких лебедях» приведено, хотя и не буквально, еще одно высказывание из книги Габора: «Достаточно убрать из истории сотни три человек, и мы всё еще жили бы в каменном веке».

В той же повести Стругацких содержится нередко цитируемая реплика:

– Будущее создается тобой, но не для тебя.

А в философском романе Анатоля Франса «На белом камне» (1903) сказано: «Будущее укрыто даже от тех, кто его делает».

Если Габор предлагал изобрести будущее, то Рэй Брэдбери думал скорее о том, как его предотвратить.

В 1978 году в Нью-Йорке вышел перевод повести Михаила Емцева и Еремея Парнова «Душа Мира». В предисловии к этому изданию фантаст Теодор Старджон вспоминал:

«Когда речь зашла о романе “1984”, Брэдбери заметил, что мир, описанный Джорджем Оруэллом, едва ли станет реальностью – в немалой степени как раз потому, что Оруэлл его описал. “Назначение научной фантастики, – сказал Брэдбери, – не только предсказывать будущее, но и предотвращать его”».

Эссе Брэдбери «После 1984-го: Люди-машины» (1982) начиналось словами: «Меня просят предсказывать будущее, в то время как я хочу предотвратить его».

Обычно это высказывание цитируют иначе: «Я не пытаюсь описать будущее. Я пытаюсь его предотвратить».

Мало кто знает, что у Брэдбери после слов: «...я хочу предотвратить его» – следовало продолжение: «Или, еще лучше, строить его».

Будь готов! – Всегда готов!

23 августа 1923 года вышестоящие товарищи утвердили «Законы и обычаи юных пионеров», включая девиз и отзыв: «Будь готов! – Всегда готов!»

Полная форма девиза менялась вместе с линией партии:

– К борьбе за рабочее дело будь готов!

– К борьбе за дело Ленина – Сталина будь готов!

– К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!

В книжке-малышке под названием «Будь готов!» (1924) Крупская так объясняла детям происхождение лозунга:

«Будь готов!» – это был призыв Ленина к членам партии, борцам за рабочее дело. (...) «Мы должны всегда, – писал Ленин в 1902 г. в своей книжке “Что делать?”, – вести нашу будничную работу и всегда быть готовы ко всему...»

Надежда Константиновна лукавила. В 1922 году она написала брошюру «РКСМ и бойскаутизм» и отлично знала, что пионерский девиз, вместе с отзывом, заимствован у русских скаутов («юных разведчиков»).

Отсюда же создатели пионерского движения заимствовали почти все атрибуты и организационные принципы, видоизменив и приспособив их к своим целям. Например, зеленый скаутский галстук стал красным, а три лепестка лилии скаутского значка – тремя языками пламени костра.

Девиз «Будь готов!», как и скаутское движение, носит интернациональный характер. Он был выбран британским офицером Робертом Баден-Пауэллом. В «Скаутинге для мальчиков» (1908) – библии скаутского движения – Баден-Пауэлл писал:

Девиз скаута: БУДЬ ГОТОВ (BE PREPARED). Он означает, что ты и телом и духом готов в любую минуту выполнить свой ДОЛГ.

Долг скаута – помогать другим, в чем бы эта помощь ни выражалась, например: «Будь готов к несчастным случаям», т. е. к оказанию помощи пострадавшим. В I издании «Скаутинга для мальчиков» говорилось также: «БУДЬ ГОТОВ умереть за свою страну, если потребуется». Однако затем эти слова были исключены.

В 1912 году Баден-Пауэлл в соавторстве со своей младшей сестрой Агнесс написал пособие для девочек-скаутов: «Как девочки могут помочь укрепить Империю». Здесь мы читаем:

Девиз девочек-скаутов – «Будь готова». Что это значит? Это значит, что (...) ты должна быть готова в любую минуту встретить трудности и даже опасности лицом к лицу и знать, что и как делать в этом случае.

Девиз, выбранный Баден-Пауэллом, восходит к английскому переводу Евангелия от Матфея, 24:44, где сказано «be ye (...) ready» – «вы будьте готовы». В синодальном переводе: «Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий».

Не позднее XVII века в Англии появился латинский девиз «Semper paratus» – «Всегда готов». Он восходит к тому же месту Евангелия от Матфея в латинском переводе: «vos estote parati» – «вы будьте готовы».

Второй скаутский девиз:

Каждый день делай доброе дело.
(Do a good turn daily.)

Это «сводная цитата» из «Скаутинга для мальчиков»: «...каждый день делать кому-нибудь доброе дело»; «...делай свое каждодневное доброе дело» и т. д. Русская форма этого девиза – «Ни дня без доброго дела!» – вероятно, появилась под влиянием выражения «Ни дня без строчки».

Источником второго скаутского девиза можно считать рассказ Светония об императоре Тите Флавии, правившем с 79 по 81 год н. э.: однажды за обедом, вспомнив, что за целый день он не сделал ни одного доброго дела, Тит воскликнул:

– Друзья мои, я потерял день!

Будьте бдительны!

В наше время «Будьте бдительны!» чаще всего звучит как призыв остерегаться воров и мошенников. Не так было в советское время. Тогда каждый школьник знал, что это слова Юлиуса Фучика, чешского журналиста-коммуниста.

Фучик был, разумеется, большим другом СССР. Свою книгу о Стране Советов, вышедшую в 1932 году, он озаглавил: «В стране, где наше завтра – вчерашний день». В апреле 1942 года Фучик, руководивший подпольными изданиями чехословацкой компартии, был арестован гестапо и заключен в пражскую тюрьму Панкрац. Последняя запись его тюремного дневника, сделанная 9 июня 1943 года, заканчивалась словами:

Люди, я любил вас, будьте бдительны!

Три месяца спустя автор дневника был казнен в берлинской тюрьме Плётцензее, однако дневник уцелел. В 1945 году он был опубликован под заглавием «Репортаж с петлей на шее» и переведен на 70 языков.

Советским людям довоенного поколения призыв к бдительности был знаком и раньше. В 1937 году, в разгар борьбы с «врагами народа», в Москве вышла книжка под названием «Будем бдительны! Указатель литературы по вопросам вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов». Да и после войны фучиковский призыв использовался у нас не столько как антифашистский лозунг, сколько как страшилка против идеологического противника.

Тут мы продолжали традицию якобинцев. «Бдительность, – говорил Робеспьер, – это страж прав народа», добродетель, «необходимая для спасения свободы» (речь 18 декабря 1791 г. в Обществе друзей конституции). Синонимом «бдительности» было у него «недоверие» – «спасительное недоверие, которое является вернейшим стражем свободы» (речь в Учредительном собрании 1 сентября 1789 г.).

Неудивительно, что в 1924 году один из соратников Ленина заметил:

Недоверие к людям, т. е. критическое отношение к ним, действительно было характерно для Ленина, руководившегося в жизни принципом Робеспьера: «Основная добродетель гражданина есть недоверие».

(А. Мартынов в предисловии к книге Л. Мартова «Записки социал-демократа»)

Отсюда уже недалеко и до сталинской фразы, приведенной в книге Анри Барбюса «Сталин» (1935):

– Здоровое недоверие – хорошая основа для совместной работы.

Кумиром самого Робеспьера был Демосфен, которому Плутарх приписывал изречение: «Лучшее ограждение от тиранов – недоверие граждан». Это краткая версия фрагмента из «Второй речи против Филиппа Македонского», произнесенной Демосфеном в 344 году до н. э.:

Но есть одна вещь, общая у всех разумных людей, которую природа имеет сама по себе как оборонительное оружие; она хороша и спасительна для всех, а особенно для демократических государств против тиранов. Что же это такое? Это – недоверие.

(Перевод С. Радцига)

Однако формула «Будьте бдительны» не принадлежит Демосфену. Она восходит к новозаветному выражению «Бодрствуйте!» (на латыни: «Estote vigilate»), например: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш, диавол, ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1-е послание Петра, 5:8).

Не следует думать, что бдительность – понятие исключительно якобинское или большевистское. На эмблеме Верховного штаба Объединенных вооруженных сил Европы (т. е. НАТО) помещен латинский девиз:

VIGILIA PRETIUM LIBERTATIS

(Бдительность – цена свободы)

Этот девиз был принят в 1952 году, при первом Верховном главнокомандующем ОВС Европы Дуайте Эйзенхауэре.

Он представляет собой латинскую версию английского изречения «Eternal vigilance is the price of liberty» – «Цена свободы – неустанная бдительность». Изречение это появилось не позднее 1833 года; оно приписывалось Томасу Пейну, Томасу Джефферсону и другим лидерам американской революции. Президент США Эндрю Джексон в своем прощальном обращении к нации от 4 марта 1837 года сказал:

– Вечная бдительность народа – вот цена свободы.

Всё это – варианты высказывания ирландского судьи и оратора Джона Филпота Кёррана. Выступая в Дублине 10 июля 1790 года, он заявил:

– Условие, при котором Бог даровал человеку свободу, – это неустанная бдительность.

В 1937 году вечный борец за свободу Джордж Оруэлл заметил:

Порою мне кажется, что цена свободы – не столько вечная бдительность, сколько вечная грязь.

(«Дорога к пирсу Уигана», гл. 4)

Важно заметить, что в англо-американской традиции (как и у Демосфена) бдительность есть недоверие к власти, а вовсе не к собственным гражданам, как это было у нас при Сталине, да и не только при нем. Именно об этом говорил британский писатель Норман Дуглас:

Недоверие к власти должно быть первейшим гражданским долгом.

(«В одиночестве» (1922), книга путевых очерков)

Буря в стакане воды

В справочнике Ашукиных «Крылатые слова» это выражение толкуется как «большое волнение по ничтожному поводу», а его автором назван Шарль Монтескье. Эту версию Ашукины взяли из немецкого справочника Георга Бюхмана «Крылатые слова». Правда, Ашукины, вслед за справочником Бюхмана, сообщают также, что император Павел I, будучи еще наследником трона, назвал «бурей в стакане воды» волнения в Женеве.

Монтескье умер в 1755 году, когда Павел был годовалым младенцем, стало быть, приоритет принадлежит французскому мыслителю, не так ли?

Нет, не так. Единственный довод в пользу авторства Монтескье – цитата из романа Бальзака «Турский священник» (1832):

...Буря в стакане воды, как некогда выразился Монтескье по поводу республики Сан-Марино, где лица, стоявшие у кормила правления, сменялись чуть ли не каждый день, так легко было там завладеть тиранической властью.
(Перевод И. Грушецкой)

Но это ошибка великого романиста. Монтескье этого не писал, да и не мог написать – в Сан-Марино тиранической власти никогда не было.

Французское выражение «буря в стакане воды» («une tempête dans un verre d'eau») возникло уже после смерти Монтескье. Первоначально оно было оборотом политического языка и означало «большие волнения в маленьком государстве»; отсюда у Бальзака и появилось Сан-Марино. В XIX веке это выражение нередко приписывалась Вольтеру, иногда – прусскому королю Фридриху Великому и еще нескольким лицам.

Английская версия этого выражения – «a tempest in a teapot» («буря в заварочном чайнике») – в начале XIX века приписывалась барону Эдуарду Сэрлоу, который в 1778–1792 гг. занимал пост лорда-канцлера. Так он будто бы отозвался о волнениях на острове Мэн. Мэн – маленький остров в Ирландском море с одним из старейших парламентов в мире. Это не часть Великобритании, а лишь владение британской короны.

Но в самых авторитетных французских и английских справочниках XIX – начала XX века автором «бури в стакане воды» именуется все-таки наш соотечественник Павел I. Справочник «Geflügelte Worte» («Крылатые слова»), на который ссылались Ашукины, до сих пор выходит под именем Георга Бюхмана, умершего в 1884 году. Но указание на авторство Монтескье появилось уже в посмертных изданиях справочника, сам же Бюхман держался верси́и об авторстве Павла I.

У нас того же мнения был князь Петр Андреевич Вяземский:

При Павле, тогда еще великом князе, толковали много о Женевских возмущениях: да перестаньте, – сказал он, – говорить о буре в стакане воды.
(«Записная книжка 1813–1848 гг.»)

«Женевские возмущения» – это т. н. «Женевская революция» 1781–1782 гг. К тому времени демократическое устройство Женевской республики превратилось в аристократическое. Полноправными гражданами были лишь потомки старинных женевских родов. В феврале 1781 года «неграждане» заняли город и провозгласили равенство прав всех жителей республики. «Старые» граждане призвали на помощь Версаль. Три армии – французская, сардинская и бернская – осадили Женеву, и 2 июля 1782 года городская аристократия вернулась к власти.

Как раз в это время великий князь Павел Петрович совершал путешествие по Европе. Встречи наследника русского престола с европейскими монархами носили неофициальный

характер, поэтому цесаревич с женой, великой княгиней Марией Федоровной, путешествовали под именами графа и графини Северных.

20 мая 1782 года «граф Северный» был представлен Людовику XVI и Марии Антуанетте. 8 июня для великокняжеской четы был устроен в Версале торжественный прощальный прием с оперным спектаклем, балетом и обедом на 300 персон.

По свидетельству современников, «граф Северный» проявлял живой интерес к наукам и искусствам, превосходно говорил по-французски и владел искусством светской беседы. Когда Людовик XVI в разговоре с ним упомянул о волнениях в Женеве, Павел ответил:

– Ваше Величество, для Вас это буря в стакане воды.

Реплика Павла появилась в журнале «Литературная корреспонденция» Мельхиора Гримма (одного из «братьев Гримм») за июнь 1782 года, т. е. вскоре после приема в Версале. Этот журнал, переписывавшийся от руки, рассылался европейским государям и был для них важным источником сведений о французских делах, так что слова «о буре в стакане воды» сразу же стали известны при европейских дворах, включая русский.

В печати упоминание о «буре в стакане воды» появилось год спустя, в «Политических анналах» С. Н. Ленге, знаменитого в то время французского публициста. В девятом томе «Анналов» (1783) Ленге опубликовал «Обращение к подписчикам». Здесь, среди прочих европейских событий, говорилось о революции в Женевской республике:

...Буря, поднятая в стакане воды, как ее весьма остроумно назвал наследник одной из величайших европейских монархий [т. е. цесаревич Павел Петрович].

В самом ли деле это выражение принадлежало Павлу или было приписано ему парижскими остроумцами? Вопрос остается открытым. Подлинность диалога Людовика XVI с «графом Северным», приведенного в «Корреспонденции» Гримма, вызывает сомнения. Едва ли французский король стал бы на торжественном приеме обсуждать с русским цесаревичем волнения в Женеве. К тому же никто из других современников, приписывающих эту фразу Павлу, не упоминает Людовика XVI. Однако эти слова могли быть сказаны Павлом в беседе с кем-то из других лиц, с которыми он встречался в Париже.

В XIX веке был обнаружен античный предшественник «бури в стакане воды» – латинская поговорка «поднимать волну в черпаке (ковшике)» («...fluctus in simpulo»), приведенная в трактате Цицерона «О законах».

Однако оборот «fluctus in simpulo» не относился к числу общеизвестных и встречался исключительно в текстах, написанных на латыни. Выражение «буря в стакане воды» при своем появлении воспринималось как новое и остроумное, в том числе людьми образованными (что предполагало тогда хорошее знание латыни и знакомство с основными трактатами Цицерона). Отсюда следует, что они не считали «бурю в стакане воды» переводом латинского оборота.

Единственный известный мне аналог этого выражения в новых языках до 1782 года – английский оборот «a storm in a cream bowl» – «буря в чашке со сливками». Он встречается в письме Джеймса Батлера, герцога Ормондского, к герцогу Арлингтонскому от 28 декабря 1678 года: «Наша перепалка [с лордом Оррери], кажется, подходит к концу, и по сравнению с нынешними большими событиями это всего лишь буря в чашке со сливками». Больше это выражение не встречается вплоть до начала XX века, когда письмо герцога Ормондского появилось в печати («Calendar of the manuscripts of the Marquess of Ormonde, K. P.», 1906, т. 4).

На протяжении полувека выражение «Буря в стакане воды» воспринималось как остроумная историческая фраза. И лишь потом оно утратило авторство, а его значение свелось к значению латинского «fluctus in simpulo» – «большое волнение по ничтожному поводу».

Как видим, Павел имеет куда больше оснований притязать на авторство «Бури в стакане воды», чем Вольтер, Монтескье или Фридрих Великий. Пусть вспомнят об этом биографы несчастного императора.

Бывали хуже времена, но не было подлей

В 1929 году журнал «30 дней» опубликовал главу, не включенную в текст романа «Двенадцать стульев». Глава называлась «Прошлые регистратора ЗАГСа». Здесь рассказывалось, как в 1913 году уездный предводитель дворянства Ипполит Матвеевич Воробьянинов явился в кафешантан «Сальве», ведя под руки двух совершенно голых дам.

Событие это, взволновавшее передовые круги старгородского общества, окончилось так же, как оканчивались все подобные события: двадцать пять рублей штрафа и статейка в местной либеральной газете «Общественная мысль» под неосторожным заглавием «Похождения предводителя». (...)

Статья, в которой упоминались инициалы Ипполита Матвеевича, заканчивалась неизбежным: «Бывали хуже времена, но не было подлей».

И точно: это одна из самых заезженных фраз дореволюционной публицистики.

Знаменитое некрасовское двестишье появилось во вступлении к I части его поэмы «Современники» (1875):

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей!»

Швырнул далеко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О друг – читатель мой?..

Как видим, двестишье здесь закавычено.

Дело в том, что Некрасов переложил в стихи фрагмент из рассказа Н. Д. Хвощинской-Зайончковской «Счастливые люди». Рассказ появился годом раньше в журнале «Современник» под псевдонимом «В. Крестовский». Один из персонажей, воспитанный на идеалах «эпохи великих реформ» 1860-х годов, замечает:

– Черт знает, что из нас делается. Огорчаемся с зависти, утешаемся ненавистью, мельчаем – хоть в микроскоп нас разглядывай! Чувствуем, что падаем, и сами над собой смеемся... А? правда? были времена хуже – подлее не бывало!

Хвощинская услышала эту жалобу от критика Степана Семеновича Дудышкина в апреле 1866 года, вскоре после покушения Дмитрия Каракозова на Александра II и начавшегося в связи с этим «завинчивания гаек». Беседуя с мужем Хвощинской, Дудышкин сказал:

– ...Видал [времена] и тяжелее настоящего, но подлее не было.

Эти слова приведены в письме Хвощинской к Ольге Новиковой от 29/16 мая 1869 года.

Некрасовская сентенция не раз подвергалась критике. В книге «Основы народничества» (т. 2, 1893) Иосиф Иванович Каблиц писал: «...Обычным идеализированием прошлого являются отзывы современников об этом прошлом. Известно, что выражение: “Бывали хуже времена, но не было подлей” – было излюбленным именно людьми шестидесятых годов».

В 1889 году 18-летний Бунин ненадолго поселился у брата в Харькове. Согласно биографии писателя, написанной его женой, местная радикальная молодежь интересовала его, но по культуре была ему чужда. «Задевал его и язык их, (...) бледный, безобразный, испещренный иностранными словами и (...) повторением одних и тех же фраз, например: “чем ночь темней,

тем ярче звезды” или “бывали хуже времена, но не было подлей”, “третьего не дано”... и так далее».

В советское время некрасовское двустишие могло цитироваться лишь в сугубо историческом контексте. Зато теперь оно популярно не менее, чем во времена молодости Ипполита Матвеевича.

Бывшее сделать небывшим, или Парадоксы всемогущества

«А может ли Бог бывшее сделать небывшим?» – таков один из парадоксов о всемогуществе Божиим.

Греки и римляне знали совершенно точно: не может. Это положение мы находим уже у Феогнида в VI в. до н. э.: «Невозможно бывшее сделать небывшим» («Элегии», 583).

Аристотель цитировал изречение афинского драматурга-трагика Агафона (V в. до н. э.):

Ведь только одного и богу не дано:
Не бывшим сделать то, что было сделано.

(Перевод Н. В. Брагинской)

Детальный перечень невозможного для богов представил Плиний Старший, римский ученый-энциклопедист I века н. э. («Естественная история», II, 27). В XVI веке этот перечень цитировал Мишель Монтень:

Для человека немалое утешение видеть, что бог не все может: так, он не может покончить с собой, когда ему захочется, что является наибольшим благом в нашем положении; не может сделать смертных бессмертными; не может воскресить мертвого; не может сделать жившего нежившим, а того, кому воздавались почести, не получавшим их, – так как он не имеет никакой иной власти над прошлым, кроме забвения.

(«Опыты», I, 22)

И, конечно, даже боги не могут нарушить законы логики и математики: «Бог не может сделать, чтобы дважды десять не было двадцатью», – замечает Плиний. В 1625 году голландец Гуго Гроций изложил ту же мысль в современной форме: «Даже Бог не может сделать, чтобы дважды два не было четыре» («О праве войны и мира», I, 1, 10).

Для христианских мыслителей это было не столь очевидно. Итальянский кардинал XI века Петр Дамиани в трактате «О божественном всемогуществе» заявил: «Бог (...) может сделать бывшее небывшим».

Автор трактата возражал одному из отцов западной Церкви Иерониму Стридонскому, который считал, что «хотя и все может Бог, не может восстановить деву после падения ее» («Письма», 22, 5; перевод И. Купреевой).

Петр Дамиани, напротив, писал:

Признаю и, не боясь никаких возражений насмешливых спорщиков, утверждаю без колебаний: может всемогущий Бог всякой многобрачной вернуть девственность, восстановить в самом ее теле знак невинности, с которым вышла она из чрева матери

(Перевод И. Купреевой)

Этого мало: Бог может сделать так, чтобы Рим, основанный в древние времена, не был основан, – потому что Бог не связан ни законами природы, ни законами логики.

У позднейших церковных авторитетов этот тезис признания не нашел. Фома Аквинский учил:

...То, что несет в себе противоречие, не подпадает под всемогущество Бога. Но то, что произошедшее не произошло, подразумевает противоречие.
(«Сумма теологии» (1265–1274), I, 25, 4; перевод С. Еремеевой)

Того же мнения держался великий математик и богослов Готфрид Лейбниц:

Бог, будучи высочайше премудрым, не может отступить от сохранения известных законов и не может не действовать согласно правилам, как физическим, так и моральным, которые избрала его премудрость.
(«Опыты теодицеи» (1710), I, 28; перевод К. Истомина)

И все же некоторые позднейшие мыслители, в том числе Кьеркегор и Лев Шестов, вернулись к тезису Петра Дамиани: законы нашей логики Богу не писаны, иначе вера как таковая теряет смысл. Тут уместно процитировать Тургенева:

О чем бы ни молился человек – он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два – не было четыре!»
(Стихотворение в прозе «Молитва», 1881)

Существует множество формулировок парадокса о всемогуществе Божиим. Из них едва ли не самый известный – парадокс о камне: «Может ли Бог создать камень, который он сам не в силах поднять?» Этот парадокс появился лишь в XIX веке, хотя уже в XIV веке итальянец Григорий из Римини доказывал, что Бог может создать бесконечно большое по величине тело.

В «Воспоминаниях» Лидии Ивановой приводится ответ ее отца, поэта-символиста Вячеслава Иванова, на этот хитрый вопрос:

– Бог не только может, Он уже создал такой камень. Это есть человек с его свободной волей.

В наше время «бывшее сделать небывшим» чаще всего означает исправление истории задним числом. Поэтому закончу афоризмом из «Дневника» английского писателя Сэмюэла Батлера (1835–1902):

Бог не может изменить прошлое, но историки могут. И должно быть, как раз потому, что иногда они оказывают эту услугу, Бог терпит их существование.

В борьбе обретишь ты право свое

В главе 9 «Двенадцати стульев» читаем:

- Этот ребус трудненько будет разгадать, – говорил Синицкий, похаживая вокруг столовника. – Придется вам посидеть над ним!
- Придется, придется, – ответил Корейко с усмешкой, – только вот гусь меня смущает. К чему бы такой гусь? А-а-а! Есть! Готово! «В борьбе обретишь ты право свое»? (...) А для чего вы этот ребус приготовили? Для печати?
- Для печати.
- И совершенно напрасно, – сказал Корейко (...). – «В борьбе обретишь ты право свое» – это эсеровский лозунг. Для печати не годится.
- Ах ты боже мой! – застонал старик. – Царица небесная!

До большевистского переворота социалисты-революционеры (эсеры) были самой многочисленной и самой влиятельной революционной партией, а с весны по октябрь 1917-го – фактически правящей. Девиз «В борьбе обретишь ты право свое» печатался в их газетах, листовках, помещался на знаменах и прочей символике. Его знал чуть ли не каждый, кто в сознательном возрасте встретил Февральскую революцию. По известности он соперничал с лозунгом большевиков и меньшевиков «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И то, что Синицкий его не знал, говорит о его абсолютном политическом невежестве.

Эсеровский девиз впервые появился в январе 1902 года в газете «Революционная Россия» – центральном органе партии. Однако взят он был не из сочинения какого-нибудь социалиста-революционера. Это эпиграф к книге выдающегося немецкого правоведа Рудольфа фон Иеринга «Борьба за право»:

Im Kampfe sollst du dein Recht finden.

Трактат Иеринга, опубликованный в 1872 году, два года спустя вышел в России в переводе П. П. Волкова.

Главные идеи трактата актуальны и в наше время: «Право есть непрерывная работа, притом не одной только государственной власти, но всего народа»; «Защита права есть обязанность перед обществом»; «Кто защищает *свое* право, тот (...) защищает право *вообще*».

Понятно, что Иеринг не мог одобрить борьбу за право насильственными методами. Эсеры, напротив, не собирались «бороться за право» с помощью легальных юридических механизмов. Как раз в 1902 году была создана их Боевая организация, развернувшая масштабный террор против представителей власти.

До московского восстания левых эсеров в июле 1918-го эсеровский лозунг использовался в Советской России наравне с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

С лета 1918 года под лозунгом «В борьбе обретишь ты право свое!» эсеры боролись против большевиков в Гражданской войне. Во время Антоновского восстания в Тамбовской губернии 1920–1921 гг. к этому лозунгу был добавлен другой: «Долой власть насильников-коммунистов!»

В октябре 1917-го режиссер Е. Петров-Краевский по заказу частной фирмы снимал в Петрограде фильм-хронику «В борьбе обретишь ты право свое». Фильм не был закончен из-за Октябрьского переворота. А в 2007 году под тем же названием в Москве был показан документальный фильм Якова Назарова. Здесь уже речь шла о борьбе «отказника» Иосифа Бегуна за право выезда в Израиль.

В окопах нет атеистов

«Не бывает атеистов в окопах под огнем», – пел основатель рок-группы «Гражданская оборона» Егор Летов (песня «Про дурачка», 1990). Тогда это изречение было у нас новинкой.

Автором фразы «В окопах нет атеистов» обычно считается Уильям Каммингз, капеллан армии США. Согласно книге Карлоса Ромуло «Я видел падение Филиппин» (1943), Каммингз привел ее в своей проповеди, прочитанной в начале 1942 года в осажденной японцами крепости Батаан на Филиппинах.

Однако на сайте «Quoteinvestigator» («Расследователь цитат») указаны более ранние источники. В ноябре 1914 года, через полгода после начала Первой мировой войны, провинциальная английская газета «The Western Times» поместила отчет о поминальной службе в честь павшего на фронте солдата. Проповедник цитировал письмо неизвестного армейского капеллана:

У нас в окопах нет атеистов. Люди не стыдятся признаться в том, что, хотя прежде они никогда не молились, теперь они молятся всем своим сердцем.

Это изречение, вероятно, появилось на фронте. В годы Первой мировой оно не раз повторялось в англоязычной печати. В феврале 1918 года американский журнал «St. Andrew's Cross» привел слова молодого офицера, сражавшегося во Фландрии: «Уже в полумиле от линии траншей нет ни одного атеиста».

Вторично эта фраза родилась в уже упомянутой крепости Батаан, причем первоначально имя Каммингза не упоминалось. В апреле 1942 года изречение цитировалось со ссылкой на некоего сержанта из гарнизона крепости. А в июле журнал «Ридер дайджест» опубликовал более подробный рассказ офицера Уоррена Клира:

Я помню, как прыгнул в окоп во время особенно жестокого авианалета. Находившийся там сержант присел, чтобы освободить мне место. Тут весь мой ужас вырвался на свободу, и я не удивился, обнаружив, что молюсь вслух. И сержант, как я слышал, молился тоже. Когда налет кончился, я сказал:
– Сержант, я заметил, что вы молились.
– Да, сэр, – отвечал он, ничуть не смутившись, – но в окопах нет атеистов.

К тому времени фраза слегка изменилась: в годы Первой мировой окопы именовались trenches, что означает еще и траншеи. Во Вторую мировую войну в армии США обычным был индивидуальный окоп – foxhole (буквально: лисья нора); он-то и заменил первоначальное trenches в изречении об окопах и атеистах: «There are no atheists in foxholes».

Можно предположить, что ближайшим источником этого изречения была фраза «В аду нет атеистов», известная в Англии с середины XVII века.

«Quoteinvestigator» в своих изысканиях обращается к XVI веку. Монтень приписывал Платону слова:

...Мало таких убежденных атеистов, которые под влиянием опасности не могли бы быть доведены до признания божественного Провидения.
(«Опыты», I, 12; перевод А. Бобовича)

Здесь очень вольно изложены два фрагмента из трактатов Платона «Законы» и «Государство»:

Никто из тех, кто в юности держался мнения, будто боги не существуют, никогда не сохранил до старости подобного образа мыслей.

Когда кому-нибудь близка мысль о смерти, на человека находит страх и охватывает его раздумье о том, что раньше и на ум ему не приходило. Сказания, передаваемые об Аиде (...), переворачивают его душу: что, если это правда?

Для самого Монтеня (как, впрочем, и для Платона) религиозность, продиктованная страхом, неприемлема:

Что это за вера, которою вселяют и устанавливают в нас трусость и малодушие? Нечего сказать, хороша вера, которая верит в то, во что верит, только потому, что у нее нет мужества не верить! Может ли такая порочная страсть, как непостоянство или страх, породить в нашей душе нечто незыблемое?

В 1998 году в США была основана «Военная ассоциация атеистов и свободомыслящих», выбравшая своим девизом «Атеисты в окопах». Ее активисты утверждают, что в ряде случаев военный опыт ведет к сомнению в существовании Бога, допускающего столь чудовищное смертоубийство.

Год спустя в Алабаме появился памятник с надписью:

В память об атеистах в окопах и множестве свободомыслящих, служивших нашей стране с честью и отличием.

Установлен национальным фондом «Свобода от религии» в надежде, что в будущем человечество научится избегать каких бы то ни было войн.

В 1994 году вышел роман американского писателя-фантаста Джеймса Морроу «С Иго-вой на буксире». Одна из героинь романа замечает:

– «В окопах нет атеистов» – не довод против атеизма, а довод против окопов.

А в начале 2010-х годов в США появилась надпись на майках:

В тренировочных лагерях террористов
нет атеистов.

В этой гипотезе я не нуждался

В 1963 году Варлам Шаламов передал Александру Солженицыну подборку «Колымских рассказов», которые надеялся напечатать в «Новом мире». В своем дневнике он записал отзыв коллеги-писателя:

- ...Я просмотрел бегло несколько ваших рассказов. Нет нигде, чтобы герой был верующим. (...) Я даже удивлен, как это Вы... И не верить в Бога.
- У меня нет потребности в такой гипотезе, как у Вольтера.
- Ну, после Вольтера была Вторая мировая война.
- Тем более.

Вольтер был деистом, т. е. верил в Бога, хотя это не был Бог какой-либо из существующих религий. А знаменитую фразу произнес Пьер Симон Лаплас (1749–1827), французский математик, физик и астроном.

Эти слова были адресованы Наполеону, с которым Лапласа связывали очень близкие отношения. В 1784 году 15-летний Наполеон Бонапарт был принят в парижскую Военную школу. Здесь он слушал лекции Лапласа, а затем с блеском сдал ему выпускной экзамен по математике как экзаменатору Королевского корпуса артиллеристов.

В декабре 1797 года Французский институт (так тогда именовалась Академия наук) по предложению Лапласа принял Наполеона, героя Итальянской кампании, в свои ряды в качестве члена Секции механики физико-математического отделения.

12 ноября 1799 года, на третий день после переворота 18 брюмера, Наполеон явился на заседание Французского института, прочел 45-минутный доклад и объявил Лапласу о его назначении министром внутренних дел. К министерской должности великий ученый оказался совершенно непригоден и шесть недель спустя был отставлен. Но расположение к нему Первого консула, а затем императора ничуть не уменьшилось. Через несколько лет Лаплас возглавил Сенат, а 1808 году получил титул графа Империи.

Существует несколько версий беседы Наполеона с Лапласом. Одна из них приведена в заметке Виктора Гюго, датированной 1847 годом и опубликованной 40 лет спустя в сборнике «Увиденное» (1887). Согласно Гюго, физик и астроном Франсуа Араго любил рассказывать следующий анекдот: когда Лаплас опубликовал последние тома своей «Небесной механики», император Наполеон вызвал ученого к себе и гневно обратился к нему:

– Как, вы даете законы всего творения и в своей книге ни разу не упомянули о существовании Бога!

– Ваше Величество, в этой гипотезе я не нуждался.

«Небесная механика», главный труд Лапласа, состоял из пяти томов. Два первых вышли в 1799 году, два следующих – в 1802 и 1805 годах, а последний лишь в 1825 году. Наполеон стал императором в 1804 году; следовательно, приведенный Гюго разговор должен был состояться в 1805 году, после выхода IV тома «Небесной механики». Однако все указывает на то, что разговор произошел раньше, когда Наполеон был еще Первым консулом.

В 1864 году шотландский математик Огастес де Морган в журнале «The Athenaeum» поместил следующую версию «анекдота, хорошо известного в Париже, но еще ни разу не напечатанного»:

Наполеон спросил:

– Господин Лаплас, я слышал, что вы написали большую книгу о системе мироздания и ни разу не упомянули о ее Творце.

Лаплас ответил:

– В этой гипотезе я не нуждался.

Наполеона это весьма позабавило, и он рассказал об этом ответе Лагранжу, знаменитому математику и астроному. Тот воскликнул:

– Ах, это прекрасная гипотеза; она очень многое объясняет.

Наконец, Б. А. Воронцов-Вельяминов в биографии Лапласа излагает еще одну версию этого эпизода, в которой Лаплас дарит Наполеону, Первому консулу, свою книгу «Изложение системы мира» – первый, популярный набросок «Небесной механики».

Однако «Изложение системы мира» вышло в 1797 году, а Первым консулом Наполеон стал лишь в декабре 1799-го; стало быть, речь могла идти только о «Небесной механике». Ее первые два тома Лаплас послал Наполеону в октябре 1799 года, а III том – в ноябре 1802 года, с посвящением: «...Герою, умиротворителю Европы, которому Франция обязана своим процветанием, своим величием и самой блестящей эпохой своей славы; просвещенному покровителю наук» и т. д.

Вот тогда-то, вероятно, и состоялся исторический разговор. В изложении самого Наполеона он выглядел так:

...Я поздравил его [Лапласа] с выходом в свет его сочинения и спросил, почему слово «Бог», беспрерывно выходящее из-под пера Лагранжа, у него не встречается вовсе. «Это потому, – ответил он, – что я в этой гипотезе не нуждался».

(По записи личного врача Наполеона Франческо Антоммаччи 18 ноября 1819 г.)

В версии Наполеона, как и в версии де Моргана, есть одна серьезная неувязка. Жозеф Луи Лагранж не ссылаясь на Бога в своих научных трудах.

Однако все становится на свои места, если допустить, что императору изменила память и в действительности речь шла о Ньюtone. Именно так полагал Эрве Фай, автор книги «О происхождении мира» (1884), который слышал о беседе Наполеона с Лапласом от Франсуа Араго.

Как известно, Ньютон обращался к Богу, чтобы объяснить происхождение и стабильность системы мира. В конце своего трактата «Оптика» он писал: «Слепая судьба никогда не могла бы заставить планеты двигаться по одному и тому же направлению по концентрическим орбитам». Еще определеннее сказано в позднейших изданиях «Начал»: «Такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа».

В 1715 году Готфрид Лейбниц писал Сэмюэлу Кларку, разделявшему воззрения Ньютона:

«Г-н Ньютон и его сторонники (...) придерживаются довольно странного мнения о действии Бога. По их мнению, Бог от времени до времени должен заводить свои часы, иначе они перестали бы действовать. У него не было достаточно предусмотрительности, чтобы придать им непрерывное движение. Эта машина Бога, по их мнению, так несовершенна, что от времени до времени посредством чрезвычайного вмешательства он должен чистить ее и даже исправлять, как часовщик свою работу».

Кларк на это ответил, если часы будут идти вечно без вмешательства часовщика, то и люди прекрасно смогут обойтись без часовщика-Бога. Этот ответ помогает понять, почему Наполеон, считавший веру в Бога необходимой для общественного порядка, не мог принять картину мироздания, из которой Бог фактически устранялся.

В 1895 году в печати появилось еще одно свидетельство – дневниковая запись английского астронома Уильяма Гершеля. 8 августа 1802 года он вместе с Лапласом был приглашен в Мальмезон, загородный дворец четы Бонапартов. Наполеон задал своему английскому гостю несколько вопросов об астрономии и строении небес и остался весьма доволен его ответами.

Затем он обратился к Лапласу. Заговорив о величии звездного неба, Первый консул восхищенно воскликнул: «И кто же создал все это!» Лаплас отвечал, что возникновение и поддержание гармонии столь чудесной системы объясняются цепью естественных причин. Это объяснение Наполеону не слишком понравилось.

Знаменитая фраза у Гершеля не упомянута, и на этом основании некоторые историки науки поспешили объявить ее легендарной. Однако едва ли Гершель и Наполеон говорили об одной и той же беседе. Согласно Наполеону, он поздравил Лапласа с выходом его нового сочинения, т. е. III тома «Небесной механики», опубликованного лишь в ноябре 1802 года – через 4 месяца после беседы в Мальмезонском дворце. Известно также, что он беседовал с Лапласом не раз и не два.

В изгнании Наполеон рассказывал: «Я часто спрашивал его, что он [Лаплас] думает о Боге, и он признался мне, что он атеист» (запись Гаспара Гурго от 16 апреля 1818 г.). Впрочем, годом раньше Наполеон говорил об этом осторожнее: «В Институте ни Лаплас, ни Монж, ни Бертолле не верили в Бога. Конечно, они в этом не признавались!» (запись Гурго от 13 марта 1817 г.).

Вопрос о религиозных воззрениях Лапласа до конца не решен. Известно, что он не верил в догматы христианства и одобрял якобинскую кампанию «дехристианизации». Часть историков науки считает его деистом. Но устранение Бога от участия в создании системы мира склоняет к выводу, что автор «Небесной механики» был либо атеистом, либо агностиком.

С темой «Наполеон и Академия наук» связана еще одна вошедшая в историю фраза. В 1800–1802 гг. юрист Франсуа Жан Андриё был президентом Трибуната – законосовещательного органа, созданного Наполеоном. Трибунал нередко критиковал законопроекты правительства. В 1801 году, в ответ на недовольные замечания Наполеона по адресу Трибуната, Андриё заметил:

– Гражданин Консул, вы член Секции механики [Французского института] и знаете, что опираться можно только на то, что оказывает сопротивление.

Эти слова привел Ш. Розан в предисловии к «Избранным сочинениям» Андриё (1878).

Велик русский бог

Как установил выдающийся филолог и семиотик Б. А. Успенский, «русским богом» первоначально называли Николая Чудотворца (Николу-угодника), причем выражение это обычно вкладывалось в уста иноверцев. В «Чуде святого Николы о половчине» половец говорит:

«...Велик есть бог русский и дивна чюдеса творит».

(Это сказание возникло в XI–XII вв., а известно по списку XV–XVI вв.)

Однако и на самой Руси почитание Николы «приближалось к почитанию Богородицы и даже самого Христа» (Б. А. Успенский, «Филологические разыскания в области славянских древностей», 1982). Вплоть до конца XVIII века встречались священники, исповедующие Николу как Бога.

Со временем выражение «Велик русский бог» утратило связь с Николой-угодником. В качестве пословицы оно включено в сборник пословиц И. М. Снегирева (1831–1834) и словарь Даля.

Патриотическая трагедия Владислава Озерова «Димитрий Донской» (1807), необычайно популярная в свое время, заканчивалась словами Димитрия:

...Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:

«Языки ведайте: велик Российский Бог!»

Однако выражение, естественное в устах язычника, сомнительно в рамках христианской культуры. В 1814 году статс-секретарь А. С. Шишков вынужден был разъяснять:

«Многие возражают против сей пословицы, видя в ней нечто языческое, говоря, Бог един у всех народов, как же можно сказать *Русский Бог*? Но сии возражения несправедливы. Здесь Русский Бог не означает особливового у русских божества, но одного и того же Бога, милостью своей к русским великого» (примечание в книге Э. М. Арндта «Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарта помыслах»).

Двадцатью годами раньше молодой Николай Карамзин, русский патриот и «друг человечества», уточнял: «Русский Бог и Бог вселенная!» (поэма «Илья Муромец», 1794).

О «Русском Боге» нередко вспоминали во время нашествия Наполеона. Кутузов в донесении из Ельны 20 октября 1812 года цитировал трагедию Озерова: «Велик Российский Бог». Восемь дней спустя он же писал Д. П. Трощинскому: «...Я уповаю во всяком роде успеха, ибо Русский Бог велик».

Хорошо известны строки из зашифрованной Пушкиным IX главы «Евгения Онегина»:

Гроза двенадцатого года

Настала – кто тут нам помог?

Остервенение народа,

Барклай, зима иль Русский Бог?

(В рукописи – «Р[усский] Б[ог]»; именно так обычно писали в XIX веке. В советских изданиях оба слова печатались со строчных букв, а в послесоветских появился «русский Бог».)

13 октября 1818 года друг Пушкина, князь Петр Вяземский, писал А. И. Тургеневу:

«Русский Бог – не пустое слово, но точно имеет полный смысл. Об этом-то Боге можно сказать поистине: “Si Dieux n’existait pas il faudrait l’inventer” [“Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать”, *франц.*]. Только об этом не надобно вслух говорить: у нас уж и так на Бога слишком надеются».

Десять лет спустя, 18 апреля 1828 года, Вяземский послал А. И. Тургеневу стихотворение «Русский Бог». Оно широко разошлось в тогдашнем самиздате, т. е. в списках, но вплоть до 1921 года на родине поэта не публиковалось. Почему – ясно из приводимых ниже строф:

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций – тараканьих штабов,
Вот он, вот он Русский Бог.

Бог грудей и жоп отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он Русский Бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он Русский Бог.

С. А. Рейсер, автор содержательной статьи «Русский бог» (1961), цитируя эти стихи, вторую строфу опустил – вероятно, «чтобы гусей не раздражить».

А в «Старой записной книжке» Вяземский замечает:

«Судьбы России поистине неисповедимы. Можно полагать, что у нас и выдуман Русский Бог, потому что многое у нас творится совершенно вне законов, коими управляется все прочее мироздание».

Подобные мысли Вяземский доверял лишь ближайшим друзьям и бумаге. Публично же он всегда отдавал кесарю кесарево. В сентябре 1830 года князь сочинил куплеты для праздника в имении московского генерал-губернатора. Патриотизм этих куплетов сближается с той его разновидностью, которую сам же Вяземский тремя годами ранее окрестил «квасным патриотизмом»:

Здравствуй, град перводержавный!
Здравствуй, матушка-Москва,
Нашей Руси православной
Золотая голова!

Над тобой сходились тучи.
Смерть держала нас в плену,
Но Бог Русский, Бог могучий
За тебя, как в старину.

На тебя то нехристь грубый,
То чума, то вдруг француз,
То холера скалит зубы:
Видно, лакомый ты кус!
Что ж, заели? Нет, гриб съели!

И далее в том же духе, милом сердцу генерал-губернатора.

Вяземский хорошо знал цену этим куплетам и печатать их не собирался. Они были опубликованы лишь после его смерти под заглавием «Дружеская беседа».

Стихи с упованиями на «Русского Бога» хлынули потоком после начала Крымской войны. Однако ход войны не оправдал оптимистических ожиданий. Федор Тютчев, поэт и дипломат, заметил:

«Надо сознаться, что должность Русского Бога не синекура».

У И. С. Аксакова в биографии Тютчева эта острота приведена по-французски; в «Воспоминаниях» князя В. П. Мещерского – на макаронической смеси французского с русским: «...les fonctions du Русский Бог ne sont pas une sinécure». (Как известно, Тютчев был прототипом дипломата Билибина в «Войне и мире». Билибинские остроты выдержаны в том же духе и произносятся на той же макаронической смеси.)

Однако раньше сам же Тютчев в сборнике под бодрым заглавием «С нами Бог! Вперед!.. Ура!..» (1854) поместил стихотворение «Рассвет», написанное еще в 1849 году, где с нетерпением спрашивал:

Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Согласно С. А. Рейсеру, во множестве патриотических стихотворений по поводу русско-японской и Первой мировой войны выражение «Русский Бог» уже не встречается; оно, полагал Рейсер, изжило себя окончательно.

Но этот вывод, пожалуй, был слишком поспешным.

В 2012 году Центральная детская библиотека издала методичку «Перелистай историю России». Здесь предлагался сценарий школьно-патриотического действия:

«Дети в национальных костюмах и костюмах ополченцев выходят на сцену и читают приветственные стихи Москве. Среди чтецов могут быть и мальчики в воинских костюмах, и девочки в русских сарафанах. Чтец 1:

Здравствуй, град перводержавный!
Здравствуй, матушка-Москва...»

И далее по тексту куплетов Вяземского, вплоть до:

Но Бог русский, Бог могучий
За тебя, как в старину.

Надо думать, адресатом этого празднества предполагался если не московский генерал-губернатор, то по крайней мере глава районной управы.

Велика Россия, а отступать некуда

По версии, вошедшей в советские учебники, слова: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!» – произнес политрук Василий Клочков 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково на Волоколамском направлении. В этот день 28 бойцов дивизии генерала Панфилова погибли, подбив 18 танков противника и остановив продвижение немцев.

О том, что в действительности дело было не совсем так, известно давно, но, как говорил Аристотель, «даже известное известно немногим». Атаку немцев 16 ноября отражали не 28 человек (численность пехотного взвода), а 1075-й стрелковый полк. На поле боя из одной только 4-й роты polegло не менее ста человек. Немцев остановить не удалось, за что командир и комиссар полка были временно отстранены от должностей. О подбитых танках в донесениях не сообщалось.

Легенда о 28 панфиловцах и фразе Клочкова была создана журналистами «Красной звезды». Но не сразу, а в три этапа. 27 ноября увидела свет заметка военкора Василия Коротеева «Гвардейцы-панфиловцы в боях за Москву». Здесь впервые появились 18 подбитых танков и «политрук Диев», ныне известный нам как Василий Клочков. Согласно Коротееву, Диев сказал: «Нам приказано не отступать». «Не отступим!» – ответили бойцы.

На другой день в «Красной звезде» появился передовица «Завещание 28 павших героев», написанная, по-видимому, главным редактором газеты Давидом Ортенбергом вместе с ее литературным секретарем Александром Кривицким. Здесь политрук Диев (Клочков) восклицает: «Ни шагу назад!», т. е. повторяет только что появившийся лозунг обороны Москвы.

И лишь два месяца спустя, 22 января 1942 года, газета напечатала статью Кривицкого «О 28 павших героях», где Диев (Клочков) произносит свою знаменитую фразу: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!»

После войны обнаружилось, что несколько участников боя у Дубосеково попали в плен, а один даже был осужден за то, что служил полицаем. Кривицкому пришлось давать показания в военной прокуратуре. И на вопрос следователей он прямо ответил: «Слова политрука Клочкова (...) выдумал я сам». Согласно секретному докладу главного военного прокурора (1948 г.), «подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, освещенный в печати, является вымыслом корреспондента Коротеева, редактора “Красной звезды” Ортенберга и в особенности литературного секретаря газеты», т. е. Кривицкого.

Секретным этот доклад оставался вплоть до 1997 года. Но уже в 1966 году сомнения в достоверности рассказа Кривицкого высказал в нашумевшей статье «Легенды и факты» публицист «Нового мира» В. Кардин (сам сражавшийся под Москвой в 41-м).

Статья привлекла внимание генсека. На заседании Политбюро 10 ноября 1966 года Брежнев назвал «прямо клеветническими» высказывания «некоторых наших писателей» о том, «что не было Клочкова и не было его призыва».

Разумеется, в учебниках все осталось по-старому.

Но откуда же Кривицкий взял фразу Клочкова? Тут у него могло быть два источника. Первый – хрестоматийные строки «Ребята! не Москва ль за нами? / Умрем же под Москвой...». Второй, более близкий по форме, – историческая фраза вице-адмирала В. А. Корнилова, героя Крымской войны. 15 сентября 1854 года, при осмотре войск в Севастополе, он сказал: «Нам и некуда отступать: позади нас море» (по сообщению его адъютанта А. П. Жандра).

В свою очередь, прообраз фразы Корнилова мы находим в историческом трактате Тацита «Агрикола»: «За нами нет больше земли, и даже море не укроет нас от врага, ибо на нем римский флот (...). Итак – только бой и оружие!» Так, по Тациту, говорил вождь британцев Калгак перед сражением с римлянами летом 83 года.

И все эти фразы, независимо от степени их легендарности, из истории уже не вычеркнешь.

Великий немой

«Великим немым» ныне именуют кинематограф «дозвуковой» эпохи. Резонно предположить, что это наименование появилось, когда эпоха немого кино ушла в прошлое. Однако в 1991 году киновед Юрий Цивьян указал, что наименование «великий немой» возникло в России в 1910-е годы, а предшествовало ему выражение Леонида Андреева «Великий Кинемо».

Но чему противопоставлялся «великий немой», коль скоро «говорящего» кино еще не было?

Начнем с начала – «С письма о театре» Л. Андреева, опубликованного в конце 1912 года в альманахе «Маски». Последний раздел «Письма» повествовал о будущем кинематографе – «будущем Кинемо»:

Это будет зеркало во всю пятисаженную стену, но зеркало, в котором будете отражаться не вы. (...)

Чудесный Кинемо! (...) Не имеющий языка, одинаково понятный дикарям Петербурга и дикарям Калькутты, – он воистину становится гением интернационального общения, сближает концы земли и края душ, включает в единый ток вздрагивающее человечество.

Великий Кинемо!.. – все он одолеет, все победит, все даст. Только одного он не даст – слова, и тут конец его власти, предел его могуществу. Бедный, великий Кинемо-Шекспир! – ему суждено начать собой новый великий род Танталов!

Очень скоро «Великий Кинемо» стало настоящим крылатым словом, и не только в кинематографической печати. А 24 марта 1914 года в газете «Новое время» появилось объявление: «Сегодня в Литейном театре под председательством бар. Н. Дризена диспут: “ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ” (кинематограф и театр)».

Судя по всему, эту дату и следует считать датой рождения термина «великий немой».

Кинокритик М. Браиловский так прокомментировал это событие: «На смену андреевскому “великий кинемо” петербуржцы (...) придумали новое выражение – *великий немой*». «Великий», поясняет Браиловский, – это «любезный реверанс перед сторонниками кинемо», а «немой» – «тонкая уступка болезненному самолюбию изнервничавшихся театралов» (статья «Великий немой» в журн. «Сине-фоно», 1914, № 13).

В тогдашних диспутах «немой театр» (кинематограф) противопоставляли «говорящему театру», т. е. театру драматическому. Критик В. Ермилов иронизировал над актерской оппозицией кинематографу:

– Театр и Кинемо – враги.

– Актер! Не продавай себя врагу – Немому за чечевичную похлебку! (...)

Актер должен служить театру, – только театру, не «Великому Немому», как величают Кинемо, а «Великому Говорящему», великому искусству!

(«Неравный брак», журн. «Сине-фоно», 1914, № 3)

Некоторое время «Великий Немой» (с прописных букв) и «Великий Кинемо» сосуществовали в печати на равных, но в конце концов «Немой» победил.

В мемуарном очерке Анны Ахматовой о Модильяни читаем:

«“Великий немой” (как тогда называли кино) еще красноречиво безмолвствовал».

Но это либо аберрация памяти, либо Ахматова пожертвовала исторической точностью ради риторического украшения речи. В ее очерке говорится о Париже 1911 года, когда выра-

жения «великий немой» еще не было. К тому же во Франции (да и в других странах, кроме России) кинематограф никогда не называли «великим немым».

Великое молчащее большинство

Во время избирательной кампании 1968 года Ричард Никсон пообещал вывести войска из Вьетнама. Когда он занял президентское кресло, война шла уже пятый год. Число убитых американцев дошло до 31 тысячи, а численность воюющего американского корпуса превысила полмиллиона.

15 октября 1969 года 200 тысяч демонстрантов со всех концов страны собрались в Вашингтоне, протестуя против войны.

Вечером 3 ноября Никсон выступил с программной речью по телевидению. Он изложил план «вьетнамизации» войны и переговоров с позиции силы. Не обошел он и тему антивоенных протестов:

– В течение почти 200 лет политика нашей страны определялась, в соответствии с нашей Конституцией, лидерами в Конгрессе и Белом доме, избранными всем народом. Если громкоголосое меньшинство, сколь бы жгучим ни был вопрос, возобладает над разумом и волей меньшинства, наша страна не имеет будущего как свободное государство.

И далее:

– Поэтому сегодня вечером я обращаюсь к вам, великое молчащее большинство моих соотечественников-американцев, – я прошу вашей поддержки.

Благодаря Никсону формула «великое молчащее большинство» («The Great Silent Majority») вошла в интернациональный политический язык.

15 ноября в Вашингтоне собралось уже 600 тысяч противников войны, и все же Никсон был прав: «молчащее большинство» его поддержало. Рейтинг популярности президента подскочил с 50 до 81 процента, а на следующих выборах Никсон победил в 49 штатах из 50.

Противопоставление «громкоголосого меньшинства» (vocal minority) «молчащему большинству» встречалось и раньше. Его можно найти в книге Джона Кеннеди «Профили мужества» (1955), которую Кеннеди подарил Никсону со своим автографом.

И даже «великое молчащее большинство» не было изобретением Никсона. В 1919 году в еженедельнике «Collier's» появилась статья Брюса Бартона в поддержку президентской кампании Калвина Кулиджа. Бартон писал:

«Иногда кажется, что у великого *молчащего большинства* нет своего представителя. Но Кулидж принадлежит к этой массе людей, он живет с ней, он трудится, как она, и он понимает ее».

Во Франции «молчащее большинство» (majorité silencieuse) встречалось в политической публицистике уже с конца XVIII века. В XIX веке этим выражением нередко пользовались силы, стоящие у власти. В феврале 1819 года маркиз Франсуа Бартеlemi, член Палаты пэров, предложил проект ограничения избирательного права. Проект вызвал бурю негодования в обществе, однако другой ультраароялист, граф Амбруаз Поликарп де Ларошфуко-Дудовиль, заявил:

Петиции, даже подписанные сотней тысяч граждан, показывают лишь, что недовольные составляют меньшинство по сравнению с молчащим большинством тридцати миллионов французов.

(согласно закордонной газете «*Le véridique de Gand*» от 16 марта 1819 г.).

Ларошфуко-Дудовиль вовсе и не желал, чтобы «молчащее большинство» заговорило: граф был ярким противником свободы печати. Пять лет спустя, при Карле X, он стал министром королевского двора, т. е. премьер-министром.

Однако в странах английского языка выражения «великое большинство» и «молчащее большинство» имели еще и другое значение: так называли умерших. В трагедии Эдуарда Юнга «Месть» (1721) читаем:

Жизнь есть пустыня, жизнь есть одиночество;
Смерть присоединяет нас к преобладающему (великому) большинству.
(...Death joins us to the great majority)

О различных погребальных обычаях рассказывалось в статье «Молчащее большинство» американского журнала «Harper's New Monthly Magazine» за сентябрь 1874 года. В начале XX века член Верховного суда США Джон Маршалл Харлан заявил, что «великие военачальники по обе стороны нашей Гражданской войны давно уже отошли к молчащему большинству, оставив память о своем поразительном мужестве» (речь 9 декабря 1902 г.).

Противники войны во Вьетнаме ответили Никсону плакатом с изображением Арлингтонского военного кладбища, усеянного крестами, и подписью:

Молчащее большинство

Выражение «присоединиться к великому большинству» в значении «умереть» восходит к роману Петрония «Сатирикон»: «Наконец он отошел к большинству» (*лат.* ...abiit ad plures). Позднее «Abiit ad plures» использовалось как надгробная надпись.

У нас латынь не в особенной чести, и острота Петрония, усовершенствованная Юнгом, еще в 1960-е годы воспринималась как новая. Поэт Давид Самойлов вспоминал о своей последней встрече с Михаилом Светловым: «“Старик, – сказал он, – ты знаешь, что такое смерть? Это присоединение к большинству”. Он острил до последнего».

Светлов умер в сентябре 1964 года, а 9 декабря 1966 года историк Натан Эйдельман записал в своем дневнике: «Чудесная острота Светлова в “Литгазету”: “Смерть – это присоединение к большинству”».

Взять глыбу мрамора и отсечь от нее все лишнее

Театральный режиссер Николай Васильевич Петров писал: «Когда Родена спросили, как это ваяют из мрамора, то он ответил: “А это очень просто. Вы берете глыбу мрамора и отсекаете все лишнее”. Что может быть проще, глубже и содержательнее такого ответа?» («Режиссер читает пьесу: материалы к теории режиссуры», 1934).

Едва ли не чаще это изречение приписывается Микеланджело: «Мы изготавливаем их [микроэлектронные матрицы] способом Микеланджело. Так мы его называем в память о его девизе: “В каждой глыбе мрамора содержится прекрасная скульптура, надо только убрать все лишнее”» (Владимир Савченко, повесть «Пятое измерение», 1988).

Но эта мысль гораздо старше и Родена, и Микеланджело. Уже Цицерон писал:

В каждом куске мрамора (...) заключаются (...) головы, достойные резца (...) Праксителя. Ведь все они делаются путем скалывания. (...) То, что изваялось, (...) находилось внутри.
(«О дивинации», II, 21, 48; перевод М. Рижского)

Затем мы встречаем эту мысль у Леонардо да Винчи:

Скульптор (...) должен уничтожать лишний мрамор (...), торчащий за пределами фигуры, которая заключена внутри него.

Скульптор (...) снимает лишнее.
(«Спор живописца с поэтом, музыкантом и скульптором»; перевод А. Губера)

Леонардо мало известен как скульптор; вероятно, поэтому высказывание об «отсекании лишнего» приписывается не ему, а Микеланджело, который, однако, теоретических трудов не писал.

В XVIII веке о том же говорил Дени Дидро:

Скульптор бросает взор на глыбу мрамора – и его воображение, более быстрое, чем его резец, освобождает ее от всех лишних частей и прозревает в ней фигуру.
(«Философские исследования о происхождении и природе прекрасного», 1751; перевод Г. Фридлендера)

Приведем еще высказывание Льва Толстого:

...Плохой скульптор, вместо того чтобы соскоблить лишнее, налепливает все больше и больше.
(«Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», 1862)

С конца XIX века высказывание о «глыбе мрамора» получило хождение в форме анекдота. Один из вариантов этого анекдота приведен в газете «Boston Herald American» за 1974 год:

Микеланджело поздравляли с открытием его бессмертного изваяния Давида.

– Но, ради Бога, как тебе удалось создать такой шедевр из грубой глыбы мрамора? – спросил один из его почитателей.

– Это было легко, – ответил Микеланджело. – Я просто убрал все, что не было похоже на Давида.

Вино, женщины и песни

– Все мы знаем, как мужчина смотрит на женщину: «Wein, Weiber und Gesang», – замечает обманутый муж-убийца Позднышев в «Крейцеровой сонате».

Герой повести Толстого чуть изменил название вальса Иоганна Штрауса: «Wein, Weib und Gesang» – «Вино, женщины и песни».

Взято оно из популярного немецкого двустишия «Кто не любит вина, женщин и песен, так дураком и помрет», или, если переводить стихами:

Без женщин, песен и вина
Нам жизнь и даром не нужна.

С подписью «Мартин Лютер» эти строки появились в стихотворении «Девиз одного поэта» (1775). Многие и поныне думают, что так писал Лютер, хотя автором «Девиза» был, вероятно, Иоганн Генрих Восс, современник Гёте и Шиллера.

Однако триединство «вино – женщины – музыка» гораздо старше. В знаменитом памфлете «Письма темных людей» (1515) читаем: «И Соломон говорит: музыка, женщина и вино радуют сердце человека».

Соломон, хотя и любил женщин, этого не говорил. Нечто похожее сказано в одной из самых поздних ветхозаветных книг – «Книге премудростей Иисуса, сына Сирахова»: «Вино и музыка веселят сердце», а «приятность и красота вожделенны для очей». Судя по всему, имелась в виду именно женская красота, поскольку в другой главе «Книги премудростей...» сказано: «Не смотри на красоту человека и не сиди среди женщин: ибо как из одежд выходит моль, так от женщины – лукавство женское».

А вот что говорили эллины:

Если бы кто-то спешил снизойти в подземное царство, —
Путь ускоряют туда бани, любовь и вино.

(Эпиграмма неизвестного автора; перевод Ю. Шульца)

Ответом на это двустишие можно считать древнеримскую надгробную надпись:

Бани, вино и любовь разрушают вконец наше тело.
Но и жизнь создают бани, вино и любовь.

(Перевод Ф. Петровского)

У мусульман с давних времен в почете триада иного рода: «Пророк сказал: “Три предмета любимы мною: аромат, женщины и молитва”» (Мухаммед Газали, «Воскрешение наук о вере» (ок. 1100 г.), перевод Е. Наумкина).

Нетрудно заметить, что все эти триединства принадлежат мужчинам. За женщин высказалась Новелла Матвеева в сонете «Мы только женщины...» (1966):

«Вино и женщины» – так говорите вы,
Но мы не говорим: «Конфеты и мужчины».
Мы отличаем вас от груши, от халвы,
Мы как-то чувствуем, что люди – не ветчины. (...)

«Вино и женщины»? – Последуем отсель.

О женщина, возьми поваренную книжку,
Скажи: «Люблю тебя, как ягодный кисель,
Как рыбую голову! Как заячью лодыжку!

По сердцу ли тебе привязанность моя?
Ах, да! Ты не еда! Ты – человек! А я?»

Власть лежит на улице

«Революционеры не делают революций! Революционеры – это те, кто знает, когда власть лежит на улице и можно поднять ее», – писала Ханна Арендт, немецко-американский философ и политолог, в книге «Кризис республики» (1972).

В такой форме это выражение получило распространение в России с 1917 года. Нередко оно приписывается Ленину. Однако Ленин, хотя и подобрал бесхозную власть, выражением этим не пользовался. Зато к нему неоднократно прибегали эсеры. 26 мая 1917 года на III съезде эсеров Илья Коварский говорил:

– ... Политическая власть валяется буквально на улице и рабочий класс приходит и берет ее в свои руки (...).

А лидер эсеров Виктор Чернов вспоминал: «Очень часто даже от министров [Временного правительства] приходилось слышать: “если власть не валяется на улице, то она будет валяться, что всякий, кому не лень, может нагнуться и эту власть подобрать и ею овладеть”» (статья «Предпоследние ошибки», 1918).

Это выражение восходит к французскому политическому языку.

В декабре 1804 года Бонапарт возложил на себя императорскую корону. Наследственные монархи объявили его узурпатором, однако сам он считал иначе:

– Я нашел корону Франции на земле и поднял ее.

Так передает слова нового императора мадам де Сталь в «Размышлениях о Французской революции» (опубл. посмертно в 1818 г.).

Г-жа Клэр де Ремюза в своих «Мемуарах» (опубл. в 1880 г.) дополняет эту фразу:

– ... и поднял ее острием своей шпаги.

В беседе с Арманом де Коленкуром в 1812 году Наполеон говорил:

– Я поднял корону Франции, которая валялась брошенной в луже (*dans le ruisseau*).

(Этот фрагмент «Мемуаров» Коленкура был опубликован в 1928 г.)

В изгнании, на о-ве Св. Елены, Наполеон повторял: «Я не узурпировал корону: я поднял ее из сточной канавы (*le giseau*)» (запись Э. Лас Казеса 14–18 сентября 1815 г.).

В середине XIX века во французской печати появился оборот «подобрать власть на улице» (*ramasser le pouvoir dans la rue*); в частности, так писали по поводу Февральской революции 1848 года в Париже.

Еще раньше, 12 января 1848 года, началась революция в Неаполитанском королевстве; власть перешла в руки Временного правительства. 14 января во французской Палате пэров выступил граф Шарль де Монталамбер – писатель, член Французской академии и ревностный католик. Он заявил:

– Необходимо, чтобы сторонники прогресса в Италии наконец целиком и полностью размежевались со сторонниками беспорядка; ради чести Италии необходимо, чтобы правительство перестало находиться на улице (*d'être dans la rue*), а иначе знаете ли вы, куда оно движется в атмосфере, царящей на улицах? Оно совершенно естественно переходит в казармы, и не обязательно в национальные, но гораздо чаще – в иностранные казармы.

Родион Раскольников, русский студент 1860-х годов, восклицал:

– Власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь! («Преступление и наказание», 1866).

Раскольников, как известно, равнялся на Наполеона:

– Я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил.

В 1888 году наполеоновской метафорой воспользовался Фридрих Энгельс в своем знаменитом прогнозе хода будущей мировой войны. В предисловии к брошюре С. Боркхейма «На память ура-патриотам 1806–1807 годов» он предсказывал «крах старых государств и их рутин-

ной государственной мудрости, – крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны». Энгельс, можно сказать, перекидывал мостик от 1800-х годов к 1917-му и 1918-му.

Но и метафора Наполеона принадлежит ему лишь отчасти. В поисках ее истоков мы (как это часто бывает) приходим к античности.

Полководец Александра Македонского Селевк, который в 321 году до н. э. стал царем Сирии, согласно Плутарху, говорил, что, если бы люди знали, сколь хлопотно дело правления, «никто бы не стал поднимать диадему [т. е. царский венец], валяющуюся на земле» («Стоит ли старцу заниматься государственными делами», 11).

В XIX веке власть не раз и не два лежала на улицах Парижа – в июле 1830-го, в феврале и июне 1848-го, осенью 1870-го. Последний раз это случилось – так, во всяком случае, казалось участникам событий, – в 1968 году, когда парижская «Фигаро» от 15 мая вышла под шапкой «ВЛАСТЬ ЛЕЖИТ НА УЛИЦЕ».

В 1991 году власть валялась на улицах Москвы. Девять лет спустя Юрий Шевчук написал песню «Мама, это рок-н-ролл», в которой не без ностальгии вспоминал:

Были времена и получше,
Были и почестней,
Догорали дожди да веселые путчи,
Умирали ночи без дней (...),
Когда власть валялась на улице
На глазах у трезвых бичей.

В 2004 и 2014 годах власть лежала на улицах Киева, в 2011-м – на улицах Каира. Но, как заметил Станислав Ежи Лец, «если власть лежит на улице, стоит поинтересоваться, в каком она состоянии» («Непричесанные мысли, записанные в блокнотах и на салфетках...», 1996).

Волшебное слово

Рассказ Валентины Осеевой «Волшебное слово», опубликованный в 1944 году, сразу попал в школьные хрестоматии. Начинался он так:

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

– Подвиньтесь, – сказал ему Павлик и присел на край.

Старичок, как бы не замечая столь невежливого обращения, завязывает с Павликом разговор. И оказывается, что тот уже готов от обиды убежать из дому: о чем бы и кого бы он ни просил, он получает отказ.

Старик разгладил длинную бороду:

– Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

– Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни – тихим голосом, глядя прямо в глаза...

И шепчет это слово Павлику на ухо.

Легко догадаться, что слово это «пожалуйста» и что эффективность его стопроцентна. «Волшебник! Волшебник!» – повторяет про себя Павлик, вспоминая старика. А вот и финал:

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Именно зачин и финал превращают назидательную историю почти что в волшебную сказку.

Будь маленькие читатели Осеевой знакомы с Евангелием от Иоанна, они бы заметили в зачине и финале рассказа отголосок вовсе не детской притчи о блуднице (где Иисус произносит тоже в некотором роде волшебное слово):

...Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания.

Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень.

И опять наклонившись низко, писал на земле.

Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить, один за другим...

Сходство будет еще больше, если вспомнить, что в пересказах притчи Иисус «чертит на песке», а не «пишет на земле».

Во французской детской литературе волшебное слово «пожалуйста» (*un mot magique «s'il vous plaît»*) существовало уже в 1870-е годы. В 1893 году вышла в свет книжечка «Маленькое волшебное слово», где волшебное слово – «Простите» («*Je le regrette*»). За 10 лет книжечка разошлась тиражом в 300 тыс. экз.

В англоязычных странах волшебное слово «пожалуйста» (*magic word «Please»*) появилось не позднее начала XX века. Другими волшебными словами были «Спасибо» и «Извините».

В 1911 году в Бостоне вышла книжка Жозефины Скрибнер-Гейтс «Томми-сладкоежка и Голубая Девочка». Здесь рассказывалось о приключениях куклы, которая сбежала от своего

владельца в леса и узнала волшебное слово «пожалуйста» от птиц, кроликов и бурундуков. Книжка имела немалый успех.

Свое слово сказали и американские шутники:

- Передай-ка мне соль.
- А волшебное слово?
- Немедленно!

В советской педагогике до середины 1930-х годов волшебные слова, как и волшебные сказки, подлежали искоренению. К тому времени советские дети, и то очень немногие, знали лишь одно «настоящее» волшебное слово: «Сезам, откройся».

Второе сказочное волшебное слово появилось в 1938 году, в пьесе Евгения Шварца «Снежная королева». Это заклинание Сказочника «Крибле-крабле-бумс», которого нет у Ганса Христиана Андерсена.

Все детское население страны услышало это слово в середине 1950-х годов, когда на радио зазвучали радиоспектакли по сказкам Андерсена в инсценировке Сергея Богомазова. Начинались они со вступления Сказочника, который неизменно произносил: «Крибле-крабле-бумс». Сказочником был незабываемый Николай Литвинов, главный волшебник советского радиотеатра.

Не менее знаменитое волшебное слово «Трах-тиби-дох-тиби-дох» появилось в радиоспектакле «Старик Хоттабыч» (1958), где Хоттабычем был все тот же Николай Литвинов, а автором инсценировки – Сергей Богомазов. Этого заклинания нет ни в повести Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» (1938; 2-я редакция: 1956), ни в ее киноэкранизации (1956, сценарий Лагина). Богомазов, вероятно, придумал его сам.

В 1981 году вошло в обиход еще одно волшебное слово – заклинание «мутабор» из мультфильма «Халиф-аист», позволявшее герою превращаться из человека в животное и обратно. Мультфильм был экранизацией сказки немецкого писателя Вильгельма Гауфа «История о Халифе-аисте» (1826).

Во времена Гауфа немецкие школьники учили латынь и, если они были примерными школьниками, понимали значение слова «Mutabor»: «Я буду превращен». Знали они и то, что в латыни ударение на последнем слоге практически не встречается и слово это произносится как «мутáбор».

Наш читатель едва ли мог опознать латынь в написанном кириллицей слове «мутабор». Поэтому Иннокентий Смоктуновский, который озвучил мультфильм, произносил заклинание с ударением на последнем слоге: «мутабо́р», по аналогии с хорошо знакомыми нам словами «матадор», «лабрадор» и т. д. Так оно произносится и поныне.

Воруют!

«Воруют!» – один из немногих примеров, когда крылатое выражение состоит из одного слова. По краткости оно уступает только завету Козьмы Пруtkова «Бди!».

Одна из популярных версий его появления изложена (заведомо несерьезно) в повести Довлатова «Чемодан» (1991):

«Двести лет назад историк Карамзин побывал во Франции. Русские эмигранты спросили его:

– Что, в двух словах, происходит на родине?

Карамзину и двух слов не понадобилось.

– Воруют, – ответил Карамзин...»

Свою версию предложил Владимир Жириновский в книжке «Спасаем Россию» (1997): «Когда Александр I попросил Карамзина в двух словах пересказать содержание его много-томного труда по истории России, ученый ответил: “Могу и одним словом” – “Каким?” – “Воруют”, – сказал Карамзин просто».

В «Усталых сонетах» (2007) Василия Бетаки появляется имя другого императора:

На просьбу Николая описать
Одним недлинным словом всю Россию,
«Воруют» – так ответил Карамзин.

Профессор МГИМО Владимир Мединский, ставший затем министром культуры, ни одной из версий не верил: «Фраза есть. Целая идеология, построенная на ней, есть. Автора – нет» («Скелеты из шкафа русской истории», 2010).

Со строго формальной точки зрения профессор был прав. Восклицание «Воруют!» ввел в оборот не историк, а сатирик. В «Голубой книге» Михаила Зощенко (1935) читаем:

«В свое время знаменитый писатель Карамзин так сказал: “Если б захотеть одним словом выразить, что делается в России, то следует сказать: воруют”».

Разумеется, Зощенко нам не указ. Другое дело – князь Петр Андреевич Вяземский, поэт, друг Пушкина и автор замечательно интересных «Старых записных книжек», опубликованных в VIII томе его «Полного собрания сочинений» (1883). Согласно Вяземскому, «Карамзин говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: *крадут*».

Вяземский знал великого историографа лично и вполне мог слышать эти слова. Главное же – почти то же самое пишет сам Карамзин в записке «О древней и новой России» (1811), предназначавшейся одному-единственному читателю – Александру I:

«Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит!»; «Указывают пальцем на грабителей – и дают им чины, ленты»; «В два или три года наживают по несколько сот тысяч (...)! Иногда видим, что государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из службы двух или трех сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры ответственны ли бесчисленности нынешних мздоимцев?»

Выходит, по существу дела профессор Мединский все же неправ. Впрочем, воюя с мифом об исконной вороватости русского народа, он не отрицает неистребимости воровства (или, выражаясь политкорректно, коррупции) на верхах. Мало того: согласно Мединскому, коррупция в России достигает максимума как раз тогда, «когда сильнее всего укрепляется очере-
дная “вертикаль власти” и главными людьми в стране делаются чиновники» («О русском воровстве, особом пути и долготерпении», 2008).

Сентенцию Карамзина могли бы повторить многие российские самодержцы.

По сообщению английского дипломата Джайлса Флетчера («О государстве Русском», 1591), Иван Грозный велел английскому золотых дел мастеру хорошенько смотреть за весом золотых слитков для изготовления посуды, поскольку-де «русские мои все воры». Англичанин заметил на это:

– Ваше Величество (...) забыли, что вы сами русский.

– Я не русский, предки мои германцы, – возразил царь.

Екатерина II в письме к г-же Бьельке от 12 апреля 1775 года философически замечает: «Меня обворовывают точно так же, как и других; но это хороший знак и показывает, что есть что воровать».

Куда менее благодушно писал о том же любимый внук Екатерины, цесаревич Александр Павлович: «Непостижимо, что происходит: все грабят, почти не встречаешь честного человека, это ужасно» (в письме своему воспитателю Фредерику Лагарпу от 21 февраля 1796 г.). Однако в правление самого Александра – если верить Карамзину – грабить меньше не стали.

Наконец, Николай I, создатель безукоризненной вертикали власти, говорил своему сыну, будущему императору Александру II:

– Я полагаю, что во всем государстве только мы с тобой не ворует (по записи в дневнике К. А. Варнгагена фон Энзе 5 ноября 1850 г.).

В советское время карамзинская фраза находилась в тени, и только полуюродивый Деточкин в кинокомедии Рязанова мог воскликнуть на всю страну:

– Ведь воруют! Много воруют!

Зато с 1990-х годов «Воруют!» стало по-настоящему крылатым словом и остается таковым по сей день.

Как обычно, наиболее яркими фразами на эту тему отметился Виктор Черномырдин:

– Всегда воровали и всегда будем воровать (согласно «Известиям» от 16 октября 1999 г.).

Он же с оптимизмом, достойным Екатерины Великой, заявлял:

– У нас [в России] воруют намного больше, причем нигде не убавляется, такая страна (на встрече с журналистами в Английском клубе 8 апреля 2005 г.).

А министр экономического развития Герман Греф дал такой прогноз:

– Если воровать перестанут, то мы будем жить, наверное, уже не в России, а в другой стране (на встрече с журналистами 3 марта 2005 г.).

Враг моего врага

В романе новосибирской писательницы Аглаиды Лой «Город и Художник» (1984) упоминается «старый горский кодекс»:

Враг моего друга – мой враг,
друг моего врага – мой враг,
враг моего врага – мой друг,
друг моего друга – мой друг.

Слова о «старом горском кодексе» здесь всего лишь украшение речи; эта ссылка ничуть не более достоверна, чем ссылка на «закон тайги» или «закон прерий».

Нейрохирург Иван Кудрин в своих заметках о блокадном Ленинграде («Прорыв блокады», 2008) вспоминает, что ленинградцы часто говорили об открытии «второго фронта». «На союзников, впрочем, мало надеялись. (...) Вспоминали индейскую мудрость: “У меня три друга: первый – мой друг, второй – друг моего друга и третий – враг моего врага”. Все считали, что третья степень дружбы только и объединяет нас с нашими союзниками».

Слово «индейская» у Кудрина, по-видимому, описка. В несколько ином виде эта мудрость содержится в индийских «Законах Ману», VII, 158:

«Следует считать врагом соседа и сторонника врага, другом – соседа врага, нейтральным – всякого, кроме этих двух».

Заметим, что «Законы Ману», вопреки названию, – не свод реальных законов, а сборник поучений, составленный в первые века нашей эры.

О том же говорил Фридрих Ницше: «“Наш ближний это не наш сосед, а сосед нашего соседа” – так думает каждый народ» («По ту сторону добра и зла», 1886).

Но едва ли сентенция о «враге моего врага» заимствована европейцами из «Законов Ману». В Европе с ними познакомились лишь в 1794 году, когда они были переведены на английский. Между тем уже в XVII веке существовало латинское изречение «Amicus meus, inimicus inimici mei», то есть: «Враг моего врага – мой друг».

Этой формулы мы не найдем в сочинениях древних римлян; она, по-видимому, принадлежит итальянским юристам Нового времени. Неаполитанец Франческо Мерлино Пиньятелли писал в латинском трактате «Спорные вопросы общего права» (1634): «Друг моего врага – мой враг (...). Враг моего врага будет моим другом».

Союз непримиримых, казалось бы, врагов против еще более опасного врага был обычным делом в истории. 23 августа 1939 года в Москве был подписан т. н. пакт Молотова – Риббентропа между СССР и нацистской Германией. Пять дней спустя на совещании с депутатами рейхстага и гауляйтерами Гитлер заявил:

– Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола.

А 21 июня 1941 года, накануне вторжения немецких войск в СССР, Уинстон Черчилль сказал своему личному секретарю Джону Колвиллу:

– Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в Палате общин.

Правило «Друг моего друга – мой друг» приводит на ум другой принцип, известный каждому со школьной скамьи: «Вассал моего вассала – не мой вассал». Он появился в латинском трактате французского правоведа Жана де Блано «О феодах и повинностях» (1256): «...Спрашивается: будет ли человек (вассал) моего человека моим человеком? И следует ответить, что нет».

С этим принципом перекликается положение римского права, сформулированное знаменитым юристом Ульпианом: «Компаньон моего компаньона – не мой компаньон» («Дигесты Юстиниана», 50.17.47.1).

Враг рода человеческого

В Евангелии от Матфея, гл. 25, Иисус рассказывает притчу:

...Когда же люди спали, пришел враг его [домовладыки] и посеял между пшеницею плевелы и ушел;
когда возшла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы.
Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нем плевелы?
Он же сказал им: враг человека сделал это.

И далее: «...Враг, посеявший их [плевелы], есть диавол».

Своим более полным титулом – «Враг рода человеческого» – дьявол назван не в Новом Завете, а в латинском церковном гимне «O rex aeternae, Domine» («Господи, царь вечный»). Авторство гимна приписывается Амвросию Медиоланскому (340–397), епископу Милана и одному из Отцов Церкви. Об Адаме здесь сказано, что его «соблазнил дьявол, враг человеческого рода (*hostis humani generis*)».

Эта латинская формула заимствована у Плиния Старшего («Естественная история», VII, 8, 6). Согласно Плинию, «врагом рода человеческого» (*hostis generis humani*) назвала Нерона его мать Юлия Агриппина, впоследствии убитая по приказанию сына.

Применить это определение к дьяволу было тем легче, что сам Нерон нередко отождествлялся с Антихристом. В Апокалипсисе, 13:18, говорилось:

Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть.

Традиционно «число зверя» расшифровывалось как «Кесарь (Император) Нерон».

В конце XVIII века «враг рода человеческого» попал из церковного языка в политический. 7 августа 1793 года французское Национальное собрание от имени французского народа провозгласило «врагом рода человеческого» (*l'ennemi du genre humain*) британского премьер-министра Уильяма Питта-младшего. В это время Англия вела войну с революционной Францией в составе второй монархической коалиции.

В антиякобинской публицистике «врагами рода человеческого» именовали Марата и Робеспьера, а с начала наполеоновских войн это звание перешло к Наполеону.

После битвы при Ватерлоо Джон Хобхаус, британский либеральный политик и друг Байрона, издал книгу в защиту свергнутого императора: «Письма, написанные англичанином во время последнего царствования Наполеона» (Лондон, 1815). Здесь говорилось:

«...Исчерпав наиболее мерзкие прозвища, мы наконец решили дать ему наименование ВРАГА РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО – титул, принадлежащий лишь демону...»

В России Наполеон был объявлен демоном и даже Антихристом почти что официально. 6 декабря 1806 года, в начале очередной военной кампании против Наполеона, было обнародовано объявление Святейшего Синода для чтения в храмах. Здесь, среди прочего, утверждалось, что узурпатор французской короны «помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на ниспровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона».

В июне 1807 года был заключен Тильзитский мир, и Наполеон из Антихриста превратился в союзника и друга русского государя. Подписанию мира предшествовала встреча двух императоров на плоту посреди реки Неман. В «Старой записной книжке» князя Петра Вяземского приведен исторический анекдот:

«Когда узнали в России о свидании императоров, зашла о том речь у двух мужичков. “Как же это, – говорит один, – наш батюшка православный царь мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристом? Ведь это страшный грех!” “Да как же ты, братец, – отвечает другой, – не разумеешь и не смекаешь дела? Наш батюшка именно с тем и велел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уж допустить его пред свои светлые царские очи”».

В июне 1812 года Великая Армия перешла Неман, и Наполеон снова превратился в Антихриста. Дерптский профессор Вильгельм Гецель прислал Барклаю-де-Толли свои исчисления, из коих с очевидностью следовало, что в имени «L’empereur Napoleon» содержится число 666, то есть «число зверя».

20 сентября, когда французы были уже в Москве, московский генерал-губернатор Федор Ростопчин обнародовал послание к подмосковным крестьянам, где Наполеон именовался «врагом рода человеческого, наказанием Божиим за грехи наши, дьявольским наваждением».

Иронически это наименование обыгрывает дипломат Билибин во II томе «Войны и мира», рассказывая о событиях октября 1806 года (цитирую авторский перевод с французского):

«Враг рода человеческого, вам известный, атакует пруссаков. Пруссак – наши верные союзники, которые нас обманули только три раза в три года. Мы заступаемся за них. Но оказывается, что враг рода человеческого не обращает никакого внимания на наши прелестные [т. е. прельстительные] речи, и с своей неучливой и дикой манерой бросается на пруссаков, не давая им времени кончить их начатый парад, вдребезги разбивает их и поселяется в потсдамском дворце».

Один из анахронизмов «Войны и мира» связан с другим прозвищем Наполеона – «корсиканское чудовище». Летом 1805 года Жюли Карагина в письме к княжне Марии Болконской называет Наполеона «le monstre corsicain». Однако впервые «корсиканским чудовищем», пожирающим по 200 тысяч человек зараз, Наполеон был назван в анонимной эпиграмме, опубликованной в 1810 году в эмигрантском французском журнале «L’Ambigu» (Лондон). Широкую известность это прозвище получило и того позже, в 1814 году, – как подпись к антинаполеоновской карикатуре, напечатанной в Англии. Вдобавок здесь использовалось выражение «l’ogre corse», а не «le monstre corsicain».

Время – деньги

21 июля 1748 года в издававшейся Бенджамином Франклином «Пенсильванской газете» (Филадельфия) появилось извещение о выходе из печати новой книги: «Американский наставник, или Лучший спутник молодого человека». Это была переработка книги англичанина Джорджа Фишера «Наставник» – универсального пособия по грамматике, письмоводству, арифметике, бухгалтерскому учету, географии и всему остальному, что должен знать юноша, вступающий в деловую жизнь.

Три последние страницы книги занимали «Советы молодому купцу, написанные старым купцом». Этим «старым купцом» был Франклин. Здесь говорилось:

Помни, что ВРЕМЯ – деньги. Если ты можешь заработать десять шиллингов в день (...) и (...) сидишь полдня без дела (...), ты теряешь пять шиллингов. (...)

Помни, что деньги обладают способностью размножаться. Деньги могут производить деньги, и эти новые деньги могут тоже рождать деньги и т. д. Пять шиллингов превращаются в шесть, которые затем превращаются в семь шиллингов и три пенса и т. д., до тех пор, пока не превратятся в сто фунтов.

В последующие столетия «Советы молодому купцу» перепечатывались едва ли не тысячи раз, поэтому формула «Время – деньги» неразрывно связана с именем Франклина. Однако появилась она раньше.

Номер лондонской газеты «Свободомыслящий» («The Free-Thinker») от 18 мая 1719 года целиком состоял из неподписанного эссе о суточном времени. В древности, говорилось здесь, сутки делились лишь на часы, потом появилось деление на минуты, а теперь даже и на секунды:

И тот, кто расточает свои часы, является, по сути, расточителем денег. Я (...) слышал об одной почтенной женщине, которая как нельзя лучше понимала всю ценность времени. Ее муж был обувщик и превосходный ремесленник, но никогда не задумывался о том, как быстро летят минуты. Напрасно жена внушала ему, что время – это деньги (Time is Money); он был чересчур умен для того, чтобы прислушаться к ней, и каждый вечер проклинал бой приходских часов. В конце концов это привело его к разорению.

О важности времени говорили уже древние греки. У Диогена Лаэртского приведено изречение Феофраста, ученика Аристотеля: «Самая дорогая трата – это время». Плутарх в биографии Марка Антония замечает: «В Александрии он вел жизнь мальчишки-бездельника и проматывал самое драгоценное, как говорит Антифонт, достояние – время» (перевод С. Маркиша).

Но отсюда как раз и видно, что древние греки и Франклин говорили о разном. Плутарх отнюдь не имел в виду, что Антоний тратит время на удовольствия, когда мог бы потратить его на увеличение своего капитала. Франклин же говорит именно об эквивалентности времени и денег: потерянное время – это потерянный капитал. «Франклин, – замечает польская исследовательница Мария Оссовская, – призывает не к скопидомству рантье, но к ускоренному обороту капитала – призыв, столь важный для юного капитализма» («Буржуазная мораль», 1956).

Существует немало переделок формулы «Время – деньги»; вот некоторые из них:

Время – потеря денег. (Оскар Уайльд, «Фразы и поучения на пользу юношеству», 1894.)

Время и деньги большей частью взаимозаменяемы. (Уинстон Черчилль, выступление в парламентском комитете 19 июля 1926 г. при обсуждении проблемы внешних долгов.)

Время – наше сокровище; это деньги, за которые мы должны купить вечность. (Испанский богослов Хосемария де Балагер (1902–1975), сборник афоризмов «Борозда».)

Все выше, выше и выше

Это было в 1920 году. Красная Армия вступила в Киев, и Политуправление армии поручило двум активистам эвакуационного пункта сочинить авиамарш. Их повезли на аэродром, где стояли два странных сооружения из дерева, полотна и металла. Именно эту военную авиацию поручалось воспеть 25-летнему музыканту Юлию Хайту и 26-летнему поэту-песеннику Павлу Герману. Так, по словам Хайты, появилась песня «Все выше, выше и выше».

Рассказ Хайты появился в печати уже после смерти композитора, в книге Евгения Долматовского «50 твоих песен» (1967). Долматовский принял его на веру, а зря. Приглядимся внимательнее к тексту «Авиамарша».

Нам разум дал стальные руки-крылья.

Но в Гражданскую войну, как и в Первую мировую, вся авиация была деревянная. Лишь в 1922 году появился особый сплав на основе алюминия, а с ним и металлические крылья.

И в каждом пропеллере дышит
спокойствие наших границ.

Летом 1920-го на Западе Советской России не было не только спокойствия, но и самих границ, а большевики жили ожиданием революции в Европе, которая навсегда покончит с границами.

Наш острый взгляд пронзает каждый атом.

«...Атом был как бы предсказан Германом», – замечает Долматовский, хотя об атомах говорилось в учебниках физики задолго до «Авиамарша», а Герберт Уэллс в романе «Освобожденный мир» (1914) писал об атомных бомбах.

И верьте нам: на всякий ультиматум
воздушный флот сумеет дать ответ.

Тут (как будет видно из дальнейшего) речь идет об ответе на «ультиматум лорда Керзона», т. е. на британские ноты советскому правительству от 8 и 29 мая 1923 года. Именно тогда появился лозунг «Наш ответ Керзону».

1-е издание «Авиамарша» появилось в Киеве между 8 марта и 15 мая 1923 года. Это установил авторитетный исследователь истории песен Валентин Антонов в серии статей, опубликованных в сетевом журнале «Солнечный ветер» за 2009 год. Учитывая же упоминание о вражеском ультиматуме, Антонов датирует 1-е издание периодом между 8 и 15 мая. Мелодия и первые две строфы песни, вероятно, были готовы еще до 8 мая, а 3-я строфа – с упоминанием ультиматума – дописана или изменена Павлом Германом в последний момент.

Версия о том, что музыка «Авиамарша» заимствована, высказывалась не раз. Надежного подтверждения она не получила. Однако в 1930 году ленинградский журнал «Рабочий и театр» с неодобрением писал о «всевозможных Хайтах, переделывающих старые напевы шансонеток на “революционные” песни и романсы» (№ 21, статья «Выкорчевывать пошлятину!»).

Замечание весьма любопытное. Переделка эстрадных напевов в революционные началась еще до 1917-го; так, по наблюдению историка русской эстрады Е. Уваровой, мелодия песни «Мы кузнецы, и дух наш молод» (1906) восходит к модной в те годы песенке «Я – шансонетка».

Вскоре после создания «Авиамарша» текст Германа был переведен на немецкий, став «Песней красного воздушного флота» («Lied der roten Luftflotte»). В свою очередь, эта песня около 1926 года была переделана в марш нацистских штурмовиков «Herbei zum Kampf, Ihr Knechte der Maschinen...» – «Идите на борьбу, рабы машин...» В обоих маршах повторялась строка:

Und höher und höher und höher.
(Все выше, выше и выше.)

Гораздо подробнее о «немецкой» главе истории «Авиамарша» рассказано в серии статей Валентина Антонова «Два марша» в журнале «Солнечный ветер» за 2006–2008 гг.

Все говорят о погоде, но никто ничего с ней не делает

30 июня 2008 года лидер Справедливой России Сергей Миронов выступил на Конгрессе Социнтерна в Афинах. Темой дискуссии было глобальное потепление и как с ним бороться.

– Сегодня это – одна из наиболее актуальных глобальных проблем, – заявил Миронов. – Но ограничиваться только ее обсуждением уже недостаточно. Как метко заметил Марк Твен: «Все говорят о погоде, но никто ничего не делает для нее». Мы обязаны вплотную заняться этой серьезной проблемой и перейти от слов к делу.

По-английски это изречение выглядит так:

Everybody talks about the weather, but nobody does anything about it.

(Все говорят о погоде, но никто ничего с ней не делает.)

На русский оно переводилось по-разному, в том числе: «Все ругают погоду, но никто с ней не борется».

Со ссылкой на Марка Твена эта сентенция цитировалась уже при его жизни, в 1905 году. В книге «Вспоминая вчерашние дни» (1923) эту версию подтвердил журналист и дипломат Роберт Ундервуд Джонсон, лично знавший Твена.

Однако в первых упоминаниях об этой фразе ее автором именовался Чарлз Дадли Уорнер (1829–1900), сосед и друг Твена, написавший вместе с ним роман «Позолоченный век».

18 ноября 1884 года на заседании Торговой палаты штата Нью-Йорк сенатор Джозеф Росуэлл Холи процитировал слова своего «старого друга и партнера Дадли Уорнера» о погоде в Новой Англии: «Это предмет, о котором много чего говорится, но очень мало что делается (...a matter about which a great deal is said, but very little done)». Холи был издателем газеты «Hartford Courant», которую редактировал Уорнер.

В том же виде фраза приведена в мартовском номере журнала «The Book Buyer» за 1889 год в статье, посвященной творчеству Уорнера.

27 августа 1897 года в «Hartford Courant» появилась редакционная статья под заглавием «Эта погода». Здесь цитировались слова «одного известного американского писателя»: «Все говорят о погоде, но, кажется, никто ничего с ней не делает». Напрашивалось предположение, что речь идет о Марке Твене, иначе пришлось бы допустить, что редактор газеты Уорнер говорит о себе в третьем лице как об «известном американском писателе».

Наконец, в журнале «Harper's Magazine» за январь 1901 года пастор Джозеф Твичел, близкий друг Твена и Уорнера, в качестве примера юмористического стиля Уорнера привел его слова по поводу жалоб на плохую погоду: «Если речь о погоде, то я всегда замечал, что нет ничего, о чем так много бы говорилось и так мало бы делалось».

В настоящее время авторство Уорнера считается установленным. Однако, как мы видели выше, фраза о погоде существует в двух вариантах: раннем и окончательном. Ранний практически наверняка принадлежит Уорнеру. Но нельзя исключить, что окончательный вариант, процитированный самим Уорнером, появился при участии Твена, с которым редактор «Hartford Courant» постоянно общался.

Из биографии Твена, написанной А. Пейном, мы знаем, как бы он управлял погодой, если бы мог:

«Дождь одинаково посылается на праведных и неправедных; этого не случилось бы, если бы небесной канцелярией управлял я. Нет, праведных я бы кропил лишь слегка, зато попадись мне на улице субъект очевидно неправедный, я бы его утопил».

Немецкий сатирик Хайнц Калов (1924–2015) скрестил изречение Уорнера с изречением Маркса:

Метеорологи лишь различным образом объясняли погоду, но дело заключается в том, чтобы ее изменить.

Именно к этому и призывал Миронов собратьев по Социалистическому интернационалу.

Все мы вышли из гоголевской шинели

Эта фраза появилась в серии статей французского критика Эжена Вогюэ «Современные русские писатели», опубликованных в парижском «Двухмесячном обозрении» («Revue des Deux Mondes») в 1885 году, а затем вошедших в книгу Вогюэ «Русский роман» (1886). В 1877–1882 гг. де Вогюэ жил в Петербурге в качестве секретаря французского посольства и был близко знаком со многими русскими литераторами.

Уже в начале первой из журнальных статей («Ф. М. Достоевский») Вогюэ замечает – пока еще от себя: «...между 1840 и 1850 годами все трое [т. е. Тургенев, Толстой и Достоевский] вышли из Гоголя, творца реализма». В той же статье появилась формула:

Все мы вышли из “Шинели” Гоголя» [Nous sommes tous sortis du Manteau de Gogol], – справедливо говорят русские писатели.

Наконец, в статье о Гоголе, опубликованной в ноябрьском номере «Двухмесячного обозрения», сказано:

Чем больше я читаю русских, тем лучше я вижу истинность слов, которые мне говорил один из них, *тесно связанный с литературной историей последних сорока лет*: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» (курсив мой. – К.Д.).

В первом русском переводе книги Вогюэ (1887) эта фраза передана путем косвенной речи: «Русские писатели справедливо говорят, что все они “вышли из “Шинели” Гоголя”». Но уже в 1891 году в биографии Достоевского, написанной Е. А. Соловьевым для серии Павленкова, появляется канонический текст: «Все мы вышли из гоголевской Шинели», – причем здесь фраза безоговорочно приписана Достоевскому.

С. Рейсер считал, что это «суммарная формула», созданная самим Вогюэ в результате бесед с разными русскими писателями («Вопросы литературы», 1968, № 2). С. Бочаров и Ю. Манн склонялись к мнению об авторстве Достоевского, между прочим, указывая на то, что Достоевский вступил в литературу ровно за 40 лет до публикации книги Вогюэ «Русский роман» («Вопросы литературы», 1988, № 6).

Однако в достоверных высказываниях Достоевского нет ничего похожего на эту мысль. А в своей Пушкинской речи (1880) он, по сути, выводит современную ему русскую литературу из Пушкина.

Русский эмигрантский критик Владимир Вейдле предполагал, что фразу о шинели произнес Дмитрий Григорович, «один из русских осведомителей Вогюэ» («Наследие России», 1968). Григорович вступил в литературу одновременно с Достоевским, за 40 лет до публикации статей де Вогюэ, и тоже под сильнейшим влиянием Гоголя.

Кто бы ни был «русским осведомителем Вогюэ», слово «мы» в этой фразе могло относиться только к представителям «натуральной школы» 1840-х годов, к которой Толстой – один из главных героев «Русского романа» – не принадлежал.

Писавшие об авторстве изречения не задумывались о его форме. Между тем до перевода книги Вогюэ оборот «Мы вышли из...» не встречался по-русски в значении: «Мы вышли из школы (или: принадлежим к школе, направлению) такого-то».

Зато именно этот оборот мы находим в классическом произведении французской литературы, причем в форме, весьма близкой к формуле Вогюэ. В романе Флобера «Госпожа Бовари» (1856) читаем:

Он [Ларивьер] принадлежал к великой хирургической школе, вышедшей из фартука Биша (sortie du tablier de Bichat).

Имелся в виду хирургический фартук знаменитого анатома и хирурга Мари Франсуа Биша (1771–1802). Вслед за Флобером это определение неизменно цитируется во Франции, когда речь идет о французской хирургической школе, а нередко и о французской медицине вообще.

Переводчикам «Госпожи Бовари» оборот «*sortie du tablier de Bichat*» представлялся настолько необычным, что «фартук» они просто выбрасывали. В первом (анонимном) русском переводе (1858): «Ларивьер принадлежал к великой хирургической школе Биша». В переводе А. Чеботаревской под редакцией Вяч. Иванова (1911): «Ларивьер был одним из светил славной хирургической школы Биша». В «каноническом» советском переводе Н. М. Любимова (1956): «Ларивьер принадлежал к хирургической школе великого Биша». Точно так же поступали с «фартуком Биша» английские и немецкие переводчики.

Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что формула «выйти из (некоего предмета одежды)» в значении «принадлежать к школе такого-то» была создана Флобером и два десятилетия спустя использована де Воюэ применительно к Гоголю. Вполне возможно, что кто-то из русских писателей говорил ему нечто подобное, однако словесное оформление этой мысли родилось на французском языке.

В 1970-е годы в эмиграционной публицистике появился оборот «выйти из сталинской шинели». С конца 1980-х он стал осваиваться российской печатью. Вот два характерных примера:

«Как говорится, все мы вышли из сталинской шинели. Более того, многие из нас продолжают смотреть на жизнь из-под ленинской кепки» (В. Немировский, «Красные, зеленые, белые...», в журн. «Человек», 1992, № 3).

«...В 80-е годы, по Костикову и прочим подмастерьям перестройки, (...) общество выходило из сталинской шинели и элегантно запахивалось в горбачевский костюм» (Валерия Новодворская, «Мыслящий тростник Вячеслав Костиков», в журн. «Столица», 1995, № 6).

Впрочем, «шинель», «пальто» и т. д. в этой формуле давно уже не обязательны – выйти можно из чего угодно, хотя бы из квадрата:

«Все мы вышли из квадрата Малевича» (интервью художника Георгия Хабарова в газ. «Совершенно секретно», 7 октября 2003).

Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем

Подпольный миллионер Корейко, подвергнутый психической атаке со стороны О. Бендера, постепенно приходит в себя:

Он начал уже привыкать к мысли, что все случившееся несколько его не касается, когда пришла толстая заказная бандероль. В ней содержалась книга под названием «Капиталистические акулы» с подзаголовком: «Биография американских миллионеров».

(...) Первая фраза была очеркнута синим карандашом и гласила:

«Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем».

(Ильф и Петров, «Золотой теленок» (1931), гл. 10)

В самом ли деле существовала такая книга? Да, только называлась немного иначе: «История американских миллиардеров». Ее первый том вышел в 1924 году в Москве, второй – в 1927-м в Ленинграде. Эта книга, написанная американским социалистом Густавом Майерсом, вышла в Бостоне в 1908 году под названием «История крупнейших американских состояний»; на русский ее перевели с немецкого издания. (Кстати сказать, даже в 1920-е годы состояния самых богатых американцев не достигали миллиарда долларов.)

Исследование Майерса, в сущности, целиком посвящено доказательству тезиса, сформулированного еще в 406 году Иеронимом Стридонским, одним из Отцов Церкви: «Всякий богач либо мошенник, либо наследник мошенника» («Письма», 120).

Однако на первой странице «Истории американских миллиардеров» не было фразы, которую Бендер обвел синим карандашом – ни в первом томе, ни во втором. Лишь в заключении (т. 2) говорилось, что главное содержание книги «неизбежно свелось к изображению тех обманов и грабежей, с помощью которых приобреталась собственность и накапливались крупные состояния».

Зато – странное дело! – весьма похожая фраза имела в авторском предисловии к изданию 1908 года, с которым авторы «Золотого теленка» едва ли были знакомы: «...некоторые из наших обладателей крупных состояний приобрели свое имущество бесчестными средствами (by dishonest methods)».

Еще ближе к фразе из «Золотого теленка» другое высказывание Майерса, опубликованное в том же 1908 году:

Когда в ушах Рокфеллера звучат крики и насмешки по поводу «грязных денег», он может утешать себя тем (...), что:

Каждое крупное состояние есть, в большей или меньшей степени, результат насилия и мошенничества.

(«Наши крупные американские состояния», в журн. «Marsh's Magazine» (Бостон), ноябрь 1908)

Эту статью Ильф и Петров тем более знать не могли. Зато им наверняка был хорошо известен роман Бальзака «Отец Горио» (1834), где беглый каторжник Вотрен поучает молодого Эжена Растиньяка:

– ...Тайна крупных состояний, возникших неизвестно как, сокрыта в преступлении, но оно забыто, потому что чисто сделано. (Перевод Е. Корша.)

Генрих Гейне в 1843 году писал: «Насчет основателей нынешних наших финансовых династий мы можем (...) сказать, что первый банкир был счастливый мошенник» («Добавление к “Лютеции”»; перевод А. Федорова).

В 1925 году о фразе Вотрена вспомнил британский политик-лейборист Джеймс Йоксалл: «Кто-то сказал – кажется, это был Бальзак, – что всякое крупное состояние выросло из преступления, что, позволим себе надеяться, неверно» (сборник эссе «Live and Learn» – «Век живи – век учись»).

В 1956 году вышла монография американского социолога Райта Миллса «Элиты власти». Сентенция: «За всяким большим состоянием кроется преступление», – приведена здесь как слова Бальзака.

Именно эти слова стали эпиграфом к знаменитому роману Марио Пьюзо «Крестный отец» (1969), с подписью: «О. Бальзак».

Все позволено

Если попросить назвать самую известную цитату из Достоевского, то первой, вероятно, будет «Красота спасет мир» (хотя мало кто может ясно сказать, что это, собственно, означает), а второй – «Если Бога нет, то все позволено».

Правда, у Достоевского этого изречения нет. Это «сводная» цитата, возникшая из двух фрагментов романа «Братья Карамазовы» (1879–1880). Первый – мысль Ивана Карамазова в пересказе одного из персонажей романа, Ракитина:

– Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено.

Второй – слова Дмитрия Карамазова:

– Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без Бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь все позволено, все можно делать?

И далее:

– У Ивана Бога нет. (...) Я ему говорю: стало быть, все позволено, коли так?

А Смердяков говорит Ивану:

– ...Все потому, что «все позволено». Это вы вправду меня учили-с, ибо много вы мне тогда этого говорили: ибо коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе.

Как видим, вопрос о бессмертии души и будущей жизни и для Ивана, и для Дмитрия Карамазова едва ли не главный, а Бог выступает в качестве гаранта этого бессмертия.

Мысль: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели» – проведена через весь огромный роман, а потому обычно связывается с именем Достоевского. Однако сама по себе она Достоевскому не принадлежит и, можно сказать, стара почти так же, как христианство.

Почти то же самое – и почти теми же словами – говорил уже латинский богослов III–IV вв. Лактанций в трактате «Божественные установления»:

Как скоро люди уверятся, что Бог мало о них печется и что по смерти они обратятся в ничто, то они предаются совершенно необузданности своих страстей, (...) думая, что им все позволено.

Трактат Лактанция вышел в России в 1848 году под заглавием «Божественные наставления» в переводе Е. Карнеева; выше цитировался этот перевод. Был ли этот перевод известен Достоевскому, трудно сказать. Но изданные в 1670 году «Мысли» Блеза Паскаля, конечно, были ему известны, а там утверждалось: «Человеческая нравственность целиком зависит от решения вопроса, бессмертна душа или нет».

Для Достоевского (а не только для его героев) формула «Все позволено» связана не просто с неверием в Бога, но прежде всего с неверием в бессмертие души и загробное воздаяние; тут он солидарен с Лактанцием и Паскалем. Однако современник Паскаля, великий еретик Бенедикт Спиноза, решительно отрицал эту связь:

Мы с полным правом можем считать большой нелепостью то, что говорят многие богословы, которых считают великими, а именно: если бы из любви к Богу не вытекала вечная жизнь, то каждый стал бы искать своего собственного счастья – как будто можно найти нечто лучше Бога.

Эти слова взяты из «Краткого трактата о Боге, человеке и его счастье», написанного в 1660 году и опубликованного полностью лишь два века спустя.

В сущности, того же мнения держались римские стоики (как, впрочем, и эпикурейцы) и множество позднейших моралистов. Загробное воздаяние не было для них аргументом в вопросах морали. Все они могли бы подписаться под словами Сенеки: «Первое и наибольшее

наказание за грех – в самом грехе»; «Что я хочу извлечь из добродетели? Ее саму. (...) Она сама себе награда» («Письма к Луцилию», 97, 14, перевод С. Ошерова; «О блаженной жизни», 9, 4, перевод Т. Бородай).

Молодой Оскар Уайльд писал в своих «Оксфордских тетрадах»: «Ничто так не изобличает все благородство человеческой натуры, как явное безразличие человека к любой системе наказаний и поощрений, будь то на земле или на небе».

Не позднее 1940-х годов появилось изречение «Если Бог есть, все позволено», «опрокидывающее» формулу Ивана Карамазова.

Почти одновременно с «Братьями Карамазовыми» вышла знаменитая книга Ницше «Так говорил Заратустра» (1883) с ее «переоценкой всех ценностей». Здесь тень Заратустры восклицает:

– «Нет истины, все позволено» – так убеждала я себя.

По-видимому, это изречение ввел в оборот прусский генерал и политик-консерватор Йозеф фон Радовиц в IV издании своих «Злободневных бесед о государстве и церкви» (1851), гл. 6. Он привел его как девиз Хасана ибн Саббаха (1051–1124), персидского исмаилита, основателя и главы (шейха) секты хашашинов (асассинов). Эта секта прославилась политическими убийствами; однако девиз, означавший отрицание Корана как вместилища божественной истины, был совершенно невозможен в устах мусульманского вероучителя. Уж скорее он мог бы сказать: «Все позволено тому, кто обладает абсолютной истиной».

В XX веке формула «Все позволено» шагнула из философии и литературы в политику. 8 августа 1918 года в Киеве вышел первый номер газеты «Красный Меч» – орган Политотдела Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии. Здесь заявлялось:

У нас новая мораль, наша гуманность абсолютна, ибо в основе ее славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. Нам все позволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства.

Персонажи «Бесов» Достоевского считают, что им все позволено, потому что нет ни Бога, ни загробного воздаяния. Нынешние приверженцы «славных идеалов разрушения», именующие себя «Исламским государством», верят в загробное воздаяние и считают, что им все позволено, поскольку они – орудие Бога.

Куда ни кинь – всюду клин.

Все ушли на фронт

Осенью 1919 года Вооруженные Силы Юга России (в просторечии деникинцы) наголову разбили войска Южного фронта красных. 20 сентября белые взяли Курск, 6 октября – Воронеж, 13 октября – Орел и угрожали Туле. Большевики всерьез готовились к уходу в подполье. Был создан подпольный Московский комитет партии, а правительственные учреждения начали эвакуацию в Вологду.

Тогда-то, согласно советским школьным учебникам, на дверях комитетов комсомола появились надписи: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Однако – вот незадача – никаких документальных подтверждений этому нет. Не предъявлен ни один документ эпохи Гражданской войны, где встречалась бы фраза «Все ушли на фронт». В обиход ее ввели, по-видимому, лишь советские историки 1930-х годов. В книге С. Е. Рабиновича «История гражданской войны (краткий очерк)» (1933) надпись приведена в форме: «Комитет закрыт. Все ушли на фронт». Тогда же она появилась в романах и пьесах, нередко – в подправленном виде: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Административное деление на районы было введено лишь в середине 1920-х годов, а сочетание «райком комсомола» стало обычным еще позже. До этого районы существовали лишь в крупных городах, и комитеты комсомола были в основном уездными (укомы). Среди вариантов легендарной надписи встречаются и такие: «Укомол закрыт, все ушли на фронт»; «Уком закрыт, все ушли на фронт»; «Ревком закрыт. Все ушли на фронт». Все они также появились десятилетия спустя после 1919 года.

Но, возразят мне, каждый советский школьник помнит фотографию деревянного дома с надписью на заколоченной крест-накрест двери: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Да, разумеется. Только фотография эта – не документ эпохи Гражданской войны. Это «постановочный» кадр из историко-документального фильма «Повесть о завоеванном счастье», снятого в 1938 году по случаю двадцатилетия комсомола. Об этом сообщает известный киновед Виктор Семенович Листов, лично знавший одного из авторов фильма – Ирину Венжер.

В сборнике «Воспоминания о Ф. Гладкове» (1978) приведены слова писателя Федора Гладкова, будто бы сказанные им в беседе с Бертой Брайниной, специалистом по соцреализму и биографом Гладкова:

«Райком закрыт; все ушли на фронт» – сию надпись на дверях райкома видел не только я, но и все, кто жил тогда. До сих пор помню ощущение самозабвенной, головокружительной отваги, которую излучали эти слова, наспех начертанные молодым размашистым почерком. Сейчас, спустя сорок лет, графически, во всех деталях вижу эту надпись: обрывок голубовато-зеленой оберточной бумаги, водянисто-сиреневый цвет чернил, с нажимом, крупнее других выписанные слова – «все» и «фронт».

Казалось бы, перед нами авторитетное свидетельство участника Гражданской войны. Однако на самом деле Брайнина (едва ли сам Гладков, умерший в 1958 году) говорит все о том же кадре из «Повести о завоеванном счастье»: надпись сделана здесь на обрывке бумаги, а слова «все» и «фронт» написаны крупнее других.

Без этого кадра не было бы и песни Высоцкого «Все ушли на фронт» (1964):

Нынче все срока закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —

Надпись: «Все ушли на фронт».
За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности,
Значит, всем идти на фронт.

У Высоцкого фраза переосмыслена: война не Гражданская, а Великая Отечественная, и на фронт идут не комсомольцы, а зэки:

Ну а мы – всё оправдали мы,
Наградили нас потом:
Кто живые, тех – медалями,
А кто мертвые – крестом.

Все хорошо, прекрасная маркиза!

В 1937 году теа-джаз Леонида Утесова выступил с новой концертной программой «Песни моей Родины». В первом отделении исполнялись песни военно-революционные («Полюшко-поле», «Тачанка», «Партизан Железняк»), во втором – лирические и шуточные; среди них – фокстрот «Все хорошо, прекрасная маркиза!», который Утесов пел дуэтом со своей дочерью Эдит. На вышедшей вскоре патефонной пластинке значилось: «обработ. Н. Минха, сл. А. Безыменского». А в нотных изданиях писали: «Французская народная песня».

На самом деле комсомольский поэт Безыменский перевел новейший шлягер, записанный в 1935 году парижским джаз-оркестром «Рей Вентура и его парни». Слова и музыку сочинил для Вентуры Поль Мисраки, уроженец Константинополя, потомок евреев-сефардов. Всего через год на экраны вышла музыкальная комедия «Все хорошо, прекрасная маркиза!».

Однако на французских пластинках указан не один, а три автора слов песни. Дело в том, что ее название, сюжет, а также рефрен: «А в остальном, госпожа маркиза, все хорошо, все хорошо» – Мисраки заимствовал из скетча французских комиков Шарля Паскье и Анри Аллюма, сочиненного в 1931 году. Именно этот рефрен стал интернациональной поговоркой.

Позднее тот же сюжет был обнаружен в скетче «Английская комедия» (1893) Габриэля де Лотрека, двоюродного брата художника Тулуз-Лотрека. Только здесь вместо маркизы и ее слуг беседуют английский милорд и его слуга Джон.

Нашлись и другие предшественники, в том числе русские. В 1868 году была опубликована баллада «На борзом коне воевода скакал» Дмитрия Минаева, знаменитого в то время поэта-сатирика:

...«Все в усадьбе исправно, —
Слуга отвечает, — лишь только издох
Любимый ваш сокол недавно».

«Ах, бедный мой сокол! Он дорог был мне...
Какой же с ним грех приключился?»
– «Сидел он на вашем издохшем коне,
Съел падаль и с жизнью простился».

«Как, конь мой буланый? Неужели пал,
Но как же погиб он, мой боже!»
– «Когда под Николу ваш дом запылал,
Сгорел вместе с домом он тоже».

«Что слышу? Скажи мне, мой терем спалён,
Мой терем, где рос я, женился?
Но как то случилось?» – «Да в день похорон
В усадьбе пожар приключился...»

«О, если тебе жизнь моя дорога,
Скажи мне как брату, как другу:
Кого ж хоронили?» – И молвил слуга:
«Покойную вашу супругу».

Минаев, вероятно, переложил на русские нравы балладу «Вестник» (1837) австрийского поэта Анастасиуса Грюна.

Но самое интересное то, что впервые этот сюжет появился в начале XII века.

Примерно в 1115 году в Испании была составлена «Учительная книга клирика» («*Disciplina clericalis*») – сборник занимательных историй на латинском языке. Сюжеты взяты из восточных источников – арабских, персидских, индийских. «Учительная книга» стала известна по всей Европе, ее перевели на французский, испанский, английский, немецкий. Еще в XIX веке ее читали на уроках латыни в немецких гимназиях, ввиду занимательности сюжетов и простоты языка.

В 27-й главе этого сборника выведен черный слуга Маймунд – невероятно ленивый, но вовсе не глупый. Вот одна из историй о нем:

Хозяин возвращался с рынка, весьма довольный хорошей выручкой, и увидел, что навстречу ему идет Маймунд. Опасаясь, что тот, как обычно, хочет сообщить плохие вести, хозяин предупредил:

– Осторожно, Маймунд, не подходи ко мне с плохими вестями!

Слуга ответил:

– Плохих вестей нет, ваша милость, если не считать смерти нашей собаки

Биспеллы.

– Отчего же она умерла?

– Наш мул испугался, сорвался с привязи, побежал и затоптал бедняжку копытами.

– А что случилось с мулом?

– Упал в колодец и сдох.

– Чего же он испугался?

– Ваш сын свалился с балкона и разбился насмерть. Это и напугало мула.

– А моя жена? Что с ней?

– Умерла с горя, потеряв сына.

– Кто же смотрит за домом?

– Никто, ведь теперь это груда пепла – и дом и все, что в нем было.

– Отчего же случился пожар?

– В ту самую ночь, когда ваша супруга скончалась, служанка забыла погасить поминальную свечу, и пожар охватил весь дом.

– Где же служанка?

– Она стала тушить пожар, балка свалилась ей на голову и убила ее.

«Учительную книгу» составил испанский еврей Петр Альфонси (Педро Альфонсо), богослов, астроном, переводчик. До крещения его звали Моисеем Сефарди. Он родился в мусульманской Андалузии, в 1106 году обратился в христианство, был придворным врачом короля Арагона Альфонса I, написал «Диалог против иудеев» (в котором, между прочим, назвал Талмуд «мастерской лжи»), а в конце жизни вместе с тремя соавторами перевел Коран на латынь.

В начале XII века Петр Альфонси был чуть ли не единственным европейцем, не понаслышке знакомым с философией и наукой исламского мира. Истории о черном слуге Маймунде он, скорее всего, узнал от арабов, хотя само это имя еврейского происхождения.

Вселенная и человеческая глупость

«Две вещи не имеют конца – Вселенная и человеческая глупость». Это одна из наиболее известных фраз, связанных с именем Альберта Эйнштейна. Но откуда она известна?

Как сообщает сайт «Quoteinvestigator», ранний ее вариант появился в книге «Эго, голод и агрессия» немецкого психиатра Фредерика Перлза, основателя т. н. «гештальт-терапии». Первое издание вышло в Дурбане (ЮАР) в 1942 году, второе – в Лондоне в 1947 году. Здесь мы читаем:

Один великий астроном сказал: «Насколько мы знаем, бесконечны две вещи – Вселенная и человеческая глупость». Сегодня это утверждение не вполне верно. Эйнштейн доказал, что Вселенная конечна.

В 1969 году, через 14 лет после смерти Эйнштейна, вышла книга Перлза «Гештальт-терапия дословно». Здесь Перлз – как видно, за давностью лет позабыв о своей ссылке на «одного великого астронома», – фразу о Вселенной и глупости вложил в уста самого Эйнштейна:

Как однажды сказал мне Альберт Эйнштейн: «Две вещи не имеют конца: Вселенная и человеческая глупость».

В том же 1969 году вышла еще одна книга Перлза – «Внутри и вне помойного ведра». Автор назвал ее «автобиографическим романом», то есть оговорил за собой право на вымысел. Здесь фраза приведена в более развернутом виде:

Я провел один вечер с Альбертом Эйнштейном: неприхотливость, тепло, несколько ложных политических предсказаний. (...) Я до сих пор люблю цитировать его высказывание: «Две вещи не имеют конца – Вселенная и человеческая глупость, хотя насчет Вселенной я не так уж уверен».

Едва ли в 1969 году Перлз был более точен, чем в 1940-е годы, при жизни Эйнштейна. Фраза о Вселенной и глупости, вероятней всего, либо была услышана Перлзом от кого-то другого, либо сочинена им самим, а четверть века спустя подкреплена авторитетом великого физика.

С конца XX века со ссылкой на Эйнштейна стали цитировать еще одно изречение: «Главное различие между глупостью и гением заключается в том, что гений имеет пределы».

Однако к тому времени эта фраза имела уже более чем вековую историю. Появилась она во Франции. Во 2-м томе «Большого универсального словаря» Лярусса (1867) в словарной статье «Глупость» приведена цитата:

Что меня особенно угнетает, так это то, что человеческий гений имеет пределы, а человеческая глупость – никаких.

Цитата подписана именем Александра Дюма – отца или сына, неясно. В 1895 году в одном из французских журналов она, в чуть иной форме, появилась в подборке мыслей Дюма-сына. Однако в сочинениях обоих Дюма ничего подобного нет.

Новую жизнь это изречение обрело с конца XIX века в американской печати. Сначала оно цитировалось со ссылкой на Дюма-сына. В 1906 году литератор и философ Элберт Хаббард поместил его в своем журнале «The Philistine» («Обыватель»), слегка изменив:

Гений может иметь границы; глупость свободна от подобных ограничений.

Этот афоризм получил широкую известность в англоязычном мире.

Есть у Эйнштейна и вполне достоверные суждения о глупости. В его книге «Мир, каким я его вижу», опубликованной в 1931 году, глупость названа одной из «трех великих сил» современной цивилизации, наряду со страхом и жадностью.

Известно также, что Эйнштейн, друживший с великим немецким математиком Куртом Гёделем, цитировал его «аксиому»: «Все происходящее в мире обусловлено либо случайностью, либо глупостью» (согласно Эверту Штраусу, ассистенту Эйнштейна в 1944–1947 гг.).

Всех не перевешаешь!

Со времени Великой Отечественной выражение «Всех не перевешаешь!» (или: «...не перевешаете!») чаще всего ассоциируется с Зоей Космодемьянской.

Зою нередко именуют партизанкой, хотя она была бойцом регулярной армии, точнее – диверсионно-разведывательной группы. 17 ноября 1941 года вышел приказ Верховного главнокомандования с требованием «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск», чтобы выгнать немцев «на холод в поле». Исполняя этот приказ, 28 ноября группа под командованием Б. Крайнова подожгла три дома в деревне Петрищево Верейского (ныне Рузского) района Московской области. В эту группу входила и Зоя. Вечером ее обнаружил и выдал немцам местный житель.

На допросе Зоя назвалась Таней и не сообщила врагу никаких сведений, несмотря на многочасовые жестокие избиения. На другой день, перед повешением, Зоя произнесла речь, обращенную к жителям деревни и к немецким солдатам.

Первую запись этой речи сделал, после освобождения Петрищева, корреспондент «Правды» Петр Лидин (его записные книжки увидели свет лишь в 1999 году): «Эй, товарищи!.. Что смотрите невесело?.. Бейте фашистов, жгите, травите! За мою смерть отомстят!..»

В знаменитом очерке Лидина «Таня», опубликованном в «Правде» 27 января, появилось много новых деталей, и прежде всего – многократное упоминание имени Сталина. А в последней речи Тани – то есть Зои – появились фразы:

– ...Я не одна, нас двести миллионов, всех не перевешаете. (...) С нами Сталин! Сталин придет!..

4 февраля 1942 года жителей Петрищева опрашивала специальная комиссия. В предсмертной речи Зои, включенной в отчет, упоминаний о Сталине нет, а заканчивается речь словами:

– ...Всех не перевешаете, нас 170 миллионов.

Эта цифра была тогда верной, в отличие от округленных 200 миллионов.

В 1962 году Борис Слуцкий прочел Бенедикту Сарнову только что написанное им стихотворение «Зоя»:

Под виселицу белую поставленная,
в смертельной окончательной тоске,
кого она воспомянула? Сталина.
Что он придет! Что он – невдалеке!

После чего, рассказывает Сарнов, «разразился скандал».

– А вы что же, не верите, что так было? – спросил Слуцкий.

– Да хоть бы и было! Если даже и было, ведь это же ужасно, что чистая, самоотверженная девочка умерла с именем палача и убийцы на устах!

(Б. Сарнов, «Занимательная диалектика» в сборнике «Борис Слуцкий: воспоминания современников», 2005.)

Стихотворение Слуцкий печатать не стал.

Трудно сомневаться в том, что Зоя свято верила в Сталина, но все же перед смертью она, судя по наиболее достоверным свидетельствам, «воспомянула» не его, а 170 миллионов советских людей.

Выражение «Всех не перевешаешь» хорошо известно по крайней мере с начала XIX века. В романе Михаила Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) местная власть приказывает повесить захваченных разбойников.

«Глухой ропот пробежал по всей толпе. (...) ...Местах в трех раздались голоса:
– Как-ста не на виселицу!.. Много будет!.. Всех не перевешаешь!..»

Политическую окраску этот возглас приобрел в годы народовольческого террора, когда впервые после восстания декабристов возобновилась смертная казнь через повешение. 1 марта 1887 года в Петербурге были арестованы революционеры, готовившие покушение на Александра III, в т. ч. Александр Ульянов. Несколько дней спустя начальник Симбирского жандармского управления фон Брадке докладывал в столицу:

«Когда 5-го марта в г. Симбирске была получена телеграмма Северного агентства о задержании в Петербурге, на Невском, трех студентов тамошнего университета, то эта весть быстро распространилась по городу (...). Один из служащих в Симбирском отделении государственного банка, прочтя телеграмму, выразился: “Таких людей следовало бы вешать”. Окружающие ответили ему: “Их много, всех не перевешаешь”».

Позднее этот возглас встречался в литературе о революции 1905–1907 гг. и о Гражданской войне – например, в пьесе Всеволода Иванова «Бронепоезд 14–69» (1927). Можно полагать, что из текстов подобного рода его и узнала Зоя Космодемьянская.

Наконец, в словарь Даля включена поговорка «Наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь». Именно ее имел в виду Лев Толстой в первом варианте «Войны и мира»: «...этих до Москвы не перевешаешь, это всё дураки».

«Дураки» легко заменялись «родней», например: «Ведь у меня, дитятко, родни до Москвы не перевешаешь» (т. е. очень много). (А. П. Крюков, «Рассказ моей бабушки», 1832.)

Как эта поговорка возникла, можно только строить догадки. В России вплоть до первых десятилетий XVIII века основным способом казни было обезглавливание. Повешение также было нередким, но массовая казнь через повешение не практиковалась. А в 1743 году императрица Елизавета Петровна заменила смертную казнь за уголовные преступления каторгой (так что в этом вопросе мы очень долго были впереди планеты всей).

До революции 1905–1907 гг. массовые повешения применялись лишь в 1774–1775 гг., при подавлении восстания Пугачева. В каждом городе и во множестве деревень, принимавших мятежников, стояли виселицы с повешенными. Для пущей остротки виселицы устанавливали на плоты и пускали по рекам (отсылаю читателя к «Пропущенной главе» «Капитанской дочки»).

Уж не тогда ли и возникла поговорка о «наших дураках»?

Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Это изречение, как и множество других, в современной России прежде всего ассоциируется с Остапом Бендером:

«— Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! — сказал он, расталкивая Балаганова» («Золотой теленок», гл. 32).

Нередко фраза цитируется по фильму «Золотой теленок» (1968): «...Нас ждут великие дела».

В усеченном виде этот оборот встречается в главе 18 «Золотого теленка»:

«Ровно в девять часов такой человек входит в учрежденческий вестибюль и, полный благих намерений, заносит ножку на первую ступень лестницы. Его ждут великие дела. Он назначил у себя в кабинете восемь важных randevu, два широких заседания и одно узкое».

Далеко не каждый советский читатель знал происхождение этой фразы. В повести Виктора Конецкого «Начало конца комедии» (1978) читаем:

«На каютной переборке в ногах койки у Сережи — как крест у ожидающего воскресения православного покойника — изображено красным фломастером изречение: “Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! С. Экзюпери”».

Сережа не ошибался только в одном: фраза действительно французская. Считается, что она принадлежит графу Анри де Сен-Симону, знаменитому социалисту-утописту. Сен-симонист Гюстав д'Эйхталь в очерке «О жизни и характере Сен-Симона» (1830) сообщает:

«Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» — такими словами он, в возрасте семнадцати лет, велел будить себя каждое утро.

Позднее нередко утверждалось, что этими словами Сен-Симон велел будить себя не в 17, а уже в 15 лет.

В энциклопедическом издании «Универсальное обозрение» («Revue universelle», 1832, т. 4, статья «Сен-симонизм») об этом рассказано чуть иначе:

Его слуги и домочадцы начали видеть в нем нового Мессию и настояли, чтобы каждое утро он, вставая с постели и беря чашку кофе или шоколада, повторял: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!»

Французский историк Максим Леруа, автор «Истинной жизни графа Анри де Сен-Симона» (1925), считал эту историю легендой. Анатолий Левандовский, автор советской биографии Сен-Симона (1973), с Леруа не согласен: «Вряд ли нужен подобный скепсис». Однако единственное его возражение сводится к тому, что эта фраза «вполне в духе Анри Сен-Симона». Возражение крайне слабое.

Историческая фраза Сен-Симона — была она сказана или нет — восходит к античности. В трактате Плутарха «К непросвещенному властителю» рассказывалось:

У персидского царя был слуга, обязанностью которого было по утрам входить к нему и обращаться с такими словами: «Вставай, царь, и позаботься о делах, о которых велел тебе заботиться великий Оромазд!»
(Перевод А. Аверинцева)

Оромазд — греческая форма имени «Ахурамазда»; так именовали верховного бога зороастрийского пантеона.

Гений – это 1 процент вдохновения и 99 процентов пота

Эта формула приписывается великому американскому изобретателю Томасу Эдисону (1847–1931).

Однако ее ранняя версия, без точного соотношения ингредиентов, связывалась с именем не Эдисона, а Кейт Санборн (1839–1917). Санборн объездила всю Америку, читая лекции на различные, прежде всего литературные темы. 4 декабря 1892 года газета «Springfield Republican» (штат Массачусетс) писала:

Считается, что именно Кейт Санборн сказала, что «талант – это пот». Эта мысль высказывалась очень часто, и почти в тех же самых словах. Обычно говорят, что «гений это скорее пот, чем вдохновение» (*букв.* «... скорее потение, чем вдохновение» – «perspiration more than inspiration»).

21 апреля 1893 года калифорнийская «Riverside Daily Press» цитировала слова Санборн: «Гений – это вдохновение, талант и пот».

Формула с процентами появилась в апрельском номере журнала «The Ladies' Home Journal» за 1898 год:

Однажды, когда его попросили дать определение гения, мистер Эдисон ответил: «Два процента гения и девяносто восемь процентов тяжелого труда». В другой раз, в ответ на замечание, что гений – это вдохновение, он сказал: «Ба! гений – не вдохновение. Гений – это пот».

Насколько это сообщение достоверно, судить трудно; однакостораживает, что появилось оно в журнале для домохозяек.

В самом начале XX века приписанная Эдисону формула гения была исправлена: теперь соотношение вдохновения и пота составляло 1 к 99.

В 1910 году, еще при жизни Эдисона, вышла его двухтомная биография написанная Ф. Л. Дайером и Т. К. Мартином. Здесь говорилось:

Объяснение своих великих успехов «гением» Эдисон всегда отвергал, что видно из его исторического замечания, что «Гений – это 1 процент вдохновения и 99 процентов пота». Кроме того, много лет назад, когда Эдисон в своей лаборатории беседовал с [Ч. У.] Батчелором и Э. Х. Джонсоном, этот последний упомянул о гении Эдисона, заметном в некоторых его достижениях; Эдисон возразил: «Вздор! Я говорю вам, что гений – это тяжелый труд, настойчивость и здравый смысл».

Всего вероятнее, «историческое замечание» было лишь приписано Эдисону журналистами, а биографы узаконили его задним числом. Гораздо достовернее выглядит формула «тяжелый труд, настойчивость и здравый смысл». Именно таков был метод работы Эдисона.

Никола Тесла, другой великий изобретатель, начинавший как ассистент Эдисона, заметил не без иронии: «Чуть-чуть теории и расчетов сэкономило бы ему 90 процентов труда» (интервью в «Нью-Йорк таймс», 1931).

Во Франции определение гения дал естествоиспытатель Жорж Луи Бюффон: «Гений всего только большая способность к терпению» (согласно очерку Эро де Сешеля «Визит к Бюффону», 1785). В переводе Н. М. Карамзина (1798): «Гений, или творческая сила, есть не что иное, как терпение в превосходной степени. В самом деле, надобно иметь терпение, чтобы долго смотреть на предмет со всех сторон; смотрев долго, наконец понимаем его».

Обычно это изречение цитируется в форме «Гений – это долгое терпение» («Le génie est une long patience»).

Обратную формулу предложил Поль Валери в стихотворении «Контур змея» (1922):

Гений! О долгое нетерпение!

Согласно английскому историку Томасу Карлейлю, «гений» – это «прежде всего необыкновенная способность переносить тяготы» («История Фридриха II Прусского», кн. IV (1864), гл. 3). Это определение, широко известное в странах английского языка, можно считать вариацией формулы Бюффона.

Бюффонская «большая способность к терпению» приводит на мысль слова пушкинского Сальери:

Усильным, напряженным постоянством,
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой.

И его же недоуменный вопрос, обращенный к небесам:

Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

Комментарий к этим строкам дал Варлам Шаламов:

«Труд – это потребность таланта. Моцарт потому и стал Моцартом, что работал гораздо больше, чем Сальери. Эта работа доставляла Моцарту удовольствие» («Из записных книжек», 1963).

Германия превыше всего

В августе 1841 года 43-летний немецкий филолог Август Генрих Гофман фон Фаллерслебен отправился на остров Гельголанд, который как раз тогда обрел славу морского курорта. Сейчас остров входит в состав Германии, а тогда принадлежал Британии. На отдыхе Фаллерслебен беседовал с друзьями о германских делах. Они разделяли его либеральные взгляды и мечтали об объединении немецких земель в единое свободное государство.

Фаллерслебен интересовался песенным фольклором и сам был автором множества песен. 26 августа, незадолго до отъезда в Германию, он сочинил три строфы стихотворения, которое назвал «Песнью немцев». «Песнь» была написана на мелодию Йозефа Гайдна для австрийского гимна «Gott erhalte Franz der Kaiser» («Боже, храни императора Франца»). Начиналась она словами:

Германия, Германия превыше всего,
Превыше всего на свете.

Первую строку – «Deutschland, Deutschland über alles...» – знают все, но мало кому известно, что Фаллерслебену она, в сущности, не принадлежит.

В 1684 году в Вене был опубликован трактат «Австрия превыше всего, если только захочет». Автор, немецкий экономист Филипп Вильгельм фон Хёрник, доказывал, что Австрийская империя может стать преобладающей силой в Европе при условии правильной экономической политики. Книга имела немалый успех; столетие спустя вышло ее 15-е издание.

В 1809 году, в разгар наполеоновских войн, появилась военная песня, начинавшаяся со слов:

Если только она захочет,
Австрия всегда превыше всего.

В 1813 году песня была опубликована в Гамбурге и Майнце с новой мелодией и начиналась уже со слов:

Если только она захочет,
Германия всегда превыше всего.

У Фаллерслебена формула «Германия превыше всего» отнюдь не содержала в себе идеи о державном превосходстве не существовавшего еще государства. Она означала лишь, что национальное единство должно быть выше интересов отдельных немецких государств.

«Песнь немцев» стала одним из символов революции 1848 года, а сам Фаллерслебен принял в ней деятельное участие. За это он поплатился должностью профессора германистики в Бреславльском (ныне Вроцлавском) университете.

Власти созданной в 1871 году Германской империи относились к песне Фаллерслебена настороженно, поскольку в ее третьей строфе дважды повторен либерально-демократический лозунг «Единство, и право, и свобода».

В 1919 году Германия подписала унижительный для нее Версальский договор, а два года спустя, в 1921 году, мюнхенский литератор Альберт Маттеи сочинил «четвертую строфу» «Песни немцев», начинавшуюся словами:

Германия, Германия превыше всего,

Особенно в беде.

(Что опять же показывает, что первая строка понималась отнюдь не в великодержавном смысле.)

В 1922 году стоявшие у власти социал-демократы утвердили «Песнь немцев» гимном Германской республики.

Нацисты не стали менять государственный гимн, однако сократили его до первой строфы, после которой в обязательном порядке исполнялся гимн нацистской партии «Хорст Вессель». С этого времени первая строфа «Песни немцев» стала ассоциироваться с нацистским режимом, и после 1945 года оккупационные власти запретили ее исполнение.

В 1952 году усилиями рейхсканцлера Конрада Аденауэра гимн был частично восстановлен в правах: отныне исполняется только его третья строфа. Строка гимна «Единство, и право, и свобода» стала неофициальным девизом Федеративной Республики Германия.

Отчасти похожая история случилась с гимном ГДР «Возрожденная из руин». Гимн был написан в 1949 году композитором Гансом Эйслером на стихи Йоганнеса Бехера (причем тем же размером, что и «Песнь немцев», так что его можно было петь и на мелодию Гайдна). Однако с 1970 года гимн исполнялся без слов. Дело в том, что в первой строфе имелась строка «Германия, единое отечество»; между тем к тому времени власти ГДР окончательно приняли доктрину «Два государства – одна нация».

Строки, сомнительные с позднейшей точки зрения, нетрудно найти и в других государственных гимнах. Во Франции издавна идут дебаты о приемлемости строк «Марсельезы» «Пусть нечистая кровь / Оросит наши нивы!», которые в годы якобинского террора служили лозунгом расправы с «врагами народа». Однако исключать их из текста гимна французы пока не спешат.

Гимнастика ума

Лозунг «Шахматы – гимнастика ума» появился у нас в 1950-е годы. Сперва он был анонимным, но лет 10–15 спустя стал приписываться – ради вящей убедительности – Ленину.

В конце концов, по-видимому, потребовалось подтверждение достоверности лозунга. И оно появилось в статье Якова Рохлина «Гимнастика ума» («Шахматы в СССР», 1980, № 4). Согласно Рохлину, в сентябре 1920 года начальник Всеобуча Н. Подвойский решил провести в Москве шахматную олимпиаду.

– Что ж, предложение интересное, – заметил Ленин, – ведь шахматы – гимнастика ума.

Эту историю Рохлин будто бы услышал от А. Ф. Ильина-Женевского, видного большевика и деятеля советского шахматного движения. Ильин-Женевский умер в 1941 году, так что оставалось лишь верить Рохлину, неожиданно вспомнившему столь важный для шахмат эпизод из жизни вождя.

Как заметил другой шахматный журналист, Виктор Хенкин, «это вранье на протяжении многих советских лет приносило шахматам заметную пользу» (главка «Гимнастика вранья», включенная в книгу Виктора Корчного «Шахматы без пощады», 2006).

Выражение «Шахматы – гимнастика ума» широко известно только в СССР. Мне известен лишь один случай его более раннего употребления – зато за целый век до появления советского лозунга.

6 мая 1853 года в Манчестере состоялся учредительный съезд Шахматной ассоциации Северной и Центральной Англии. Торжественный ужин по случаю съезда открыл Чарлз Аллен Дювал, художник-портретист и председатель Манчестерского шахматного клуба. В этом спиче Дювал назвал шахматы «не только гимнастикой ума, но и гимнастикой духа (not merely mental, but also moral gymnastics)».

Надо полагать, что для него, как истинного британца, «гимнастика духа» была едва ли не важнее «гимнастики ума». Изложение его речи перепечатали основные шахматные журналы Британии и США, однако формула «Шахматы – гимнастика ума» в англоязычных странах не прижилась, так что в Стране Советов ее пришлось придумывать заново.

В Германии «гимнастикой ума» с конца XVIII века именовали логику, математику и древние языки, т. е. основу классического гимназического образования. Неудивительно, что у нас этот оборот стал синонимом гимназической зубрежки. «В моду вошла не совсем удобопонятная фраза: *гимнастика ума*, – сокрушался писатель Е. А. Салиас-де-Турнемир в 1878 году. (...) Как следствие такой фразы, является решение заставить и девушек зубрить латинскую и греческую грамматики, учить алгебру и высшую математику, – и это в ущерб всему прочему...» («Теперь и прежде», «Вестник Европы», 1877, кн. 5).

Так же смотрел на гимназическую «гимнастику ума» Дмитрий Мережковский. В его поэме «Старинные октавы» (1910) читаем:

Потратили мы чуть не целый год,
Чтобы понять отличие *quip* и *quod*;
А говорить по-русски не умели. (...)
Гимнастика ума – полезный труд,
Направленный к одной великой цели:
Нам выправку казенную дадут
Для русского чиновничьего строя,
Бумаг, служебных дел и геморроя.

В советское время лозунг «Математика – это гимнастика ума» цитировался со ссылкой на «всесоюзного старосту» М. И. Калинина, который употребил это выражение в беседе со школьниками.

И именно это значение «гимнастики ума» – наиболее древнее. Сама эта формула принадлежит знаменитому афинскому оратору Исократу, назвавшему математику «гимнастикой ума и приготовлением к философии» (речь «Об обмене имуществом», 353 г. до н. э.).

Тут можно вспомнить еще одно изречение, памятное тем, кто учился в советской школе:

А математику уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит.

На школьных плакатах эти слова по сей день снабжаются подписью «Ломоносов». Однако перед нами такой же апокриф, как и «ленинское» определение шахмат. В «Истории арифметики» (1959) советского педагога И. Депмана это изречение приведено как цитата из объяснительной записки Ломоносова к программе Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Эту записку Депман будто бы отыскал в архиве, однако точной архивной ссылки не привел.

И по сей день о такой записке великого ученого ничего не известно.

Главное – не победа, а участие

На зимней Олимпиаде в Ванкувере Россия заняла 11-е место в общекомандном зачете. К таким результатам мы не привыкли. 5 марта 2010 года премьер Владимир Путин провел совещание по итогам Олимпиады.

– На соревнования подобного рода, – сказал он, – выходят не для того, чтобы пропотеть, а для того, чтобы победить.

Еще определеннее Путин высказался шестью годами раньше: «Я никогда не понимал лозунга о том, что главное не победа, а участие. Этот лозунг придуман людьми, для которых самое главное – удовольствие. Для меня важным является только результат» (интервью газете «Пари-матч» 11 марта 2004 г.).

С Путиным, конечно, согласились бы древние греки. Для античных атлетов победа в Олимпии была единственной целью. Призы за вторые и третьи места не присуждались, а проигравшие старались понезаметнее скрыться.

Когда же и кем был предложен немилый нашему лидеру лозунг?

В приветствии барона Пьера де Кубертена устроителям Олимпийских игр в Лос-Анджелесе 1932 года говорилось: «В Олимпийских играх главное не победить, но принять участие». На церемонии открытия Игр, состоявшейся 30 июля, эти слова были помещены на табло стадиона.

Четыре года спустя, открывая Олимпийские игры в Берлине, Кубертен заявил:

– В Олимпийских играх важна не победа, а участие.

Хозяева Берлинской Олимпиады 1936 года так не думали. Безоговорочная победа Германии по общему количеству медалей и по золотым медалям стала подарком для нацистской пропаганды.

Но история лозунга «Главное – не победа, а участие» гораздо старше.

За 28 лет до Берлинской Олимпиады, на банкете в честь официального открытия Олимпийских игр в Лондоне 24 июля 1908 года, Кубертен говорил:

– В жизни важна не победа, но борьба; главное – не выиграть, но достойно бороться.

При этом он сослался на проповедь американского католического епископа Энгелберта Толбота в соборе Св. Петра, прочитанную несколькими днями раньше, 19 июля. (Поэтому, кстати сказать, лозунг «Главное – не победа, а участие» нередко приписывается Толботу.)

О чем же проповедовал Толбот? «Эти Игры сами по себе лучше, чем состязание и приз. Св. Павел говорит нам, насколько мало важен сам приз. Наш приз не подвержен тлению – он нетленен, и хотя лишь один будет увенчан лаврами, все должны получить равное удовольствие от соревнования».

Было бы странно думать, что епископ нетвердо знал Писание, но факт остается фактом: у Павла и речи нет ни об «удовольствии», ни о маловажности приза. Апостол говорил нечто совершенно иное:

Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить.

Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного.

И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух (...).

(1-е послание Коринфянам, 24–26)

Эти слова следует пояснить. «Венцом тленным» озабочены атлеты-олимпийцы, для которых «воздержание от всего» есть часть спортивной подготовки; о «венце нетленном» (т. е.

о спасении души и Царстве Небесном) думают христиане и, подобно атлетам, напрягают усилия, чтобы его получить. В последнем фрагменте речь идет о кулачных боях, включавшихся в программу античных Олимпийских игр.

Но и это еще не всё. В 1894 году Кубертен приехал в Афины, чтобы убедить греков принять у себя первые Олимпийские игры Нового времени. Греки сомневались – отчасти по финансовым причинам, отчасти опасаясь оказаться в положении мальчиков для битья на олимпийских аренах. 18 ноября, выступая в Парнасском литературном обществе в Афинах, Кубертен сказал:

– Здесь приносит стыд не поражение, но отказ от борьбы.

А это, как заметил американский профессор Дэвид Юнг в статье «Об источнике олимпийского кредо» (1994), – не что иное, как вариант строки из поэмы Овидия «Метаморфозы», IX, 6:

Меньше в моем пораженье стыда, чем в боренье – почета.
(Перевод С. Шервинского)

У Овидия эти слова произносит речной бог Ахелой, который сватался к царевне Деянире одновременно с Гераклом. В схватке с Гераклом он принял образ быка, однако Геракл победил его, обломав противнику один рог.

Кубертен, напоминает Д. Юнг, учился в иезуитской школе, где древние языки были главными дисциплинами, а Овидий – обязательной частью изучения латыни.

Лучшей иллюстрацией мысли о том, что борьба важнее победы, служит знаменитая история с марафонцем, случившаяся на Олимпиаде в Мехико 20 октября 1968 года. В семь часов вечера на стадионе финишировал победитель марафона, эфиоп Мамо Волде. К восьми часам медали были уже вручены, трибуны почти опустели, начинало темнеть. И тут на беговой дорожке появился танзаниец Джон Стивен Аквари. Он бежал прихрамывая, кривясь от боли на каждом шагу, сквозь марлевую повязку на ноге сочилась кровь. Оказалось, что Аквари упал в самом начале забега, серьезно поранив колени и бедра, и все же добрался до финиша под овацию оставшихся на стадионе зрителей. Когда журналисты спросили его, почему он не прекратил бег после падения, танзаниец ответил:

– Моя страна послала меня за 7 тысяч миль не для того, чтобы я стартовал, а для того, чтобы я финишировал.

Свою версию лозунга Кубертена предложил уже не атлет, а врач и писатель-афорист Геннадий Малкин: «В браке главное не победа, а участие».

Гомо советикус, он же совок

В 1985 году в Лондоне вышла книга историка-диссидента Михаила Геллера «Машина и винтики: История формирования советского человека». Здесь утверждалось, что студенты-медики в СССР занятия по-латыни начинают с фразы: «Номо sovieticus sum» – «Я советский человек», т. е. «с первых же шагов в медицине узнают, что есть два вида человека: гомо сапиенс и гомо советикус». Достоверность этого сообщения сомнительна; во всяком случае, в советских учебниках латыни для медиков я этой фразы не отыскал.

Далее Геллер цитировал обширные выдержки из книги «Советский человек» (1974), где встречается термин «Хомо Советикус». На самом деле книга называлась «Образ жизни – советский!». Ее первое издание вышло в 1973 году в Политиздате невообразимым ныне тиражом 75 000 экз., а второе – год спустя тиражом 50 000 экз.

Эту насквозь пропагандистскую книгу написали авторитетные журналисты-«известинцы» (напомню: «Известия» были тогда лучшей советской газетой). Один из них, Леонид Корнилов, – сын писателя Виктора Драгунского. Другой – Александр Васинский, очеркист и автор сценария фильма «Влюблен по собственному желанию» (1982). В 1990-е годы он первым рассказал нашим читателям о том, что такое хоспис, а в 2003 году сам умер в московском хосписе.

Авторы задавались вопросом, «что это за человек – Номо sovieticus». Далее следовал привычный набор качеств советского человека: «коммунистическая идейность», «относится к труду как к главному в жизни», «человек коллектива», «беспредельно предан своей социалистической многонациональной отчизне», «ему до всего есть дело, будь то явление масштаба глобального или жизнь соседей по лестничной площадке».

В тогдашней советской печати термин Номо sovieticus был новинкой и в пропаганде не прижился. Причина проста: на Западе он встречался (обычно в форме Номо sovieticus) с середины 1930-х годов, а в годы «холодной войны» приобрел негативный оттенок.

В русской эмигрантской печати латынь обрусели: «Гомо (или Хомо) советикус». В книге Бориса Башилова «Унтерменши, морлоки или русские» (Буэнос-Айрес, 1953) заявлялось: «“Хомо советикус”, слава Богу и к чести нашего народа, не существует».

Однако широкую известность выражение обрело благодаря памфлету Александра Зиновьева «Гомо советикус» (1982). «На Западе, – писал Зиновьев, – умные и образованные люди называют нас гомо советикусами. (...) Я введу более удобное сокращение для этого длинного выражения – гомосос». Согласно Зиновьеву, гомосос «всецело поддерживает свое руководство, ибо он обладает стандартным идеологизированным сознанием, чувством ответственности за страну как за целое, готовностью к жертвам и готовностью других обрекать на жертвы. (...) Гомосос не является существом нравственным – это верно. Но неверно, будто он безнравствен. Он есть существо идеологическое в первую очередь. И на этой основе он может быть нравственным или безнравственным, смотря по обстоятельствам».

Где-то с конца 1980-х годов в речь вошло слово «совок». Сначала оно означало Советский Союз, а затем – и советского человека вместе с его стилем мышления, т. е. то же, что и «Гомо советикус».

Есть несколько претендентов на авторство этого словечка. Прежде всего это музыкант Александр Градский. Он многократно рассказывал историю о том, как где-то в 1968 году, после очередной «халтуры», они с друзьями взяли портвейна, а так как пить было негде, портвейн распили в песочнице (совсем по Высоцкому). Вместо стаканов использовали формочки; сам же Градский пил из детского совка, на котором было написано: «совок, 23 коп.». Градский сказал друзьям: «Вот наша жизнь», а потом сочинил песню с этим словом.

Даже если так оно и было, трудно представить, чтобы отсюда в народ пошло словечко «совок» в значении «Советский Союз». Да и про старую песенку Градского с этим словом ничего не известно.

Эссеисты Александр Генис и Петр Вайль утверждали, что придумали слово «совок» для обозначения советских туристов, выезжающих в социалистические страны, однако и тут надежных свидетельств нет.

Наконец, писатель и философ Михаил Эпштейн утверждает, что слово «совок» он придумал в 1984 году, когда начал писать книгу «Великая Сось». Сось (по типу «Русь») – это страна сов, а среди населяющих ее племен упоминаются «совки». В 1989 году автор читал свою книгу по Би-би-си, откуда слово будто и попало в молодежный жаргон. Но и в этом можно усомниться – хотя бы потому, что поначалу «совок» в молодежном жаргоне означал страну, а не ее население.

Так что достоверно известен лишь автор «гомососа».

Государство – это я

В 1653 году во Франции закончилась Фронда – пятилетняя гражданская война, в которой знать, провинции и города боролись против правительства кардинала Мазарини. К Фронде примкнули лучшие французские полководцы, ее вожди получили поддержку у Испании и Англии, тем не менее королевская власть победила. Победа обошлась дорого: считается, что население Франции за эти годы уменьшилось на десять процентов.

7 июня 1654 года в Реймсе был коронован 15-летний Людовик XIV, однако страной по-прежнему правил Мазарини. Он продолжил изнурительную войну с Испанией, которая тогда была мировой державой. Чтобы пополнить опустевшую казну, сорок шесть королевских чиновников занялись изобретением новых налогов. Было подготовлено 17 указов о новых налогах и сборах – в том числе за крещение и похороны. 20 марта 1655 года Парижский парламент в присутствии юного короля зарегистрировал эти указы. (Слово «парламент» не должно вводить в заблуждение: тогдашний парламент был высшей судебной палатой, и указы он регистрировал без обсуждения, согласно правилу «Когда государь прибывает, судьи молчат».)

Однако недовольство указами было так велико, что 13 апреля парламент собрался снова, намереваясь признать их регистрацию незаконной. Дело было нешуточное, ведь именно так семью годами ранее началась Фронда. Парижский парламент, в котором заседали представители дворянства, духовенства и горожан, в годы Фронды был оплотом оппозиции.

Людовик явился в парламент и, когда один из членов парламента употребил формулу «король и государство», король будто бы перебил его словами:

– Государство – это я.

Эта версия приведена в «Секретных мемуарах» историка Шарля Дюкло (1704–1772), опубликованных в 1791 году.

По другой, еще более поздней версии, юный Людовик явился в зал заседаний в охотничьем платье, высоких сапогах и с плеткой в руке, а когда председатель парламента стал говорить о «высших интересах государства», король заявил:

– Государство – это я.

В протоколе заседаний этих слов нет. Верно лишь то, что король приехал из Венсенского замка, где он часто охотился, и заявил, что не потерпит обсуждения уже зарегистрированных указов. Этим дело и кончилось; новой Фронды никто не хотел. Одевание короля соответствовало серьезности момента, тем более что перед тем он, согласно обычаю, молился в часовне Сен-Шапель.

Об охотничьем костюме и плетке написал, ради большего эффекта, Вольтер в своем знаменитом труде «Век Людовика XIV» (1751). О фразе «Государство – это я» Вольтер не упоминает. Не упоминают о ней и мемуаристы.

И все же легендарная фраза, хотя и не была произнесена, совершенно точно выражала суть абсолютной монархии. Курс публичного права, который читался юному Людовику XIV, начинался со слов: «Нация сама по себе не существует во Франции; она целиком сосредоточена в особе короля».

А в 1679 году Жак Боссюэ, самый известный проповедник того времени, по поручению Людовика XIV написал «краткий курс» политической мудрости для наследника престола – «Политика, извлеченная из Священного Писания». О короле здесь говорилось: «Все государство – в нем».

Двумя годами ранее в Амстердаме был посмертно опубликован «Политический трактат» Бенедикта Спинозы. Здесь говорилось:

Воля царя есть само гражданское право, и царь – само государство.
(«*Политический трактат*», VII, 25; перевод С. Роговина и Б. Чредина)

Людовик XIV умер в 1715 году, не дожив четырех дней до своего 77-летия. На ложе смерти, прощаясь с вельможами королевства, он сказал:

– Я уйду, но государство по-прежнему остается.

Но кто же первым сказал «Государство – это я?». Вполне возможно, что Наполеон – правда, в прошедшем времени. На о-ве Св. Елены, вспоминая о своем приходе к власти, он говорил: «Государство – это был я» (в записи его секретаря Э. Лас Казеса 7 сент. 1816 г.).

Грабь награбленное!

23 января 1918 года, через три месяца после Октябрьского переворота, Ленин выступил в Петрограде перед агитаторами, посылаемыми в провинцию. Он объяснил им, что «война внешняя кончилась» и наступило время «внутренней войны»:

– Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего, – мы отсидимся». Народ должен вытащить этого «хапалу» и заставить его вернуть награбленное. Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться, чтобы нас не погубил полный крах. Не полиция должна их заставить – полиция убита и похоронена, – сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться с ними. Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? – старик ответил: да, мы грабим награбленное.

Ленин имел в виду историю, которую неделей раньше, 16 января, рассказал донской казак Шамов на III Всероссийском съезде Советов. Старик-станичник расспрашивал большевика Минина, как бы крестьянству получить землю, а выслушав его программу, воскликнул:

– Значит, ты грабитель!

Минин ответил:

– Да, мы грабители, но мы грабим грабителей.

«Это, – заключил Шамов, – так понравилось старому казаку, что он стал самым деятельным большевиком».

Отметим немаловажную разницу между разъяснением Минина и призывом Ленина. Минин говорил станичнику о передаче помещичьих земель крестьянам (лозунг, перехваченный большевиками у эсеров). Ленин же говорил о «сундуках буржуазии», т. е. об изъятии любого имущества, которое изымающие сочтут награбленным, – что уже попахивало уголовщиной.

В книге «О Ленине. Материалы для биографа» (1924) Троцкий вспоминал:

Газеты особенно ухватились за слова «грабь награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

– И далось им это «грабь награбленное», – с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

– Да чьи это слова? – спросил я. – Или это выдумка?

– Да нет же, я как-то действительно это сказал, – ответил Ленин, – сказал да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. – И он юмористически замахал рукой.

Трудно поверить, что Троцкий не знал, чьи это слова, а также в столь удивительную забывчивость его собеседника.

На заседании ВЦИК 29 апреля 1918 года Ленин заявил:

– Попало здесь особенно лозунгу: «грабь награбленное», – лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то – почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов?

Но, поскольку к тому времени скандальный лозунг уже сыграл свою роль, Ленин объявил о переходе к следующему этапу – расстрелу тех, кто грабит награбленное у грабителей:

– ... Награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай...

Как видим, Ленин, защищая свой лозунг, ссылаясь на Маркса, у которого сказано: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал», I, 24, 6).

Ильич умолчал о лозунге «Собственность – это кража», восходящем к трактату Прудона «Что такое собственность» (1840). Между тем его вариации были нередки в анархистской печати конца 1917 года. «Вор крадет краденое», – писали видные идеологи русского анархизма братья Гордины в статье «Долой анархию!» (газ. «Буревестник» (Петроград), 29 ноября 1917 г.).

Еще более близкий источник печально знаменитого лозунга отыскивается не у Маркса и не у Прудона, а в Книге пророка Иезекииля:

«Тогда жители городов Израилевых выйдут (...); и ограбят грабителей своих, и оберут обирателей своих, говорит Господь Бог»; «ограбил награбленное ею»; «грабителей твоих предаю грабежу» (гл. 29, 30, 39).

Напротив, в трактате «Санхедрин» Иерусалимского Талмуда сказано: «Не воруй у вора того, что он украл у тебя».

Та же норма, уже в качестве юридической, а не только моральной, включена в Литовский статут 1529 года – свод западнорусского права:

«А естли бы он, кого пограбил, нестерпял недоходячи правом, а против пограбил; тогды тот хто грабеж за грабеж грабит, тот свою навезку тратить, а тому кого пограбил маеть грабеж вернути и навезати».

То есть: если ограбленный, вместо того чтобы добиваться своего через суд, ограбит грабителя, то он теряет положенный ему штраф, должен вернуть отнятое и сам заплатить штраф.

Гранит науки

Дата рождения «гранита науки» известна совершенно точно: 11 октября 1922 года. В этот день Лев Троцкий выступал на V Всероссийском съезде РКСМ.

– Наука, – втолковывал он комсомольцам, – не простая вещь, и общественная наука в том числе, – это гранит, и его надо грызть молодыми зубами.

И далее:

– Я обращаюсь к вам и через вас ко всем наиболее чутким, наиболее честным, наиболее сознательным слоям молодого пролетариата и передового крестьянства с призывом: учитесь, грызьте молодыми зубами гранит науки, закаляйтесь и готовьтесь на смену.

Этот оборот сразу же получил значение лозунга. Всего неделю спустя, 18 октября, в «Правде» появилась статья И. Степанова «Молодые зубы, гранит и наука». Семен Липкин, которому тогда было 11 лет, в мемуарной повести «Квадрига» вспоминает о школьной тетрадке, на зеленой обложке которой густо чернела голова Троцкого, а под ней изречение: «Грызьте молодыми зубами гранит науки».

В 1923 году левовец Сергей Третьяков сочинил свой вариант песни «Молодая гвардия», весьма популярный в 20–30-е годы; лозунг Троцкого здесь стал двустихием:

Упорною учебю
Грызем наук гранит.

А в сборнике «Песни работницы и крестьянки» (1924) находим частушку:

Троцкий дал такой наказ:
«Грызть гранит науки!»
Разом выполним его,
Взявшись за «аз-буки».

Тут под «наукой» уж точно не имелись в виду науки, преподаваемые в университетах.

В исходной цитате из Троцкого слова «грызть» и «гранит» разнесены; поставленные рядом, они создают яркий фонетический образ: **«грызть гранит»**. Именно это и обеспечило формуле долгую жизнь.

Летом 1925 года Николай Устрялов, бывший кадет, а затем отец-основатель «сменовеховства» и «национал-большевизма», посетил Москву после семилетнего перерыва. В очерке «У окна вагона» («Новая Россия», 1926, № 2) он писал:

«Наше старое студенчество в общей его массе не умело так жадно тянуться к учению, как нынешнее. (...) Не то теперешняя университетская молодежь. (...) Для нее “учеба” – категорический императив. “Грызть гранит науки молодыми зубами” – это не только долг: это и наслаждение, и потребность, это “зов природы”, это боевое знамя, это подвиг. Но самый образ – “гранит” и “зубы” – не случаен: легко ли грызть гранит зубами, хотя б и “молодыми”?».

В это время Устрялов преподавал в Харбинском университете, одновременно работая в советских учреждениях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1937 году он был расстрелян за «шпионаж и контрреволюционную деятельность».

В 1927 году в Харбине вышла, без указания автора, большая ироническая поэма «Епафродит». Ее написал Николай Сетницкий – экономист, статистик, философ, член одесского поэтического кружка, в котором участвовали Э. Багрицкий, В. Катаев, Ю. Олеша. С 1925 по 1935 год Сетницкий служил в Харбине в Экономическом бюро КВЖД, где сблизился с Устря-

ловым; вместе с Устряловым он преподавал в Харбинском университете. Лозунг Троцкого особого сочувствия в нем не вызвал:

Мы говорим: «Гранит науки
Грызи, благая молодежь!
Грызи, пока не изгрызешь».
И многие грызут до муки.
Но пробирает вчуже дрожь.
Вожди зафанфаронят в трубы,
Глядишь, и хватят через край;
Науки и нужны и любы —
Что выдержит: гранит иль зубы?
Боюсь, дантистам будет рай.

Сетницкий был расстрелян в 1937 году (почти одновременно с Устряловым) как «изменник Родины» и «японский шпион».

В начале тридцатых поэт Демьян Бедный попробовал заменить выражение Троцкого сталинским, используя те же аргументы, что и Сетницкий:

– Разве это не внутренне порочный, пораженческий, не безнадежный лозунг? Всякому ясно, что гранита зубами не угрызешь. (...) Нет уж, грызи гранит сам! Сравните это с обращением т. Сталина. Он говорит молодежи: «Учитесь, стиснув зубы!» Стиснув зубы, т. е. с максимальным волевым напряжением. Грызите не гранит, а науку, не зубами, а мозгами! Вот где разница тона. А тон делает музыку.

(Речь 2 января 1931 года на партконференции Ленинского района Москвы.)

«Учиться, стиснув зубы», Сталин призывал в речи на XIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 года.

Старания Бедного пропали втуне: выкинуть «гранит науки» из языка не удалось.

Не оставил без внимания формулу Троцкого философ-эмигрант Георгий Федотов. В «Письмах о русской культуре», опубликованных в 1938 году в журнале «Русские записки», он язвительно замечал: «Поколение, воспитанное революцией, с энергией и даже яростью борется за жизнь, вгрызается зубами не только в гранит науки, но и в горло своего конкурента-товарища».

Лидер эсеров Виктор Чернов, рассказывая о событиях 1899 года, приводит фразу: «Грызут гранит науки по германским университетам». Соответствующая глава его мемуаров «Перед бурей» так и называется: «“Грызуны науки” в германских университетах». Однако эту книгу Чернов, умерший в 1952 году, писал в последние годы жизни, так что тут мы имеем дело с явной абберацией памяти.

Утратив авторство, формула Троцкого стала русским фразеологизмом.

Да возвеличится Россия, да сгинут наши имена!

Это двустишие – одно из наиболее популярных у патриотов-державников, хотя они редко могут назвать автора. Чаще всего возникает имя Тютчева, но нередко – и Пикуля. Действительно, авторское предисловие к роману Пикуля «Пером и шпагой» (1972) заканчивается стихами:

Мы говорили в дни Батыя,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!

Последние две строки приведены также в повести Пикуля «Мальчики с бантиками» (1974) и романе «Честь имею» (1986).

Тютчев этих стихов не писал, хотя их автора знал хорошо. Летом 1854 года все сильнее разгоралась война, ныне известная под названием Крымской, и поэтесса Каролина Павлова откликнулась на это событие назидательно-патриотическим стихотворением «Разговор в Кремле». В июле 1854 года она прочла его на литературном вечере у великой княгини Елены Павловны, где присутствовал и Тютчев.

Из довольно длинного «Разговора...» современникам запомнилось лишь четверостишие «Мы говорили в дни Батыя...». Пикуль (который, вероятно, и сам не знал автора) цитировал не вполне точно: у Павловой было: «И гибнут наши имена!»

Читатели более трезвого склада ума отнеслись к «Разговору...» критически. 30 октября 1854 года цензор Александр Никитенко записал в своем дневнике:

«Павлова (...) ужасно хвастает фразою: “Пусть гибнут наши имена – да возвеличится Россия”. Любовь к отечеству – чувство похвальное, что и говорить. Но (...) сказать “пусть гибнут наши имена, лишь бы возвеличилось отечество”, значит сказать великолепную нелепость. Отечество возвеличивается именно сынами избранными, доблестными, даровитыми, которые не гибнут без смысла, без достоинства и самоуважения. (...) То, что говорит Павлова, – гиперболы и фальшь».

Но фраза, которой хвасталась Павлова, в сущности, принадлежала не ей. Ее истинным автором был генерал Павел Христофорович Граббе (1789–1875), один из героев Кавказской войны. В своем дневнике от 20 мая 1851 г. он писал по поводу войны на Кавказе:

«Мы соглашались оставлять в тайне самые трудные и необыкновенные подвиги. Мне случилось выразить этот дух наших действий пред покойным великим князем Михаилом Павловичем следующим девизом, давно принятым мною:

Да возвеличится Россия,
И сгинут наши имена!»

Этот эпизод относится ко времени не позднее августа 1849 г., когда умер вел. кн. Михаил Павлович.

То же двустишие Граббе привел в письме к генералу Ермолову от 31 марта 1846 года, т. е. за восемь лет до «Разговора в Кремле»:

«Мой девиз был:

да возвеличится Россия
и сгинут наши имена.

Этот девиз остался и теперь моим и останется, если бы случилось еще быть допущенным к общественной деятельности».

А что же Павлова? Она, вероятно, вставила в «Разговор...» где-то услышанный ею девиз.

Любопытно, что и Павлова (урожденная Яниш), и Граббе по происхождению были обрусевшие немцы. Однако для нас важнее другое: в молодости Граббе разделял взгляды декабристов. Он участвовал в «Союзе Спасения» и «Союзе Благоденствия» (до 1821 г.), а в декабре 1825 года был арестован, впрочем, без последствий для будущей карьеры.

Уже поэтому он должен был знать знаменитую фразу Пьера Верньо, одного из вождей жирондистов: «Пусть погибнет память о нас, лишь бы Франция была свободна!» (речь в Конвенте 17 сентября 1792 г.). То же самое говорил Дантон по случаю учреждения Революционного трибунала: «Пусть будет забыто мое имя, лишь бы Франция была свободна!» (речь в Конвенте 10 марта 1793 г.).

А первым ввел этот оборот французский поэт Антуан Мари Лемьер. В его трагедии «Вильгельм Телль» (1766) Телль восклицает:

Да сгинут наши имена, была б Швейцария свободной!

Пушкинское: «И на обломках самовластья / Напишут наши имена!» – можно считать возражением Пьеру Верньо и его соратникам.

Напротив, уже в совершенно минорном ключе звучит эта мысль в юношеской поэме Лермонтова «Последний сын вольности» (1831):

Победы мы не встретим вновь,
И наши имена покрыть
Должно забвенье, может быть.

Как видим, девиз Граббе восходит к девизу французских революционеров, только «свобода», неуместная в николаевскую эпоху, уступила место «величию».

В послереволюционной эмиграции двестишние Граббе-Павловой считалось лозунгом НТС – Народно-трудового союза, созданного в 1936 году на базе Национального союза русской молодежи. Тогда же студент Павел Зеленский написал песню «Молодежная» («В былом источник вдохновенья...»). Заканчивалась она словами:

А путь осветят нам святые
Извечной доблести слова:
«Да возвеличится Россия,
Да гибнут наши имена!»

«Молодежная» стала своего рода гимном НТС; мемуары Виктора Байдалакова, основателя НТС, были опубликованы в 2002 году под заглавием «Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...»

Диссидент-либерал Андрей Амальрик отзывался об этом двестишии почти так же, как цензор Никитенко – о двестишии Каролины Павловой: «Сквозь благородный лозунг НТС “Пусть погибнут наши имена, но возвеличится Россия!” просвечивает “Ты – ничто, твой народ – всё!”» («Записки диссидента», 1978).

Амальрик, можно сказать, предвосхитил лозунг «Россия – всё, остальное – ничто!», появившийся в статье Эдуарда Лимонова «Опричники национальной революции» (1995).

Что же до патриотов-державников, то они взяли двустороние о России, конечно, не из песни Зеленского, а из романа Пикуля. НТС (немалая часть которого в годы войны пыталась сотрудничать с немцами) для них скорее пугало, чем образец.

Но тождество лозунгов налицо.

Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время

На яхте «Беда» вышел из строя корабельный хронометр. Как теперь прокладывать курс? Капитан Врунгель решает проблему способом простым, как все гениальное:

Вы берете часы, какие угодно, хоть стенные, хоть башенные, можно даже игрушечные, все равно. Лишь бы у них были стрелки и циферблаты. Причем вовсе не обязательно, чтобы стрелки двигались: напротив, совершенно необходимо, чтобы они не двигались. Пусть стоят. И вот, допустим, они показывают, как мой хронометр, ровно двенадцать часов. Отлично! Конечно, в течение большей части суток пользоваться таким хронометром не придется, но это, знаете, и ни к чему, излишняя роскошь; зато два раза в сутки – в полдень и в полночь – ваш хронометр совершенно точно покажет время. Тут только нужно не пропустить момента, когда посмотреть, а это уж зависит от личных способностей наблюдателя.

(Андрей Некрасов, *«Приключения капитана Врунгеля»*, 1939)

Капитан Врунгель не первым набрел на эту замечательную идею. Изречение: «Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время», – было известно давно. В американских антологиях цитат оно с конца 1960-х годов приписывается австрийской писательнице Марии Эбнер фон Эшенбах, автору классического сборника «Афоризмы» (1880). Но этого афоризма мы у нее не найдем.

Самое раннее упоминание о способе капитана Врунгеля сайт «Quoteinvestigator» датирует началом XVIII столетия. 28 июля 1711 года Джозеф Аддисон писал в своем журнале «Наблюдатель» («The Spectator»):

Если бы они [провинциалы] все время носили одно платье, иногда они оказывались бы одеты по последней моде (...). Время от времени мода совпадала бы с ними, подобно остановившимся часам, которые раз в двенадцать часов показывают точное время.

В 1809 году вышел в свет сатирический роман Вашингтона Ирвинга «История Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии». Здесь указывалось:

Правителю несомненно более пристало быть настойчивым и последовательным в заблуждениях, чем колеблющимся и противоречивым в старании поступать правильно. (...) Часы, стрелки которых стоят на месте и неизменно направлены в одну сторону, дважды в сутки будут, разумеется, показывать правильное время, а другие часы могут постоянно идти, но постоянно неверно.

(Перевод В. Ровинского)

Математик и логик Чарльз Л. Доджсон, известный нам под именем Льюис Кэрролл, в молодости издавал домашний журнал, одна из серий которого называлась «Зонтик-колокольчик» (ок. 1850–1853). В 1898 году в печати появилась задачка из «Зонтика-колокольчика»:

Какие часы лучше: те, что показывают точное время лишь раз в год, или те, что показывают верное время два раза в день? «Несомненно, вторые, – отвечаете вы». Прекрасно, читатель, а теперь внимание.

У меня есть двое часов: одни не идут вообще, другие отстают на минуту за день. Какие бы вы предпочли? «Разумеется, отстающие, – отвечаете вы».

Теперь заметьте-ка: часы, отстающие на минуту за день, должны отстать на двенадцать часов, т. е. на семьсот двадцать минут, прежде чем снова покажут точное время. Следовательно, они точны раз в два года, тогда как другие совершенно точны всякий раз, когда наступит время, которое указывают их стрелки; а это случается дважды в день.

Американский физик Дэниэл Лузон Моррис писал:

Когда-то было мудро замечено, что даже сломанные часы дважды в день показывают точное время. Я попытаюсь быть еще мудрее и скажу, что только сломанные часы и могут оказаться абсолютно точны и что только покойник абсолютно безгрешен.

(«Возможности безграничной искренности», 1952)

И уже в наши дни американский актер и писатель-юморист Джон Ходжман заметил:

Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время.

А солнечными часами даже ночью можно согреть кого-нибудь по башке.

Даже у параноика есть враги

В этой форме фраза утвердилась у нас после выхода в свет составленной мною «Большой книги афоризмов» (1999). В английском оригинале чуть иначе: «Даже у параноиков есть реальные враги» («Even paranoids have real enemies»). В «Большой книге...», как и в англоязычных антологиях, автором фразы назван госсекретарь США Генри Киссинджер.

Однако это неверно. Сведения об истории изречения появились на сайте «Quoteinvestigator» в 2013 году.

Итак: в примечании редакторов к одной из статей, помещенных в посмертном «Собрании трудов» (1953) американского психоаналитика Отто Фенихеля, говорилось:

Фрейд в своей работе «Некоторые невротические механизмы ревности, паранойи и гомосексуальности» показывает, что даже параноики бредят не совершенно произвольно, но скорее преувеличивая мельчайшие объективные признаки.

В романе Вирджинии Макманус «Не за красивые глазки» («Not for Love», 1960) содержится следующий диалог:

- Я думаю, что за моей квартирой следят.
- А ты знаешь, что значит п-а-р-а-н-о-и-к? (...)
- Да, я знаю, что значит параноик, но это не значит, что в мире нет шантажистов.

Обе эти цитаты относятся к предыстории фразы. Ее настоящая история начинается в эпоху расцвета молодежной контркультуры.

21 июля 1967 года в газете «Christianity Today» были приведены примеры надписей на нагрудных значках, в том числе:

Я хочу быть тем, кем я был, когда я хотел быть тем, кто я есть.

Покончи с бедностью. Дай мне десятку.

Даже у параноиков есть реальные враги.

В сентябре того же года значок с этой надписью был представлен на Первой международной психоделической выставке в нью-йорском клубе «Forest Hills Country».

В 1968 году в журнале «Эсквайр» автором этого изречения был назван – без каких-либо доказательств – поэт и новеллист Делмор Шварц, умерший в 1966 году.

И лишь пять лет спустя изречение было приписано Киссинджеру. В газете «Вашингтон пост» от 1 сентября 1973 года известный политический обозреватель Стюарт Олсоп писал:

Что касается врагов президента, то их можно было бы считать еще одним симптомом никсоновской паранойи. Однако Генри Киссинджер как-то пошутил, что «даже у параноиков есть реальные враги», и враги Никсона совершенно реальны.

В 1969 году в американской печати цитировалась настенная надпись:

На помощь! Меня преследуют параноики!

А в 1971 году еще одна, хорошо известная и у нас:

Если у тебя нет паранойи, это еще не значит, что за тобой не следят.

Справедливость «формулы Киссинджера» подтверждается случаем с Джеймсом Форрестолом, экс-министром обороны США, который в 1949 году выбросился из окна госпиталя в припадке депрессии. Среди прочего, он считал, что за ним следят израильские спецслужбы. И впоследствии выяснилось, что он не ошибся: Израиль, опасаясь тайного сговора США с арабами, действительно установил слежку за Форрестолом.

Один из героев повести Дэвида Сэлинджера «Выше стропила, плотники» (1955) замечает:

– Должно быть, я параноик наоборот. Я подозреваю, что другие сговариваются, чтобы меня осчастливить.

Есть еще и такое изречение неизвестного американского автора:

Если вам кажется, что вы сошли с ума, вы здоровы; а если вам кажется, что все посходили с ума, вы не в своем уме.

Дай мне мужество изменить то, что я могу изменить...

Есть молитва, которую считают своей не только приверженцы самых разных конфессий, но даже неверующие. По-английски ее именуют Serenity Prayer – «Молитва о спокойствии духа». Вот один из ее вариантов:

– Господи, дай мне спокойствие духа, чтобы принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить, и дай мне мудрость отличить одно от другого.

Кому ее только не приписывали – и Франциску Ассизскому, и оптинским старцам, и хасидическому рабби Аврааму-Малаху, но чаще всего Курту Воннегуту. Почему Воннегуту – как раз понятно.

В 1970 году в «Новом мире» появился перевод его романа «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1968). Здесь упоминалась молитва, висевшая в оптометрическом кабинете Билли Пилигрима, главного героя романа. «Многие пациенты, видевшие молитву на стенке у Билли, потом говорили ему, что она и их очень поддержала. Звучала молитва так:

ГОСПОДИ, ДАЙ МНЕ ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ, ЧТОБЫ ПРИНИМАТЬ ТО, ЧЕГО Я НЕ МОГУ ИЗМЕНИТЬ, МУЖЕСТВО – ИЗМЕНЯТЬ ТО, ЧТО МОГУ, И МУДРОСТЬ – ВСЕГДА ОТЛИЧАТЬ ОДНО ОТ ДРУГОГО.

К тому, чего Билли изменить не мог, относилось прошлое, настоящее и будущее» (перевод Риты Райт-Ковалевой).

С этого времени «Молитва о спокойствии духа» стала и нашей молитвой.

А впервые она появилась в печати 12 июля 1942 года, когда «Нью Йорк таймс» поместила письмо читателя с вопросом, откуда эта молитва взялась. Только ее начало выглядело несколько иначе; вместо «дай мне спокойствие духа (serenity of mind) – «дай мне терпение». 1 августа другой читатель «Нью-Йорк таймс» сообщил, что молитву составил американский проповедник-протестант Рейнхольд Нибура (1892–1971). Эту версию ныне можно считать доказанной.

В устном виде молитва Нибура появилась, по-видимому, в конце 1930-х годов, но широкое распространение получила в годы Второй мировой войны. Тогда же ее взяли на вооружение «Анонимные алкоголики».

В Германии молитва Нибура долго приписывалась немецкому богослову Карлу Фридриху Этингеру (K. F. Oetinger, 1702–1782); тот же автор указан в I издании моего «Словаря современных цитат» (1997). Дело в том, что перевод молитвы на немецкий был опубликован в 1951 году под псевдонимом «Фридрих Этингер». Этот псевдоним принадлежал пастору Теодору Вильгельму; сам он получил текст молитвы от канадских друзей в 1946 году.

Насколько оригинальна «Молитва о спокойствии духа»? До Нибура она нигде не встречалась. Исключение составляет лишь ее начало. В 1934 году в одном из американских журналов появилась статья Джуны Пёрселл Гилд «Зачем нужно ехать на Юг?». Здесь говорилось:

«Многие южане, по-видимому, очень мало делают для того, чтобы стереть страшную память о Гражданской войне. И на Севере, и на Юге не у всех хватает *спокойствия духа, чтобы принять то, чего нельзя изменить*» (курсив мой. – К.Д.).

Почти двумя тысячелетиями раньше Гораций писал:

Тяжко! Но легче снести терпеливо
То, чего изменить нельзя.

(«Оды», I, 24)

Неслыханная популярность «Молитвы о спокойствии духа» привела к появлению ее пародийных переделок. Наиболее известна из них «Молитва офисного работника» («The Office Prayer»):

– Господи, дай мне спокойствие духа, чтобы принять то, чего я не могу изменить; дай мне мужество изменить то, что мне не по нраву; и дай мне мудрость спрятать тела тех, кого я убью сегодня, ибо они достали меня.

А еще помоги мне, Господи, быть осторожным и не наступать на чужие ноги, ибо над ними могут быть задницы, которые мне придется целовать завтра.

Двунадесять языков, четырнадцать держав

В словаре Даля читаем: «*Нашествие двунадесяти языков*, Отечественная война, наступление Наполеона на Русь, в 1812 году». Откуда взялись эти «двунадесять языков» и почему именно «двунадесять», т. е. двенадцать?

Выражение это появилось уже после изгнания Великой Армии из России, причем в несколько иной форме. 25 декабря 1812 года был обнародован Высочайший манифест «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского». Здесь говорилось:

Да представят себе *собрание с двадцати царств и народов*, под единое знамя соединенные, с какими властолюбивый, надменный победами, свирепый неприятель вошел в Нашу землю [курсив здесь и далее мой. – К.Д.].

Указом Александра I от 30 августа 1814 года предписывалось ежегодно, в день Рождества Христова (т. е. 25 января), праздновать «избавление Церкви и державы Российския от *нашествия галлов и с ними двудесяти язык*». Этот Указ, как и Манифест 25 декабря 1812 года, был составлен, как сказали бы теперь, спичрайтером государя – статс-секретарем А. С. Шишковым.

С тех пор в церковных рождественских проповедях неизменно упоминалось о нашествии «двудесяти язык».

Наконец, 1 января 1816 года вышел Манифест (написанный все тем же Шишковым) «О благополучном окончании войны с французами», где говорилось об «ужасном, *из двадцати царств составленном ополчении*».

Итак, в указах и манифестах говорилось сначала о «царствах и народах», потом о «языках» (народах), потом только о «царствах» (государствах). Число вражеских то ли царств, то ли языков составляет двадцать. Разумеется, это не точная цифра, а числовая метафора, означающая «очень много».

В 1812 году России объявила войну Франция, а также ее союзники и вассальные государства: Австрия, Пруссия, Швейцария, Герцогство Варшавское, Испания, Королевство Италия, Неаполитанское королевство и Рейнский союз, включавший 37 немецких государств. Таким образом, «царств» (государств, хотя бы и зависимых) было 8+37, итого 45; если же считать Рейнский союз за одно «царство», то «царств» оказывается девять. Собственно же языков (т. е. народов, говорящих на одном языке) насчитывалась дюжина с лишним, так как в одной Австрийской империи их было не менее десятка.

Очень скоро наряду с «двудесятью языками» появились «двунадесять язык» или «языков». Вероятно, сказалось влияние широко распространенных оборотов «двунадесятые праздники», «двунадесять апостолов» и т. д. К тому же цифра 12 лучше подходит для роли символического числа.

В пушкинской «Истории села Горюхино» (1830) повествователь пишет: «По изгнании двухнадесяти языков, хотели меня снова везти в Москву...»

В 1827–1834 годах в Москве была сооружена Триумфальная арка в честь победы в Отечественной войне. Один из двух ее горельефов изображал «Побиение двунадесяти языков» (согласно пояснительной надписи на особой бронзовой доске). Тем самым формула «двунадесять языков» была узаконена официально наряду с прежней.

В XX веке старая формула возродилась в новом обличье. 30 августа 1919 года в «Известиях» появилось сообщение о том, что Черчилль заявил о плане «концентрированного наступления армий 14 государств против Москвы». Это сообщение было взято из шведской «Фолькетс дагблат политикен» от 25 августа. Сотрудник «Известий» Ю. М. Стеклов счел все

же нужным уточнить: «Мы не знаем, действительно ли произносил Черчилль ту речь, о которой сообщает скандинавская газета, или же этот спич принадлежит к разряду апокрифов».

Согласно Ленину, «Черчилль потом опровергал это известие. (...) Но если бы даже (...) источник оказался неправильным, мы прекрасно знаем, что дела Черчилля и английских империалистов были именно таковы» (доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря 1919 г.).

Цифра 14 применительно к Гражданской войне получила то же значение числового символа, что и цифра 12 по отношению к войне 1812 года. В речи на открытии IX съезда РКП(б) 29 марта 1920 года Ленин заявил:

– ...Несмотря на двукратный, трехкратный и четырнадцатикратный поход империалистов Антанты, (...) мы оказались в состоянии победить.

Мифический «поход четырнадцати держав», он же «Второй поход Антанты», прочно вошел в советские учебники как обозначение плана военной интервенции, якобы разработанного летом 1919 года. В действительности – к великому сожалению Черчилля – никакого общего плана у держав Антанты не было.

В 1949 году появилась пьеса Всеволода Вишневского «Незабываемый 1919-й». Она была удостоена Сталинской премии и в 1951 году экранизирована. В одном из первых эпизодов фильма показан первомайский субботник в Кремле. Цитирую сценарий:

Ленин и пожилой рабочий с трудом несут на плечах тяжелое бревно.
У пьедестала Царь-колокола свалили его на груды таких же бревен; с трудом переводят дыхание. (...)

– Я уверен, что этой весной Антанта опять начнет натиск. Уж распространяются слухи о походе четырнадцати держав.

– Это каких же четырнадцати, Владимир Ильич?

– Четырнадцати? Гм... подсчитаем. Англия – раз, США, Франция, Италия, Япония, Греция, Югославия, Польша, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия и прибавьте Колчака и Деникина. Да, подсчет точный.

Рабочий даже привстает от волнения.

В прологе пьесы «Незабываемый 1919-й» Ленин говорил о походе 14 держав не рабочему, а Сталину, и тоже в мае 1919-го. Таким образом, он предвосхищает план Антанты, который даже по советским учебникам появился не раньше июля. Однако о Югославии Ильич говорить не мог; это наименование появилось через пять лет после его смерти.

Дети, кухня, церковь

Выражение «дети, кухня, церковь» цитировалось у нас как «старая немецкая поговорка» или (в советское время) как «старый реакционный лозунг». Максим Горький в статье «О женщине» (1930) указывал и конкретного автора: «Вильгельм Второй должен был напомнить с высоты своего трона, что у немецкой женщины только три обязанности пред ее страной: дети, кухня, церковь». Напомним, что Вильгельм II, император Германской империи, правил с 1888 по 1918 год.

Этот оборот хорошо известен и в других странах, причем чаще всего он приводится по-немецки: «Kinder, Küche, Kirche». В «Оксфордский словарь английского языка» эта немецкая формула попала уже в 1901 году. Обычно она приписывалась Вильгельму II или его жене Августе Виктории. Однако – странное дело – это выражение отсутствовало в немецких словарях крылатых слов вплоть до конца XX века.

Первое известное мне упоминание о нем появилось в заметке «Германская императрица», опубликованной осенью 1894 года в английской печати, а затем перепечатанной в ряде американских газет под заглавием «Патрон трех “К”». Согласно этой заметке, император Вильгельм II будто бы говорил:

– Все немецкие девушки должны последовать примеру императрицы и, как она, посвятить свою жизнь «трем “К”» – Kirche, Kinder и Küche.

Пять лет спустя, 17 августа 1899 года, в английской «Westminster Gazette» появилась заметка «Американские леди и император. Четыре “К” императрицы». Здесь рассказывалось, как Вильгельм II встречался на своей яхте с американками – сторонницами гражданского равноправия женщин. Выслушав их, кайзер сказал:

– Я согласен со своей женой. И знаете, что она говорит? Что не женское дело заниматься чем-либо, кроме четырех «К» (...). Эти четыре «К» – Kinder, Kirche, Küche, Kleider [дети, церковь, кухня, платье].

Согласно немецкой исследовательнице Сильвии Палечек, раннее упоминание о «трех “К”» в германской печати появилось в 1899 году, в сообщении немецкой феминистки Кэт Ширмахер о международном женском конгрессе в Лондоне. При этом Ширмахер ссылалась на английские источники (S. Paletschek, «Kinder – Küche – Kirche», в сб. «Deutsche Erinnerungsorte», 2001, т. 2). Вскоре появились иронические перефразировки этой формулы, например, «Konversation, Kleider, Küche, Kaiser» («разговоры, платье, кухня, кайзер»).

История, рассказанная в «Westminster Gazette» не более чем исторический анекдот, хотя императрица Августа Виктория действительно придерживалась крайне консервативных взглядов на женский вопрос. Вильгельм II разделял эти взгляды; главной задачей женщины он считал «незаметный домашний труд в кругу семьи».

Еще раньше в том же духе высказывались немецкие христианские моралисты:

«Воспитанная в христианском духе жена (...) работает по дому, шьет одежду для мужа и детей, трудится на кухне, чтобы доставлять радость мужу» (Г. Ульхорн, «Христианское милосердие», 1882).

У нас этот идеал называли бы домостроевским.

Тем не менее краткая формула «Kinder, Küche, Kirche» возникла не в Германии, а, по-видимому, в английской печати. Тем самым патриархальные представления о роли женщины связывались с немецкой национальной ограниченностью, хотя немецкие женщины в конце XIX века были не более патриархальны, чем в других западноевропейских странах.

В 1930-е годы «три “К”» – как на Западе, так и в Советской России, – стали цитироваться как лозунг национал-социализма в женском вопросе. Нацизм действительно ликвидировал независимое женское движение и в женском вопросе официально придерживался патри-

архально-почвеннической ориентации. Однако лозунг «дети, кухня, церковь» в Третьем рейхе никогда не использовался. Он не мог быть принят хотя бы ввиду не слишком дружественного отношения нацизма к церкви.

Новая жизнь «трех “К”» началась в 1960-е годы, вместе с появлением радикального феминизма на Западе. «Три “К”» стали символом социального угнетения женщины в западном обществе, при этом сам лозунг часто приписывался Гитлеру.

В самой Германии выражение «Kinder, Küche, Kirche» стало общеупотребительным лишь в последние десятилетия XX века. В немецкой печати возникли новые перефразировки старой формулы: «Karriere, Kinder, Kompetenz» («карьера, дети, компетентность»), «Kinder, Kapital, Karriere» («дети, капитал, карьера»).

И наконец, тогда же появились мужские «три “К”»: «Konkurrenz, Karriere, Kollaps» – «конкуренция, карьера, крах».

Для торжества зла достаточно лишь...

Согласно опросу, проведенному в начале этого века редакцией «Оксфордского словаря цитат», в англоязычном мире самой популярной современной цитатой оказалась следующая:

«Для торжества зла достаточно лишь, чтобы хорошие люди ничего не делали».

Так пишет Ралф Кейз в книге «Верификатор цитат» («The Quote Verifier», 2006).

Эта мудрость, как и множество других, разошлась по всему свету с легкой руки Джона Кеннеди. 17 мая 1961 года в Оттаве он обратился к канадским парламентариям со словами:

– Дело, за которое борется свободный мир, крепнет за столом переговоров и в умах людей, потому что это правое дело. Но еще больше его упрочают целенаправленные усилия свободных людей и свободных наций. Как сказал великий парламентарий Эдмунд Бёрк, «для торжества зла достаточно лишь, чтобы хорошие люди ничего не делали».

Эдмунд Бёрк (1729–1797), английский политический публицист и философ, считается одним из отцов современного консерватизма. Цитаты, которую привел Кеннеди, у него нет. Правда, отдаленно похожая мысль встречается в речи Бёрка, произнесенной в Палате общин 23 апреля 1770 года:

– Когда дурные люди стовариваются, хорошие должны объединяться, иначе они погибнут поодиночке.

Гораздо ближе к приведенному Кеннеди изречению высказывание Джона Стюарта Милля (1806–1873), одного из идейных отцов либерализма:

– Чтобы добиться своего, дурным людям нужно лишь, чтобы хорошие люди наблюдали со стороны и ничего не делали. («Об образовании», речь в Университете Сент-Андрус (Шотландия) 1 февраля 1867 г.)

А самый ранний пример цитирования «бёрковского» изречения обнаружил американский исследователь Барри Попик. В начале июля 1920 года британский предприниматель Марри Хизлоп обратился с посланием к Международному конгрегационалистскому совету, IV съезд которого состоялся в Бостоне. В послании речь шла о сухом законе:

Бёрк однажды сказал: «Для торжества зла достаточно лишь, чтобы хорошие люди ничего не делали». Оставьте в покое торговлю спиртным, и она задушит все хорошее, что есть в жизни страны. Оставьте ее в покое – это все, что ей нужно. Для ее торжества достаточно нашей трусости. Для ее сокрушения достаточно нашего мужества.

К высказыванию Бёрка в речи 1770 года очень близки слова Пьера Безухова в эпилоге «Войны и мира»:

– ...Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое.

Насколько сам Толстой разделял эту мысль? Слова Пьера предваряются замечанием автора романа: «Это было продолжение его самодовольных рассуждений об его успехе в Петербурге. Ему казалось в эту минуту, что он был призван дать новое направление всему русскому обществу и всему миру». Дистанция между героем и автором очевидна.

Натан Эйдельман в повести «Первый декабрист» писал:

«Толстой (...) верил не столько в объединение хороших людей, сколько во внутреннее, духовное освобождение каждого отдельного человека (в старости, например, смеялся над обществами трезвости: не пить следует в одиночку, а если уж собираться – то лучше выпить...). Поэтому (повторим) неверно считать главнейшей мыслью романа “Война и мир” слова Пьера – “что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое”.

Тем более что “честные люди” куда хуже умеют объединяться – чем разъединяться...»

Однако Толстой, вероятно, согласился бы с высказыванием Сенеки:

«Постоянному и плодovитому злу должен противостоять медленный и упорный труд: не для того, чтобы уничтожить его, но для того, чтобы оно нас не одолело» («О гневе», II, 10; перевод Т. Бородай).

Добрым словом и револьвером

У нас изречение о добром слове и револьвере появилось в начале «лихих девяностых», когда револьвер стал обычным инструментом бизнеса. В 1992 году публицист Сергей Митрофанов писал:

«А “начальный капитал”, как известно из той же мировой литературы, всегда рождался из преступления. “Добрым словом и револьвером можно добиться большего, чем одним только добрым словом”, – говаривал американский гангстер Аль Капоне в переходный период становления американского капитализма...» («Какую Россию мы ожидали?», «Столица», 1992, № 31).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.